This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Google

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

I. N°41.

MUSIC LIBRARY
STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES

57

П. Штраусъ
1888

I. N° 41.

MUSIC LIBRARY
STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES

57

П. Штраусъ
1888

I. N° 41.

MUSIC LIBRARY
STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES

57

П. Штраусъ
1888

ГОСУДАРСТВЕННАЯ
ПУБЛИЧНАЯ БИБЛИОТЕКА

Kolmovskii, A. I.

БІОГРАФІЯ

М. И. ГЛИНКИ,

съ приложеніемъ портрета и факсимиле.

А. И. КОЛМОВСКАГО.

Изданіе В. Ж. ПОЗНЯКОВА.

СМОЛЕНСКЪ.
Типо-литографія А. И. Елишева и К°.
1885.

ML410
G56K8

Дозволено цензурою 3 Апрѣля 1885 года, С.-Петербургъ.

Mr. and Mrs.

Michael Faraday

Источниками при составленіи настоящаго біографическаго очерка служили:

1. *«Записки Михаила Ивановича Глинки». «Русская Старина». Историческое изданіе. 1870. Изд. третье.*
2. *«Михаилъ Ивановичъ Глинка». Владиміръ Стасовъ. «Русскій Вѣстникъ 1857 г. №№ 20, 21, 22 и 23.*
3. *«Послѣдніе годы жизни и кончина М. И. Глинки». Воспоминанія сестры его, Л. И. Шестаковой. «Русск. Ст.» 1870 г. 3 изд.*
4. *«Михаилъ Ивановичъ Глинка» въ воспоминаніяхъ его сестры, Л. И. Шестаковой, 1880 г.*
5. *«Изъ записной книжки». П. Мартьяновъ «Историческій Вѣстникъ» 1885 г. Февраль.*

I.

Дѣтство. Домашнее воспитаніе.

Раннимъ утромъ 20 мая 1804 года, въ с. Новоспасскомъ ельнинскаго уѣзда смоленской губерніи, у капитана въ отставкѣ, Ивана Николаевича Глинки, родился сынъ, Михаилъ. Новорожденный былъ впослѣдствіи нашъ геніальный композиторъ Михаилъ Ивановичъ Глинка.—Село Новоспасское расположено въ верховьяхъ р. Десны; при жизни Михаила Ивановича оно было окружено непроходимымъ лѣсомъ, составлявшимъ продолженіе знаменитыхъ брянскихъ лѣсовъ

Первоначальное воспитаніе ребенка, вскорѣ по рожденіи, предоставлено было его бабкѣ. Бабушка перенесла внука въ свою комнату и безраздѣльно завладѣла имъ. Въ этой комнатѣ Михаилъ Ивановичъ провелъ около четырехъ лѣтъ своего дѣтства; сюда допускались только кормилица, няня и ближайшіе знакомые бабушки; даже съ родителями мальчикъ видѣлся очень рѣдко. Бабушка слишкомъ любила тепло, притомъ она была преклонныхъ лѣтъ и почти всегда хворала; температура въ ея комнатѣ постоянно поддерживалась не менѣе 20° тепла по Реомюру. Не смотря на такой полутропическій жаръ, малютка не выходилъ изъ шубки; ночью, часто и днемъ, его поили чаемъ со сливками, снабжали множествомъ

сахару, крендельковъ, бубликовъ; на свѣжій воздухъ выпускали изрѣдка даже въ теплую погоду. Баловство бабушки доходило до невѣроятной степени; внуку ни въ чемъ не было отказа. Это въ высшей степени искусственное воспитаніе почти не повліяло на нравъ ребенка; онъ не отличался тѣми нравственными качествами, какъ—большинство балованныхъ дѣтей, но вредъ для здоровья отъ воспитанія бабушки былъ громаденъ. Ребенокъ былъ тихъ, кротокъ и становился недотрогой,—только когда былъ чѣмъ нибудь занятъ; отсутствіе свободныхъ движеній на вольномъ воздухѣ, изобиліе сахару и крендельковъ уже въ раннемъ дѣтствѣ вызвали у Михаила Ивановича предрасположеніе къ болѣзнямъ, отъ которыхъ онъ страдалъ почти всю свою жизнь; золотушный, крайне слабаго сложенія организмъ его требовалъ иного физическаго воспитанія. Разслабленные еще въ дѣтствѣ, нервы особенно безпокоили Глинку и доставили ему невыносимыя страданія.

Глинка чрезвычайно рано выучился читать. Еще въ теплицѣ бабушки, когда ему было всего около четырехъ лѣтъ, онъ читалъ бабушкѣ и ея знакомымъ священныя книги; слушательницы приходили въ восторгъ отъ этого чтенія. Любимое занятіе у Глинки было ползать по полу и рисовать мѣломъ деревья, церкви. Въ немъ рано проснулось религіозное чувство. Обряды богослуженія приводили юную душу въ живой поэтическій восторгъ; звонъ церковныхъ колоколовъ заставлялъ жадно вслушиваться въ эти рѣзкіе звуки; отъ нихъ оставалось такое сильное впечатлѣніе, что нашъ будущій композиторъ началъ свои музыкальныя упражненія, ловко подражая звонарямъ на двухъ мѣдныхъ тазахъ, не покидалъ этой забавы даже, когда былъ боленъ, только тазы замѣнялись колокольчиками. По восьмому году, когда семья спасалась въ Орелъ отъ нашествія французовъ, Михаила Ивановича сильно еще занималъ колокольный трезвонъ, и онъ усердно воспроизводилъ эти звуки на своихъ мѣдныхъ тазахъ.

Слабонервностью Глинка отличался съ малолѣтства. За нѣсколько дней до кончины бабушки, ей приложили пластырь съ отвратительнымъ запахомъ; когда старушка скончалась, малолѣтняго Глинку даже силой не могли заставить войдти къ ней; такъ онъ и не присутствовалъ при кончинѣ своей бабушки, хотя очень любилъ ее.

Послѣ смерти бабки, Глинка окруженъ былъ только женщинами. Мать меньше баловала сына, даже дѣлала попытки пріучить его къ свѣжему воздуху, но попытки большей частью оставались безъ успѣха. Къ прежней нянѣ взяли другую, Ирину Мѣшкову; у этой няни была дочь, немного старше Глинки; его компаньономъ по дѣтскимъ играмъ была еще родная сестра годомъ моложе. Находясь въ такомъ обществѣ, мальчикъ вовсе не походилъ на дѣтей своего возраста: нравъ тихій и кроткій окрѣпъ, а къ буйнымъ выходкамъ не было повода. Штатъ нянь увеличенъ былъ потомъ француженкой, Розой Ивановой.

Первымъ учителемъ отецъ нанялъ архитектора. Вмѣсто мѣла, учитель далъ своему ученику карандашъ, началъ уроки рисованія съ глазъ, носовъ, ушей. Система ученія заключалась въ безотчетномъ, механическомъ подражаніи.—На пылкое воображеніе юнаго Глинки особенно повліялъ одинъ дальній родственникъ; это былъ любознательный, добрый старичекъ, часто посѣщавшій семью Глинокъ. Михаилъ Ивановичъ жадно слушалъ его разсказы о далекихъ краяхъ, о дикихъ людяхъ, произведеніяхъ тропическихъ странъ. Старецъ привезъ однажды сборникъ путешествій, изданный еще при Екатеринѣ II—«О странствіяхъ вообще». Описанія Цейлона, Суматры, Явы, вообще, тропическаго міра Азіи, такъ заинтересовали молодаго читателя, что онъ принялся за изученіе этого міра, началъ дѣлать извлеченія изъ описаній, отдался со страстью чтенію путешествій, чертилъ географическія карты и въ то же время дѣлалъ быстрые успѣхи въ рисованіи. Этой страсти онъ жертвовалъ своими дѣтскими играми.

Въ дѣтской жизни Глинки былъ одинъ моментъ, всецѣло охватившій его чуткій впечатлительный организмъ и безповоротно повліявшій на его дальнѣйшее развитіе. Иванъ Николаевичъ былъ большой хлѣбосолъ; по временамъ, домъ его переполнялся родственниками и гостями; это случалось особенно въ день его ангела. Угощеніе шло на славу. Въ 8 верстахъ отъ Новоспасскаго жилъ родственникъ, у котораго былъ свой оркестръ. Къ этому-то родственнику посылали въ торжественныхъ случаяхъ за музыкантами. Оркестръ оставался по нѣскольку дней. Играли разныя пьесы. Разъ, когда Михаилу Ивановичу было всего 10—11 лѣтъ, съиграли квартетъ Крузеля съ кларнетомъ. «Эта музыка, говоритъ Глинка въ своихъ запискахъ, произвела на меня непостижимое, новое и восхитительное впечатлѣніе; я оставался цѣлый день, потомъ, въ какомъ-то лихорадочномъ состояніи, былъ погруженъ въ неизъяснимое томительно сладкое состояніе».

Уроки рисованія пошли плохо; ученикъ съ каждымъ днемъ становился разсѣяннѣе. Учитель наконецъ не выдержалъ и замѣтилъ своему питомцу, что онъ только и думаетъ объ одной музыкѣ.

«Что-жъ дѣлать, былъ отвѣтъ Глинки, музыка—душа моя».

Деревенскій оркестръ для Глинки сталъ источникомъ самыхъ живыхъ восторговъ. Онъ, во время игры для танцевъ, самъ бралъ скрипку или маленькую флейту и поддѣлывался подъ оркестръ. Отецъ на маленькаго музыканта часто гнѣвался, журилъ,—зачѣмъ онъ не танцуетъ, оставляетъ гостей, а сынъ, при первой возможности, былъ уже около оркестра.

За ужиномъ играли русскія пѣсни. Грустно-нѣжные тоны глубоко западали въ дѣтскую душу, родные звуки чрезвычайно нравились. Можетъ быть, эти пѣсни, производившія такое сильное впечатлѣніе въ дни первой молодости, потомъ привлекли Михаила Ивановича къ разработкѣ преимущественно народной русской музыки и дать въ этомъ направленіи

геніальные образцы, которые побудили весь образованный міръ прислушаться къ русскимъ мотивамъ и звукамъ.

Домашній педагогическій персоналъ увеличился, наконецъ, съ прибытіемъ въ Новоспасское гувернантки Климмеръ. Ее выписали изъ Петербурга. Это была высокая, двадцатилѣтняя дѣвица, строгая и взыскательная. Дѣтей она взялась обучать языкамъ: русскому, французскому и нѣмецкому, географіи и музыкѣ. Пошли въ ходъ грамматики, діалогіи, описанія городовъ и земель. Все это заучивалось въ долбяжку. Отвѣчать надо было безъ запинки, не измѣнивъ и не пропустивъ ни одного слова. Обученіе игрѣ на фортепіано и чтеніе нотъ шло также механически. Какъ только братъ и сестра кой-какъ стали разбирать ноты и попадать на клавиши, къ фортепіано прилажена было доска, такъ что играть было можно, но не видно было ни рукъ, ни клавишей. Этотъ пріемъ скоро пріучилъ дѣтей играть, не смотря на пальцы.—Первый скрипачъ изъ оркестра дяди началъ учить Глинку играть на скрипкѣ. Къ сожалѣнію, самъ учитель игралъ не совсѣмъ вѣрно и дѣйствовалъ смычкомъ не развязно, что сообщилъ и своему ученику.

Не смотря на безсознательную, но неотразимую любовь къ музыкѣ, Михаилъ Ивановичъ, съ перваго знакомства съ ней, дѣлалъ выборъ между пьесами, однѣ изъ нихъ предпочиталъ другимъ и любилъ болѣе тѣ, которыя были доступнѣй его слабымъ музыкальнымъ понятіямъ. Вообще, оркестръ заслужилъ его наибольшую любовь, и, послѣ русскихъ пѣсенъ, изъ оркестровыхъ пьесъ онъ предпочиталъ увертюры: «Ma tante Aurore» Буальдіё, «Lodoiska» Крейцера, «Les deux aveugles» Мегюля. Двѣ послѣднія пьесы онъ охотно игралъ на фортепіано, вмѣстѣ съ нѣкоторыми сонатами Штейбельта, особенно рондо: «L'orage.» Онъ не любилъ слишкомъ длинныхъ и запутанныхъ сонатъ Гировеца.

Первые годы своей жизни Глинка провелъ въ деревнѣ. Тамъ онъ получилъ и первое образованіе. Несомнѣнно,—деревня имѣла на него благотворное вліяніе. Въ ней Михаилъ

Ивановичъ воспринялъ въ себя всѣ тѣ элементы музыкальной народности, которые потомъ образовали главныя черты характера его, какъ артиста; этотъ характеръ выигралъ много въ сосредоточенности, силѣ. Первоначальнымъ воспитаніемъ Глинки въ деревнѣ положено было основаніе къ созиданію народной музыки, которой онъ посвятилъ всю свою жизнь. Кто знаетъ—быть можетъ, у насъ не было-бы такого грандіознаго творенія, какъ «Русланъ и Людмила», если-бъ дѣтство Глинки протекло въ городѣ,—въ столицѣ. Здѣсь до его впечатлительнаго слуха не коснулись-бы ни народныя пѣсни, ни народная плясовая музыка, не видѣлъ-бы онъ хороводовъ, пляски народной, народныхъ праздниковъ и разгула; только въ деревнѣ,—такой глуши, какъ Новоспасское, картины родной природы и жизни народа навсегда могли овладѣть его пылкимъ воображеніемъ и сообщить ему свой особенный складъ и образъ.

II.

Въ Пансіонѣ.

Зимой 1817 года семья Глинокъ отправилась въ Петербургъ. Цѣль поѣздки была опредѣлить 13-лѣтняго Глинку въ благородный пансіонъ. Этотъ пансіонъ только что былъ открытъ при главномъ педагогическомъ институтѣ.—Видъ огромныхъ стройныхъ домовъ и улицъ произвелъ на Михаила Ивановича волшебное дѣйствіе; въ немъ надолго сохранилось это первое впечатлѣніе восторга и удивленія отъ огромнаго, шумнаго города. Пятиглавые соборы въ русскомъ родѣ казались ему торжествомъ искусства, а Казанскій соборъ вовсе не понравился.

Вскорѣ по пріѣздѣ приступили къ дѣлу. Отецъ не щадилъ издержекъ. Пансіонъ помѣщался у Калинкина моста, въ домѣ Отто. При домѣ находился мезонинъ. Здѣсь-то Глинка, уже пансіонеръ, помѣщенъ былъ вмѣстѣ съ тремя воспитанниками, одинаковаго съ нимъ возраста. Всѣ четверо поручены были особому гувернеру. Въ квартирѣ нашлось мѣсто и для фортепіано; его скоро замѣнили роялемъ лучшаго тогдашняго мастера Тишнера; на этомъ инструментѣ можно было играть чрезвычайно отчетливо.

Преподаватели старинныхъ классовъ благороднаго пансіона большею частію получили воспитаніе въ германскихъ

университетахъ и по тому времени были люди съ познаніями,— образованные. Это были профессора Педагогическаго института. Среди преподавателей низшихъ классовъ встрѣчались оригиналы и забавные типы. Англичанинъ Биттонъ отличался грубостью. Любимымъ блюдомъ его была молочная рисовая каша. Въ день, когда подавали эту кашу, Биттонъ намѣчалъ между младшими воспитанниками нѣсколько жертвъ. Эти воспитанники должны были непремѣнно провиниться въ чемъ либо: или они не знали англійскихъ словъ, или не такъ произносили. Биттонъ кричалъ: «посиди на ваши колѣнъ» и задавалъ питомцу такую сильную подножку, что подъ нимъ невольно сгибались колѣни. За ужиномъ наказанныхъ лишали каши; всѣ ихъ порціи относились въ дортуаръ Биттона, который ночью алчно пожиралъ свою добычу. Бойкій французъ Трипе мастеръ былъ играть въ лапту, обращался съ учениками тоже грубо, и не удивительно, такъ какъ настоящая его профессія была мелочная торговля. Пьемонтецъ Елленъ мучилъ пансіонеровъ маршировкой, о которой и самъ не имѣлъ понятія.

Особенно сильное впечатлѣніе оставилъ въ пансіонерахъ подъинспекторъ Иванъ Екимовичъ Колмаковъ. Науки были для него истиннымъ наслажденіемъ, страстью; онъ все зналъ, все помнилъ, все объяснялъ любому воспитаннику. Въ классахъ подсказывалъ ученикамъ, когда они путались въ отвѣтахъ, за эту недозволенную помощь онъ получалъ выговоры отъ инспектора; даже иной разъ инспекторъ называлъ его дуракомъ,—фактъ, достаточно характеризующій нравы тогдашнихъ педагоговъ. Иванъ Екимовичъ былъ необыкновенно добръ; по добротѣ своей онъ не наказывалъ, а только гнѣвался даже тогда, когда за обѣдомъ въ разныхъ углахъ столовой залы раздавалось пѣніе обѣдавшихъ шалуновъ:

Подъинспекторъ Колмаковъ
Умножаетъ дураковъ
Онъ глазами все моргаетъ
И жилетъ свой поправляетъ и пр.

Напѣвъ на стихи подобранъ былъ Глинкой. Рябоватое лицо подъинспектора краснѣло, забавныя выходки, сопровождавшіяся морганьемъ, поправляньемъ жилета, усиливались. Иванъ Екимовичъ бѣжитъ въ одинъ уголъ, гдѣ раздавались звуки, а тамъ уже тихо; пѣніе послышалось съ другой стороны залы. Подъинспекторъ наконецъ визгливо выкрикиваетъ: «мальчишки, невѣжи!» Тѣмъ дѣло и кончается. Безпредѣльная доброта наставника мѣшала преслѣдовать шалуновъ. Самъ онъ говорилъ порою подъ веселый часъ: «Ванька Колмаковъ добрый мужикъ и честный христіанинъ». Глинка полюбилъ этого наставника. Дружба съ Иваномъ Екимовичемъ отчасти напоминала кроткому и тихому пансіонеру жизнь, къ которой онъ привыкъ въ деревнѣ; переходъ отъ этой безмятежной жизни былъ слишкомъ рѣзокъ: шумная, безпокойная столица, рѣзвая, шаловливая толпа товарищей съ одной стороны,—правильные однообразные порядки въ пансіонѣ съ другой. Колмакову Глинка обязанъ былъ первымъ знакомствомъ съ латинской литературой, читалъ съ его помощью отрывки изъ превращеній Овидія.

Въ благородномъ пансіонѣ Михаилъ Ивановичъ учился пять лѣтъ, при большихъ способностяхъ успѣхи обнаруживалъ отличные; велъ себя хорошо; товарищи его любили; профессора отличали наградами и похвальными листами. Не давалось только рисованье да и то потому, что академики Безсоновъ и Сухановъ замучили его огромными головами, требовали рабскаго подражанія, штрихъ въ штрихъ, и довели до того, что ученикъ наконецъ отказался отъ ихъ уроковъ. Не въ натурѣ Глинки было подчиняться принужденью, еще съ раннихъ лѣтъ онъ питалъ отвращеніе ко всему тому, что носило на себѣ печать рабскаго подражанія.

Изученіе начальной математики шло такъ успѣшно, что по алгебрѣ Глинка былъ репетиторомъ. «Математику я разлюбилъ, говоритъ Глинка, когда дошелъ до аналитики; уголовное и римское право мнѣ вовсе не нравилось. Въ тан-

цахъ я былъ плохъ, равно какъ и въ фехтованіи.» Одинъ изъ учителей фехтованія «часто говаривалъ: ей, Глинка, заколю! и дѣйствительно кололъ меня».

Особенные успѣхи обнаружилъ Михаилъ Ивановичъ въ языкознаніи. Онъ учился языкамъ: латинскому, французскому, нѣмецкому, англійскому и даже персидскому. Изученіе языковъ давалось ему необыкновенно легко; такъ, нѣмецкій былъ выученъ въ полгода, самъ профессоръ приходилъ отъ такихъ успѣховъ въ изумленіе. Англійскій и персидскій потомъ были забыты за недостаткомъ практики; къ остальнымъ безъ особаго труда впослѣдствіи прибавилось знаніе испанскаго и итальянскаго, которыми Глинка владѣлъ также мастерски, какъ нѣмецкимъ и французскимъ. Любилъ еще заниматься географіей и зоологіей; любовь къ природѣ вызывала въ немъ поэтическое, художественное чувство, которое всегда поддерживаетъ одушевленная природа въ ея великихъ и мелкихъ проявленіяхъ. Страсть къ предметамъ природы высказалась у Глинки въ жадномъ чтеніи путешествій въ раннемъ дѣтствѣ, когда онъ былъ еще въ деревнѣ. Эта страсть не покидала его всю жизнь. Описывая свои путешествія по Россіи и разнымъ странамъ, онъ прежде всего разсказываетъ о природѣ, какая окружала его и поражала его воображеніе. У дяди его, Аѳонасія Андреевича, была масса птицъ въ клѣткахъ, кромѣ того въ гостинной имъ отдѣлена была сѣткой часть, гдѣ онѣ свободно летали. Глинка въ дѣтствѣ не рѣдко любовался пернатыми пѣвцами дяди и слушалъ ихъ трели. Надъ мезониномъ вблизи пансіона былъ большой чердакъ; тамъ разведены были разныя породы голубей и кролики. Болѣе всего способствовало развитію страсти въ Глинкѣ къ предметамъ природы посѣщеніе кунсткамеры. Эти посѣщенія воспитанниковъ сопровождались объясненіями профессора Зембницкаго. Въ теченіе своей жизни, былъ-ли Глинка въ Смоленскѣ, Петербургѣ, Парижѣ, Севильѣ—вездѣ для своихъ любимицъ—птичекъ онъ отводилъ особое помѣщеніе, въ которомъ 10—16

разныхъ варакушекъ, ольшанокъ, черноголовокъ и другихъ пташекъ летали и пѣли. Случалось, что каждая знала свою клѣтку. Иной разъ отъ скуки Глинка игралъ своимъ плѣнницамъ на скрипкѣ, чтобы раззадорить ихъ въ пѣніи. Въ сообществѣ съ птицами онъ держалъ также зайчиковъ; во время путешествія на Кавказъ приручалъ дикихъ козочекъ.

Родители Глинки, опредѣливъ своего сына въ пансіонъ, имѣли въ виду одну цѣль, чтобы обученіе поставило его въ одинъ уровень съ образованными людьми того времени. Они, конечно, не подозрѣвали, что изъ прилежнаго, скромнаго мальчика выйдетъ потомъ великій художникъ-композиторъ. Ему дали фортепіано, нанимали учителей музыки въ силу простого соображенія, что сынъ ихъ учился игрѣ на этомъ инструментѣ уже дома и что обученіе музыкѣ входило въ программу воспитанія всякаго русскаго дворянина. Петербургскіе учителя по опытности и знанію стояли далеко выше деревенскихъ гувернеровъ. Подъ ихъ руководствомъ Глинка скоро обнаружилъ необыкновенные успѣли въ музыкѣ. Сначала онъ взялъ три урока на фортепіано у Фильда и въ эти три урока выучилъ второй его дивертиссементъ (E'-dur), заслуживъ лестное одобреніе отъ этой знаменитости тогдашняго времени. Фильдъ, къ сожалѣнію, уѣхалъ въ Москву. Хотя Глинка слышалъ его не много разъ, но всю жизнь хорошо помнилъ его сильную, мягкую и отчетливую игру. Послѣ Фильда учителемъ взятъ былъ Оманъ, онъ началъ съ Глинкой 1-й концертъ Фильда (Es dur). Потомъ Цейнеръ усовершенствовалъ механизмъ игры своего ученика и даже стиль, но надоѣлъ ему долбяжкой, которой требовалъ при изученіи теоріи (интерваловъ съ ихъ обращеніями). Цейнера смѣнилъ Карлъ Мейеръ, который настолько содѣйствовалъ развитію музыкальнаго таланта Глинки, что въ день выпуска (1822 г.) ученикъ публично, подъ акомпаниментъ своего учителя, съигралъ амольный концертъ Гуммеля. Вообще успѣхи на фортепіано были такъ значительны, что въ пансіо-

нѣ Глинка съ честію игралъ передъ тогдашними свѣтилами фортепіаннаго искусства. Думали что изъ него выйдетъ знаменитый фортепіанный виртуозъ, а потому и развивали юный талантъ исполненіемъ виртуозныхъ пьесъ. Это первое впечатлѣніе молодости до такой степени укрѣпилось въ Глинкѣ, что до позднихъ дней своей жизни онъ любилъ виртуозныя произведенія Гуммеля, не находилъ ихъ холодными, дѣланными, лишенными живой фантазіи, не чувствовалъ особенной симпатіи къ фортепіаннымъ сочиненіямъ Бетховена. Изъ даровитаго юноши не вышло однако ни піаниста, ни фортепіаннаго сочинителя. Самобытный талантъ увлекъ его въ другую сторону, къ разработкѣ иныхъ элементовъ. Въ организмѣ Глинки эти элементы уже жили, но развитіе ихъ шло медленно, постепенно; началось оно съ игры на скрипкѣ. Первые опыты были не особенно удачны. Учитель на этомъ инструментѣ, первый концертистъ, Бёмъ игралъ вѣрно и отчетливо, но не обладалъ педагогическимъ даромъ передавать другимъ своихъ познаній. Игра на скрипкѣ имѣла важное вліяніе на музыкальное развитіе Михаила Ивановича тѣмъ, что сблизила его съ оркестромъ; время вакацій (1819—1821 гг.) онъ проводилъ у родителей въ Новоспасскомъ; тамъ онъ могъ уже играть въ оркестрѣ ляди. Оркестръ этотъ усовершенствовался и увеличился нѣсколькими мальчиками, которыхъ Глинка-отецъ отдалъ учиться, чтобы имѣть собственную бальную музыку. Съ мужемъ гувернантки младшихъ сестеръ Гемпелемъ, хорошимъ музыкантомъ, Михаилъ Ивановичъ восхищался музыкой оркестра, но самъ признается въ своемъ тогдашнемъ невѣжествѣ: «будучи уже нѣсколько знакомъ, говоритъ онъ въ запискахъ, съ увертюрами Керубини и Мегюля, съ большимъ удовольствіемъ слушалъ я увертюры Россини. Изъ нихъ Cenerentola такъ даже мнѣ понравилось, что мы съ Гемпелемъ переложили ее для фортепьяно въ 4 руки и нерѣдко потѣшались, играя ее».

Въ Петербургѣ Глинка также могъ изучать оркестръ. Родители, родственники и ихъ знакомые возили его въ театръ Оперы и балеты приводили его въ неописанный восторгъ. Репертуаръ былъ разнообразный. Глинка видѣлъ оперы: «Водовозъ» — Керубини, «Іосифъ» — Мегюля, «Жокондъ» — Николо Изуаръ, «Красная шапочка» — Буальдьё; болѣе всего ему нравились солисты на инструментахъ и оркестръ.

Въ послѣдній годъ курса, въ Петербургъ пріѣхалъ дядя Глинки Афанасій Андреевичъ; къ нему на время переѣхалъ Глинка. Въ семействѣ В. В. Энгельгардта, гдѣ поселились дядя и племянникъ, были знатоки и любители музыки; здѣсь нашелся большой запасъ разныхъ пьесъ, преимущественно увертюръ въ 4 руки для фортепіано: Керубини, Мегюля, Моцарта, Ричини, Спонтини, Пера и Россини. «Все это мы, говоритъ Глинка, довольно опрятно играли и потѣшали нашихъ знакомыхъ». Онъ не пропускалъ также ни одного случая быть гдѣ-либо на концертѣ. Не задолго до выпуска Глинку ввели въ одно семейство, гдѣ онъ познакомился съ молодой барыней красивой наружности. Она хорошо играла на арфѣ и владѣла звонкимъ, серебристымъ сопрано, пѣла естественно и чрезвычайно мило. До этого знакомства Глинка слишкомъ мало обращалъ вниманія на голосъ и пѣніе; серьезное пѣніе понималъ худо. Нравившаяся женщина навѣяла поэтическое чувство. Ея прекрасныя качества воодушевили воображеніе Глинки. Подъ вліяніемъ этого-то настроенія онъ принялся за сочиненіе и весь отдался упоительному чувству творчества, сочинилъ варіаціи на тему (C-Dur) изъ оперы Вейгля «Швейцарское семейство», написалъ варіаціи для арфы и фортепіано на тему Моцарта Es-dur и самъ изобрѣлъ вальсъ для фортепіано F-dur. Это были первые попытки въ сочиненіи. Музыкальный міръ и первые опыты сочиненія до такой степени овладѣли умственной дѣятельностью Глинки, что онъ почти прекратилъ обязательныя занятія науками, а вблизи предстоялъ выпускной экзаменъ. Преж-

нее прилежаніе, ревность къ наукамъ сильно пострадали. Надо было употребить чрезвычайныя усилія, чтобы догнать товарищей. Въ такомъ положеніи помогли отличныя способности и огромная память, какою обладалъ Глинка. На эгзаменѣ пригодились и прежнія заслуги, однако дѣло не обошлось безъ ловкихъ увертокъ. Изъ уголовнаго права Глинка выучилъ одну только статью; на эгзаменѣ на вопросъ профессора отвѣчалъ совсѣмъ невпопадъ, но такъ ловко, что эгзаменаторъ остался доволенъ, а профессору правъ оставалось только плохо скрывать свой гнѣвъ. Будущій геніальный композиторъ не расчитывалъ воспользоваться знаніями уголовнаго права. Даже товарищи замѣтили въ немъ призваніе къ художественной дѣятельности. Одинъ изъ нихъ пишетъ въ своихъ запискахъ: «послѣ сухихъ репетицій, Глинка предавался полету свободной импровизаціи, отдыхая за нею отъ головоломныхъ занятій, отъ заботъ ученическихъ. Въ этихъ звукахъ, дрожащихъ восторгомъ, высказывалъ онъ и свои дѣтскія мечты, и свою темную грусть, и свои живыя радости.—Лучшія награды за прилежаніе были для него не въ похвалѣ учителей, а въ свободной отъ ученія минутѣ, когда-бы онъ могъ предаться вполнѣ ненасытнымъ порывамъ своей фантазіи».

Изъ благороднаго пансіона Глинка былъ выпущенъ первымъ съ правомъ на чинъ 10 класса.

III.

Поѣздка на Кавказъ. Занятія съ оркестромъ дяди.

По выходѣ изъ пансіона (въ началѣ лѣта 1822 г.), Глинка не сразу поступилъ на службу. Отецъ желалъ, чтобы онъ опредѣлился въ иностранную коллегію. Служба эта въ то время считалась почетнѣйшею. Начались было занятія дипломатическимъ французскимъ языкомъ, но безуспѣшно; языкъ этотъ далеко не поэтическій казался Глинкѣ чѣмъ-то дикимъ и никакъ не входилъ въ голову. Отецъ особенно не настаивалъ, чтобъ служба немедленно была начата; онъ очень любилъ сына, обращался съ нимъ какъ съ товарищемъ, повѣрялъ ему свои предположенія и тайны, не скрывалъ ни радостей, ни огорченій.

Ревностно продолжалъ Михаилъ Ивановичъ одно только музыкальное образованіе. Возвратившись въ Петербургъ отъ родителей, онъ возобновилъ занятія съ Мейеромъ и Бёмомъ. Мейеръ значительно развилъ музыкальный вкусъ ученика, обнаруживавшаго быстрые успѣхи, требовалъ отчетливаго и не принужденнаго исполненія, возставалъ противъ изысканнаго, утонченнаго выраженія въ игрѣ, объяснялъ достоинства пьесъ естественно, безъ педантства. Въ этотъ годъ Глин-

ка писалъ сперва Септетъ, потомъ Adagio и Rondo для оркестра, но про свое умѣнье писать пьесы, по выходѣ изъ пансіона, онъ говоритъ: «о сочиненіи вообще, генералъ-басѣ, контра-пунктѣ и другихъ условіяхъ хорошаго способа писать, мои понятія были столь неопредѣленны, что я принимался за перо, не зная ни съ чего начать, ни какъ и куда идти».

Занятія музыкою были прерваны путешествіемъ на кавказскія минеральныя воды. Разъ одна родственница, лѣчившаяся магнетизмомъ, въ состояніи ясновидѣнія высказала, что Глинкѣ при золотушномъ его расположеніи будутъ полезны воды Кавказа. Этому повѣрили. Весной 1823 г. отецъ писалъ Глинкѣ, что представляется удобный случай ѣхать на Кавказъ. Туда ѣхалъ одинъ хорошій знакомый, образованный и солидный человѣкъ Петровскій-Муравскій и еще—одинъ изъ смоленскихъ врачей Быковскій съ семействомъ. Глинка немедленно собрался въ путь и пробылъ въ Новоспасскомъ до послѣднихъ чиселъ апрѣля. Отецъ снабдилъ его коляской, далъ одного человѣка и повара Аѳонасія.

Когда молодой путешественникъ выѣхалъ изъ дому, была сырая, свѣжая погода; около Орла повѣяло теплымъ дыханіемъ весны; за Окой открылся другой болѣе южный міръ: смоленскія березовыя рощи смѣнились дубовыми, по оврагамъ вмѣсто лозы стали появляться груши, яблони и вишни въ цвѣту; днемъ тѣшилъ взоръ видъ полей и деревень съ живописно разбросанными, бѣлыми мазанками, вмѣсто черныхъ бревенчатыхъ избъ,—ночью Михаилъ Ивановичъ восхищался яснымъ небомъ съ миріадами ярко блестѣвшихъ звѣздъ. Въ Харьковѣ онъ долженъ былъ остановиться, чтобы подождать товарищей по путешествію, и по совѣту одного петербургскаго знакомаго отрекомендовался г. Витковскому, владѣльцу весьма хорошаго музыкальнаго магазина въ Харьковѣ. Когда онъ съигралъ первое соло концерта A-moll Гуммеля,—произвелъ такое пріятное впечатлѣніе, что хозяинъ тотчасъ-же познакомилъ

его съ своимъ музыкальнымъ семействомъ и Глинку потѣшали музыкою, пока онъ поджидалъ пріѣзда товарищей.

За Харьковомъ передъ путешественниками развернулась безпредѣльная степь, вмѣсто живописной Украйны. «Мы переѣхали Донъ въ Оксаѣ, описываетъ Глинка эту поѣздку,— и очутились въ Азіи, что не сказанно льстило моему самолюбію. Скажу, однако-жъ, что до самаго прибытія на сѣрныя воды взоръ не находилъ предметовъ пріятныхъ, напротивъ, почти ничего не было видно, кромѣ безпредѣльныхъ степей, заросшихъ густой высокой ароматической травой». Пятигорскъ въ то время былъ дикимъ мѣстечкомъ. Домовъ было мало, церквей и садовъ вовсе не было; лишь вдали грозно тянулся снѣжный хребетъ Кавказа да орлы во множествѣ парили по ясному небу. Поселились въ скромномъ домикѣ. Житье было пріятное. Товарищъ Глинки привезъ запасъ книгъ. Кухня была въ порядкѣ; отличная баранина, куры, дичь и превосходныя овощи давали возможность поварамъ готовить вкусный столъ, а сантуринское вино замѣняло дорогія заморскія вина. Глинка видѣлъ пляску черкешенокъ, игру и скачку черкесовъ мирныхъ ауловъ. Минеральныя воды не принесли ему никакой пользы. Сначала его варили въ ваннѣ съ сѣрной водой въ 38° тепла по Реомюру и заставляли ту же воду пить въ большомъ количествѣ, вовсе не сообразуясь съ его слабонервнымъ сложеніемъ. Даже по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ потомъ, Глинка страдалъ отъ этихъ водъ безсонницей. Послѣ сѣрныхъ водъ отправились на желѣзныя. Онѣ были расположены въ дикой, но чрезвычайно живописной мѣстности, среди лѣсовъ на площадкѣ, находившейся на половинѣ горы. Для помѣщенія пріѣзжихъ былъ всего одинъ домъ; кому не доставало мѣста,—разбивали палатку изъ войлока. Ночью, когда зажигались огни, площадка походила на кочевье дикихъ воиновъ. Остатокъ горы до вершины былъ покрытъ густымъ лѣсомъ; дикій виноградъ переплетался съ кустарниками и мелкими деревьями; орлы ле-

тали почти надъ головами. Однажды Глинка наблюдалъ, какъ туча, пронесшаяся въ ихъ сторону, покрыла всѣхъ своимъ густымъ туманомъ. — Едва принялъ онъ нѣсколько ваннъ желѣзной воды, какъ началъ чувствовать себя дурно; явились жестокія головныя боли, которыя и заставили покинуть желѣзныя воды.

Отправились въ Кисловодскъ. Ѣхали съ конвоемъ и пушкой. Въ то время пошаливали здѣсь черкесы; такъ на слѣдующій годъ они вырѣзали нѣсколько близлежащихъ деревень. Окресности Кисловодска понравились Глинкѣ болѣе Пятигорска. Домовъ тоже было мало, деревьевъ вовсе не было; на плоскихъ вершинахъ пригорковъ росла густая, ароматическая трава, когда на равнинахъ все уже выгорѣло отъ солнца. Эта трава покрывала коня съ всадникомъ до шапки. Глинка купался въ Нарзанѣ, пилъ воду, но тоже безъ пользы. Онъ лишился аппетита и сна. Доктору пришлось его пользовать какими то горькими травами, настоянными въ винѣ. Раздраженные однажды нервы не легко было успокоить; сонъ прогоняли еще земляныя блохи, которыя по ночамъ не давали возможности сомкнуть глазъ. На обратномъ пути съ Кавказа, Михаилъ Ивановичъ занемогъ лихорадкой; на мѣстахъ, гдѣ были лишаи, появились нарывы. Пришлось на нѣсколько дней остановиться у знакомаго купца въ Орлѣ. Болѣзнь прошла сама собой, а съ ней изчезли и лишаи. Думали, что больной радикально поправился, но потомъ оказалось, что это была жестокая ошибка.

Возвратившись съ Кавказа, Глинка съ новымъ рвеніемъ принялся за музыку. Воды подѣйствовали на него раздражительно, масса новыхъ впечатлѣній возбудила воображеніе. Занятія съ оркестромъ дяди стали серьезнѣе. Музыканты пріѣзжали два раза въ мѣсяцъ, оставались по нѣскольку дней, иногда и на цѣлую недѣлю. Оркестромъ управлялъ Глинка, играя на скрипкѣ. Съ каждымъ музыкантомъ онъ проходилъ его партію, пока не было ни одной невѣрной даже

сомнительной ноты въ исполненіи. При этихъ отдѣльныхъ упражненіяхъ Глинка подмѣтилъ способъ инструментовки большей части лучшихъ композиторовъ для оркестра (Глюка, Генделя, Баха онъ зналъ только по наслышкѣ), потомъ слушалъ общій эффектъ пьесы и, когда пьеса шла порядочно, отходилъ на нѣкоторое разстояніе, чтобы видѣть эффектъ изученной уже инструментовки. Репертуаръ состоялъ изъ увертюръ и симфоній, иногда игрались и концерты. Изъ увертюръ были — Керубини: Medea, Hotellerie portugaise, Fanisca, Lodoiska, Les deux journées, первыя двѣ были любимыми пьесами Глинки; изъ Мегюля разучивали Joseph, Le trésor supposé, L'irato; Моцарта—Don Juan, Zauberflöte, Clemenzo di Tito; Бетховена—Fidelio (E—dur). Къ увертюрѣ Мауера недоставало альтовой партіи. Глинка, разложивъ остальныя партіи по стульямъ и сравнивая ихъ, написалъ альтъ. Симфоній было три: Гайдна—B-dur, Моцарта—G-moll, Бетховена 2-я—D-dur.

Въ числѣ исполняемыхъ пьесъ главный перевѣсъ былъ на сторонѣ увертюръ. Вообще изъ всѣхъ увертюръ Глинка любилъ во всю свою жизнь тѣ, которыя онъ узналъ въ первые годы молодости. Форма увертюры осталась самой любимой его формой для послѣдовавшихъ инструментальныхъ сочиненій. Къ этой формѣ онъ любилъ возвращаться во всѣ періоды своей музыкальной дѣятельности. Симфонія не пользовалась его сочувствіемъ. Въ этомъ направленіи было нѣсколько попытокъ, по большей части не оконченныхъ. Занимаясь съ оркестромъ дяди, Михаилъ Ивановичъ оправдалъ на себѣ справедливость поговорки: «уча другихъ, учимся». Такой практическій и развивающій способъ занятій подсказанъ былъ ему инстинктомъ его, какъ художника, и горячимъ стремленіемъ юношескихъ лѣтъ. Своимъ великимъ инструментальнымъ мастерствомъ Глинка, несомнѣнно, много обязанъ тому, какъ онъ учился надъ оркестромъ дяди.

IV.

Начало общественной дѣятельности.

Когда Михаилъ Ивановичъ переѣхалъ въ Петербургъ, отецъ его съ трудомъ могъ удовлетворять издержкамъ на уроки музыки и языковъ. Сынъ началъ помышлять о службѣ, гдѣ бы то ни было,—все равно. Къ дипломатической службѣ онъ не чувствовалъ особаго призванія. Въ маѣ 1824 г. ему удалось черезъ одного дальняго родственника поступить помощникомъ секретаря въ канцелярію совѣта путей сообщенія. Поступленіе на службу имѣло важное вліяніе на дальнѣйшую судьбу Глинки. Съ этого момента наступила жизнь въ обществѣ, завязалась масса знакомствъ, особенно расширился кругъ музыкальнаго знакомства, не смотря даже на то, что Глинка на первыхъ порахъ своей общественной жизни былъ чрезвычайно застѣнчивъ. Этотъ недостатокъ однако съумѣли побороть друзья и знакомые. Службой особенно не обременяли. Въ канцеляріи требовалось пробыть 5—6 часовъ; работы на домъ не давали; дежурства и отвѣтственности не было; свободнаго времени было много и оно даромъ не тратилось. Между начальниками и сослуживцами Глинки многіе очень любили музыку; у нѣкоторыхъ бывали музыкальныя собранія. Глинка искалъ такихъ знакомствъ. Выдающій-

ся талантъ доставлялъ ему почетное мѣсто въ музыкальныхъ кружкахъ. Всѣ рады были его появленію: знали,—гдѣ Глинка, тамъ скуки не будетъ. Такъ, онъ былъ принятъ чрезвычайно радушно у одного изъ начальниковъ, гр. Сиверса. Сама графиня обладала вѣрнымъ, звонкимъ и пріятнымъ сопрано. Графъ былъ большой любитель хорошей классической музыки. У нихъ собирался музыкальный кружокъ; составился семейный хоръ; Глинка пѣлъ втораго тенора. Исполняли только классическія пьесы, напр., финалъ «Водовоза» 1-го акта. Акомпанировалъ обыкновенно Мейеръ на фортепіано. Кромѣ пѣнія иногда исполняли и другія пьесы.

Про свои попытки сочинять въ это время Глинка пишетъ: «не смотря на частыя занятія съ Мейеромъ, его объясненія и постоянное глубокое напряженіе, съ которымъ я трудился, въ сочиненіи все еще не было толку. Помню, что въ это время я написалъ квартетъ для двухъ скрипокъ, альта и віолончели (D-dur), но эта попытка удалась не лучше прежнихъ».

Много доставилъ Глинкѣ знакомствъ домъ правителя канцеляріи, А. Н. Бахтурина. — Въ домѣ кн. Хованской Глинка былъ принятъ, какъ родной. Дочерей княгини обучала музыкѣ дѣвица Лигле изъ Вѣны; она превосходно играла съ листа и акомпанировала; съ ней Глинка много игралъ въ 4 руки, большей частію квартеты Гайдна, симфоніи Гайдна, Моцарта и нѣкоторыя пьесы Бетховена. Музыкальнымъ упражненіямъ много былъ обязанъ Глинка въ домѣ Д. П. Демидова, дочь котораго считалась одной изъ первыхъ пѣвицъ-любительницъ въ столицѣ; у ней былъ могучій контральто, но она могла также исполнять и партіи сопрано. Лигле акомпанировала на фортепіано, а пѣвецъ Беллоли весьма часто пѣлъ съ нею дуэты. Около этого времени (1825 г.) Глинка написалъ первое аллегро сонаты D-moll для фортепіано съ альтомъ. Это сочиненіе вышло лучше другихъ. Со-

нату исполняли у Демидовыхъ Беллоли и Лигле, причемъ авторъ игралъ на альтѣ.

Вообще многочисленныя знакомства имѣли ту выгодную сторону, что Глинка очень часто слушалъ и самъ исполнялъ музыку на фортепіано, особенно въ четыре руки. Въ однихъ домахъ ему удавалось слушать квартеты и квинтеты Моцарта, Гайдна и Бетховена, въ другихъ онъ игралъ много симфоній и квартетовъ тѣхъ же композиторовъ, гораздо больше онъ игралъ въ четыре руки увертюры и театральные отрывки Керубини, Мегюля и др. Кромѣ того въ театрахъ можно было познакомиться съ замѣчательнѣйшими операми начала нынѣшняго столѣтія—итальянскими, нѣмецкими и французскими. Въ нѣкоторыхъ домахъ Глинка началъ знакомиться съ пѣніемъ, началъ пріобрѣтать къ нему вкусъ. Большая часть знакомыхъ ему дамъ и дѣвицъ пѣли; въ нѣкоторыхъ семействахъ исполнялись даже цѣлые большіе отрывки изъ оперъ. Близкое знакомство съ многочисленными пѣвицами-любительницами побуждало Глинку пѣть самому. Скоро онъ созналъ, что ему недостаточно того пѣнія, которое онъ исполнялъ самоучкой. Сознаніе это заставило заняться правильнымъ развитіемъ голоса. Пѣнію (итальянскому) училъ Глинку итальянскій пѣвецъ Беллоли. «Голосъ мой былъ сиплый, говоритъ Глинка, нѣсколько въ носъ и неопредѣленный, т. е. ни теноръ, ни баритонъ.—Хотя слухъ у меня былъ отличный, въ первые мѣсяцы отъ непривычки слышать себя, я пѣлъ невѣрно. Беллоли училъ хорошо и владѣлъ еще голосомъ достаточно, такъ что могъ самъ пѣть все, чему училъ меня. Музыку buffa я вскорѣ началъ исполнять очень порядочно».

Глинка въ то время не любилъ мужской компаніи. Этой компаніи онъ предпочиталъ общество дамъ и молодыхъ дѣвицъ, которымъ нравился его музыкальный талантъ; вращаясь часто среди дамъ, онъ долженъ былъ скоро убѣдиться въ необходимости умѣть также танцевать. Этому искусству Глин-

ка учился около двухъ лѣтъ у Гольца и дошелъ до разныхъ па, какими въ то время франтили ловкіе танцоры.

Были примѣры, что Глинкѣ ставили въ упрекъ его страстную музыкальную дѣятельность. Такъ одинъ родственникъ, человѣкъ чрезвычайно умный и образованный, «видя, съ какою неистовою страстью, говоритъ Глинка,—я предавался композиціи, старался отклонить меня отъ этой, по его мнѣнію, пагубной склонности, увѣряя, что талантъ исполненія на фортепіано и скрипкѣ, кромѣ собственнаго удовольствія, дѣйствительно можетъ доставить мнѣ пріятныя и полезныя знакомства, а отъ композиціи, кромѣ зависти, досады и огорченій, ничего не должно надѣяться».—«Одинъ изъ прежнихъ товарищей упрекалъ меня за то, что я оставилъ серьезныя занятія, чтобы терять время въ суетности, какъ онъ говорилъ, въ забавахъ. Я помню, что отвѣтилъ ему въ такомъ смыслѣ, что успѣю себѣ и послѣ, а теперь считаю приличнымъ соображаться съ наклонностями своими и возрастомъ». На службѣ Глинкѣ не разъ дѣлали выговоры правитель канцеляріи и начальники за то, что онъ не заботится о службѣ и давали совѣты «бросить это пустое занятіе музыкой, которое до добра не доведетъ». Эти случаи были, однако, единичными явленіями, большинство-же родственниковъ и близкихъ Глинки не удерживало его отъ музыкальныхъ занятій и отъ композиторства.

Первая неудачная попытка къ сочиненію съ текстомъ относится къ 1825 г. Это былъ романсъ на слова К. А. Бахтурина, сына правителя канцеляріи. Въ томъ же году былъ сочиненъ и первый удачный романсъ: «Не искушай меня безъ нужды» (слова Баратынскаго). Разъ попробовавъ свои силы, Глинка въ 1825—1830 гг. до поѣздки заграницу сочинялъ чрезвычайно много, особенно для голоса; для фортепіано же работалъ все меньше и меньше.

Первая пьеса, появившаяся въ печати, была написана въ Смоленскѣ. Въ декабрѣ 1825 г. Глинка поѣхалъ въ де-

ревню, по случаю помолвки старшей сестры, и на короткое время съ родными остановился въ Смоленскѣ на квартирѣ родственника А. А. Ушакова. Это былъ человѣкъ веселаго нрава, радушный, любившій въ своихъ повѣствованіяхъ преувеличивать «до самой нелѣпой лжи». 18-лѣтняя дочь его хорошо играла на фортепіано. Когда былъ у нихъ Глинка, музыка, понятно, не забывалась. Въ угоду своей племянницѣ Глинка написалъ для фортепіано варіаціи на модный тогда итальянскій романсъ: Benedetta sia la madre (E-dur). Эти-то варіаціи, немного потомъ исправленныя Мейеромъ, были отданы въ печать. Въ Смоленскѣ находилось тогда семейство генерала Апухтина, любившаго жить открыто. По случаю всеобщаго траура танцы не допускались. Придумали дать представленіе, примѣняясь къ обстоятельствамъ: прологъ на кончину императора Александра и восшествіе на престолъ государя Николая Павловича. Гувернеръ въ домѣ генерала сочинилъ слова на французскомъ языкѣ, музыку поручили Глинкѣ. Она состояла изъ хора C-moll, аріи B-dur, которая служила заключеніемъ пролога съ торжественнымъ хоромъ также B-dur. Одѣтый геніемъ, Михаилъ Ивановичъ самъ пѣлъ арію; кантата вышла первымъ удачнымъ опытомъ въ вокальной музыкѣ большаго размѣра.

Остатокъ зимы 1825—1826 г. Глинка провелъ въ деревнѣ. «По вечерамъ и въ сумерки любилъ я, пишетъ онъ въ запискахъ, мечтать за фортепіано. Сантиментальная поэзія Жуковскаго мнѣ чрезвычайно нравилась и трогала меня до слезъ (вообще говоря, въ молодости я былъ парень романическаго устройства, и любилъ поплакать сладкими слезами умиленія). Кажется, что два тоскливыхъ моихъ романса: «Свѣтитъ мѣсяцъ на кладбищѣ» и «Бѣдный Пѣвецъ» были написаны въ это время (на слова Жуковскаго), весною 1826 года». Въ первый періодъ своей общественной жизни, Глинка познакомился съ нѣкоторыми литераторами,—Дельвигомъ, Пушкинымъ, Грибоѣдовымъ, встрѣчался

съ извѣстнымъ поэтомъ Мицкевичемъ. Съ Дельвигомъ познакомилъ его композиторъ русскихъ романсовъ М. Л. Яковлевъ. Глинка не рѣдко навѣщалъ барона-поэта. Тамъ бывала дѣвица Лигле, играли въ 4 руки. Баронъ Дельвигъ передѣлалъ для музыки Глинки пѣсню: «Ахъ ты ночь-ли ноченька», тогда-же была написана музыка на его слова: «Дѣдушка, дѣвицы разъ мнѣ говорили». Часто видѣлся Михаилъ Ивановичъ съ А. С. Пушкинымъ и пользовался его знакомствомъ до самой его кончины, такъ преждевременной. Грибоѣдовъ сообщилъ Глинкѣ тему грузинской пѣсни, на которую А. С. Пушкинъ написалъ романсъ: «Не пой, волшебница, при мнѣ». Нѣкоторыя изъ музыкальныхъ сочиненій этого періода отличались уже такимъ совершенствомъ, что вошли въ составъ позднѣйшихъ знаменитыхъ оперъ. Такъ Дельвигъ написалъ Глинкѣ слова: «Не осенній частый дождикъ». Музыка этихъ словъ потомъ была взята на романсъ Антониды—«Не о томъ скорблю, подруженьки» въ оп. «Жизнь за Царя».—Въ 1827 г. сочинено было нѣсколько отдѣльныхъ театральныхъ сценъ для пѣнія съ оркестромъ: дуэтъ съ речитативомъ для баса съ тенoромъ (A-dur), хоръ на смерть героя (C-moll), арія для баритона (As-dur), Adagio этой аріи послужило потомъ для канона финала 1 акта оперы «Русланъ и Людмила».

Важное вліяніе на развитіе музыкальныхъ способностей Глинки имѣло знакомство съ кн. С. Г. Голицынымъ. С. Г. былъ веселый, милый, подъ-часъ забавный молодой человѣкъ, хорошо зналъ музыку и пѣлъ очень пріятно прекраснымъ, густымъ басомъ. Онъ-то между прочимъ ободрялъ Глинку при его чрезвычайной застѣнчивости и ввелъ его въ общество молодыхъ людей высшаго тона, ловко умѣлъ возбуждать его къ дѣятельности, писалъ для Глинки стихи и охотно исполнялъ его сочиненія. Когда однажды Глинка ѣздилъ въ Москву, С. Г. Голицынъ снабдилъ его рекомендательнымъ письмомъ къ извѣстному Норову всего изъ слѣдующихъ словъ: «податель этой записки—Глинка».

На службѣ Глинка оставался не долго и лѣтомъ 1828 г. подалъ въ отставку «изъ-за запятой», какъ говоритъ онъ въ своихъ запискахъ. Среди служебныхъ отношеній онъ познакомился съ семействомъ одного изъ своихъ начальниковъ генерала Г-ли; у этого начальника была жена и три дочери, одна изъ нихъ, Поликсена, училась пѣнію у Беллоли; Глинка часто акомпанировалъ ей и пѣвалъ съ нею. Когда кругъ знакомства расширился, Глинка не могъ уже часто посѣщать семейство генерала Г-ли. Притомъ семейство это не особенно ему нравилось. Генеральша и ея дочери не могли внушить искренняго желанія часто бывать у нихъ; онѣ долго жили въ Кіевѣ и къ разнымъ провинціальнымъ пріемамъ присоединяли страсть говорить чрезвычайно громко и всѣ четыре вдругъ. Отъ такого говора замолкали не только гости, но и самъ генералъ.—Глинка былъ помощникомъ секретаря, однако его заставляли въ присутствіи читать вслухъ записки съ трехъ столовъ. Когда посѣщенія въ домѣ начальника стали рѣже, обращеніе съ подчиненнымъ перемѣнилось. Пересматривая бумаги, генералъ находилъ, что тамъ запятыя не на своихъ мѣстахъ, тутъ правописаніе не вѣрно, хотя было не справедливо взваливать отвѣтственность за три стола на одного помощника секретаря. Слушая замѣчанія, Глинка не отвѣчалъ ни слова, думалъ только про себя: «эге, здѣсь шашни баловницы Поликсены», и рѣшилъ совсѣмъ прекратить посѣщенія. Генералъ сталъ еще взыскательнѣй, «а я, говоритъ Михаилъ Ивановичъ, не тратя даромъ времени, въ одинъ изъ докладовъ подалъ ему прошеніе объ отставкѣ и вышелъ изъ службы изъ-за запятой».

Потерпѣвъ неудачу на службѣ, Глинка могъ вполнѣ отдаться своимъ артистическимъ вкусамъ и стремленіямъ. Кружкомъ молодежи, душой котораго былъ кн. Голицынъ, затѣяны были разныя театральныя представленія. На одномъ изъ нихъ Глинка исполнялъ роль донны Анны въ интродукціи «Донъ-Жуана» Моцарта, при чемъ закостюмированъ былъ въ

женское платье изъ бѣлой кисеи и рыжій парикъ, исполнялъ также роль Фигаро въ «Севильскомъ Цирюльникѣ». Однажды молодежь задумала потѣшить публику серенадой на Черной рѣчкѣ. Репетиціи были чрезвычайно занимательны; у оконъ дома, гдѣ онѣ происходили, толпились по вечерамъ слушатели и слушательницы. Въ день серенады на рѣчкѣ появились два катера, иллюминованные фонарями; на одномъ сидѣли исполнители, на другомъ помѣстились трубачи кавалергардскаго полка. На кормѣ приладили маленькое фортепіано, на которомъ Глинка акомпанировалъ и управлялъ хоромъ. Послѣ каждой исполненной пьесы, раздавались стройные, сильные, величественные звуки трубъ. Объ этой серенадѣ напечатали въ «Сѣверной Пчелѣ». Первый успѣхъ поощрилъ исполнителей къ новымъ предпріятіямъ. Давали представленіе гр. Кочубею, тогдашнему президенту государственнаго совѣта. Молодые люди совершали даже маленькія музыкальныя путешествія; такъ дали представленіе въ Царскомъ селѣ, гдѣ исполняли серенаду Глинки и куплеты съ хоромъ: «Лина въ черной мантіи» (слова кн. Голицына),—пѣлъ хоръ придворныхъ пѣвчихъ. Ѣздили даже за 200 верстъ въ с. Марьино новгородской губерніи къ графинѣ Строгоновой. Глинка участвовалъ въ представленіи нѣсколькихъ сценъ изъ «Barbiere de Sivilla».

Въ годъ своей отставки Глинка прилежно работалъ; началъ учиться итальянскому языку; бралъ уроки композиціи у сына извѣстнаго buffa итальянской оперы въ Петербургѣ Zamboni, который задавалъ текстъ итальянскій и заставлялъ писать аріи, речитативы и пр., также 2-голосныя фуги безъ словъ. Кромѣ того Глинка написалъ серенаду на итальянскія слова Толстаго, квартетъ F-dur для сопрано, альта, тенора и баса съ акомпаниментомъ двухъ скрипокъ, альта и віолончели и др. пьесы. Въ томъ-же году предприняли было издать «Лирическій альбомъ», но дѣло долго не шло на ладъ. Альбомъ этотъ появился въ свѣтъ въ слѣдующемъ году; въ

этомъ изданіи были напечатаны романсы и пѣсни Глинки съ нѣсколькими мелкими фортепіанными пьесами.

Отъ всѣхъ этихъ музыкальныхъ занятій, которымъ съ такой страстью и такъ успѣшно предавался Михаилъ Ивановичъ, по временамъ его отрывали тяжелые недуги; корень ихъ скрывался въ золотушномъ расположеніи организма. Глинку старались радикально вылѣчить и часто только ухудшали положеніе больнаго. Въ 1827 г. отецъ Глинки въ петербургскомъ обществѣ встрѣтился однажды съ докторомъ Браиловымъ и сообщилъ ему о золотушномъ расположеніи своего сына. Докторъ предложилъ свои услуги и заставилъ паціента выпить болѣе 30 бутылокъ какого-то зеленовато-болотнаго декокту. Это была пряная, густая, вяжущая и отвратительная жидкость. Декоктъ вызвалъ сильные приливы крови къ головѣ, такъ что больной надолго лишился сна и потомъ не вдругъ поправился. Отъ приливовъ крови получилось золотушное воспаленіе въ лѣвомъ глазу. Сталъ лѣчить знаменитый окулистъ Лерхе. Глинку посадили въ темную комнату; не обошлось дѣло безъ слабительныхъ. Насильственное употребленіе внутреннихъ лѣкарствъ повредило здоровью и подготовило новыя страданія. Воспаленіе въ глазу повторилось. Въ апрѣлѣ 1828 г. Глинка ѣхалъ изъ деревни отъ родителей въ Москву. Около Гжатска надуло вѣтромъ въ лѣвый глазъ. Глазъ воспалился. Цѣлую станцію Михаилъ Ивановичъ проѣхалъ закрытый рогожкой. Въ Гжатскѣ потребовалъ доктора; на это отвѣтили, что докторъ плохъ, а цирюльникъ весьма смѣтливъ. Позвали цирюльника, который, дѣйствительно, далъ лѣкарство, въ нѣсколько часовъ разогнавшее боль; воспаленіе уничтожилось. Въ концѣ 1828 года отъ «Майскаго бальзама Немича» у Глинки появилась сыпь по всему тѣлу, онъ сталъ чувствовать себя все хуже и хуже. Въ мартѣ слѣдующаго года принялся лѣчить Глинку докторъ Соломонъ. Онъ засадилъ больнаго въ теплую комнату на цѣлыхъ два мѣсяца и заставилъ принимать пилюли Sublimatum, увеличивая

пріемы, такъ что при весьма строгой діетѣ паціентъ принялъ около 100 пилюль. Лѣченіе такъ разслабило Глинку, что кн. Голицынъ, отправляясь въ дѣйствующую армію, при прощальномъ визитѣ засталъ его въ чрезвычайно болѣзненномъ состояніи. Лѣченіе закончилось сѣрными ваннами. Ванны помогли, но не надолго.

Послѣ болѣзни Глинка часто навѣщалъ бар. Дельвига. Въ іюнѣ семья барона и знакомые отправились на Иматру. Имъ сопутствовалъ Глинка. На возвратномъ пути одинъ изъ чухонцевъ-ямщиковъ пѣлъ пѣсню, которая очень понравилась Михаилу Ивановичу. Онъ заставилъ нѣсколько разъ повторять эту пѣсню, затвердилъ ее и потомъ употребилъ главной темою баллады Финна въ оп. «Русланъ и Людмила». Погода въ то время стояла прекрасная. Не смотря на это еще до поѣздки Глинка чувствовалъ жестокія нервныя боли, а когда вернулись въ Петербургъ, онѣ усилились до такой степени, что появлялись каждый день; ихъ сопровождала лихорадка съ жаромъ и бредомъ. Пароксизмъ оканчивался сильною и неправильной испариной.

При всѣхъ этихъ страданіяхъ Глинка не забывалъ занятій музыкой; лишь только стихали боли, онъ бодро шелъ впередъ, совершенствуясь въ исполненіи пьесъ или въ сочиненіи собственныхъ произведеній. Осенью 1829 года возобновились боли особенно шейныхъ железъ до такой степени, что больной катался по полу и кусалъ себя отъ невыносимой муки. Образовалась упорная спазматическая боль сзади шеи, она стихла только отъ весьма теплыхъ ваннъ. Тѣмъ не менѣе родители Глинки были извѣщены о болѣзни его; въ октябрѣ пріѣхала къ нему мать съ сестрою; больнаго увезли въ деревню. Передъ отъѣздомъ одинъ докторъ итальянецъ предложилъ для успокоенія болей пилюли изъ опіума и меркурія. Зимой и слѣдующей весною Глинка не разъ прибѣгалъ къ ихъ помощи; боли успокоивались, но здоровье разстраивалось все болѣе и болѣе.

Въ деревнѣ между страданіями, которыя всегда сопровождали жаръ и бредъ, Глинка продолжалъ свои музыкальныя занятія. Онъ выучилъ септуоръ Гуммеля и неоднократно исполнялъ его съ акомпаниментомъ; часто упражнялся въ исполненіи на фортепіано этюдовъ Крамера, Мошлеса и даже Баха; сочинилъ нѣсколько мелкихъ пьесъ, написалъ романсъ «Голосъ съ того свѣта» (слова Жуковскаго) и F-dur квартетъ для струнныхъ инструментовъ. Желая избавиться отъ страданій и усовершенствоваться въ музыкѣ, Глинка сталъ подумывать о поѣздкѣ за границу, но сначала получилъ рѣшительный отказъ со стороны отца. Это огорчило Михаила Ивановича до слезъ, отцу однако онъ не смѣлъ и думать прекословить, хотя обращеніе съ нимъ отца было дружеское. Болѣзнь усиливалась; Глинка глоталъ пилюли итальянца къ крайнему вреду своего здоровья. На его счастье въ Новоспасское прибылъ полковой докторъ Шпиндлеръ, мнѣнія котораго Глинка-отецъ очень уважалъ. Докторъ этотъ тщательно изслѣдовалъ Михаила Ивановича и объявилъ отцу, что у больнаго сына цѣлая кадриль болѣзней и что ему необходимо для поправленія здоровья пробыть за границей въ тепломъ климатѣ по крайней мѣрѣ года три. Это было въ концѣ зимы, а къ веснѣ здоровье Глинки шло все хуже и хуже; больной былъ очень плохъ и стоналъ часто. Пришлось рѣшить поѣздку въ Италію и Германію, и къ 25 апрѣля 1830 г. все было готово къ отъѣзду.

V.

Путешествіе въ Италію.

Среди произведеній Глинки сохранилась небольшая тетрадка, въ которой изложенъ маленькій курсъ географіи. Зимою въ Новоспасскомъ передъ поѣздкой за границу Михаилъ Ивановичъ занимался съ младшими сестрами и братомъ; одну изъ сестеръ, Людмилу Ивановну, училъ географіи; для нея-то и написанъ былъ географическій курсъ. Въ немъ чрезвычайно сжато говорится о всѣхъ странахъ и народахъ и лишь только Италія и Испанія описаны подробно, съ многочисленными деталями. Это показываетъ, что воображеніе Глинки было въ высокой степени занято любимыми странами; путешествія туда онъ ждалъ, какъ величайшаго счастія. Кромѣ поправленія здоровья онъ хотѣлъ расширить свои музыкальныя познанія и болѣе строгимъ солиднымъ ученіемъ у иноземныхъ знатоковъ возвысить свой талантъ. Его настойчивая рѣшимость покинуть Петербургъ, гдѣ онъ обнаружилъ уже блестящіе успѣхи, гдѣ онъ былъ извѣстенъ, какъ вполнѣ самостоятельный композиторъ, авторъ прекрасныхъ произведеній,—доказываетъ только глубину и истинность его таланта. Достигнувъ большихъ знаній и опытности,—какъ скромный ученикъ, Глинка несомнѣнно въ новой странѣ ду-

малъ найдти новую болѣе глубокую науку. Ожиданія Михаила Ивановича оправдались не вполнѣ. Болѣзни его не уменьшились; недуги сопровождали его всюду и еще болѣе укоренились въ немъ. Надо удивляться гигантскому терпѣнію этого человѣка, съ какимъ онъ переносилъ свои страданья, и тому страстному влеченію къ музыкальнымъ занятіямъ, когда онъ чувствовалъ хоть маленькое облегченіе отъ терзавшихъ его болѣзней.

Значительную часть путешествія въ Италію Михаила Ивановича сопровождалъ Ивановъ. Онъ былъ пѣвчимъ придворной капеллы и ѣхалъ за границу для усовершенствованія своего первокласснаго тенора. Ивановъ сначала колебался отправиться въ путь, но Глинка-отецъ уговорилъ его, нарочно ѣздилъ въ Петербургъ, гдѣ упросилъ директора пѣвческой капеллы, Львова, дать Иванову позволеніе отправиться съ Михаиломъ Ивановичемъ. Иванову дали двухъ-лѣтній отпускъ и пособіе, а Глинка-отецъ обязался подпиской, что Иванову не будетъ недостатка въ средствахъ къ жизни. — Въ запискахъ Глинка такъ характеризуетъ своего спутника: «вообще Ивановъ былъ человѣкъ трудный, черствый сердцемъ, неповоротливъ и тупъ умомъ. Достоинство его состояло въ прелести голоса. Мы съ нимъ не ссорились, но не могли также похвалиться особенной дружбой.» Этотъ Ивановъ въ Россію не возвратился, а самовольно остался за границей; впослѣдствіи онъ прославился своей артистической дѣятельностью, преимущественно въ Италіи. Въ Россіи, однако, блистательные успѣхи русскаго пѣвца остались не замѣченными, такъ какъ императоръ Николай Павловичъ былъ весьма разгнѣванъ поступкомъ Иванова, и наши газеты и журналы никогда не упоминали о немъ. Поступокъ Иванова навлекъ много непріятностей Михаилу Ивановичу, который въ запискахъ объ этомъ ничего не упоминаетъ по свойственному ему добродушію.

Наши путешественники сначала остановились въ Дрезденѣ, гдѣ Глинка совѣтовался съ докторомъ Крейсигомъ; онъ предложилъ употребленіе эмскихъ, потомъ ахенскихъ водъ. До Майнца ѣхали на долгихъ въ коляскѣ. Съ русскими путниками ѣхалъ студентъ, пѣвшій басомъ. Всякій разъ, какъ останавливались для обѣда или ночлега, если встрѣчалось фортепіано, пѣли вмѣстѣ—Ивановъ—перваго, Глинка—втораго тенора, а студентъ пѣлъ басовую партію извѣстныхъ отрывковъ изъ оперъ. Въ маленькихъ городкахъ нѣмцы сходились слушать пѣвцовъ. Въ Эмсѣ воды за три недѣли сильно разслабили Глинку; въ Ахенѣ-же въ весьма короткое время онъ почувствовалъ значительную пользу; лѣченіе испортили тѣмъ, что заставляли Глинку много пить и слишкомъ часто купаться. Излишнее употребленіе сѣрныхъ водъ раздражило шейныя железы и возбудило жесточайшую зубную боль.

Въ Швейцаріи, черезъ которую Глинка и Ивановъ въ компаніи съ нѣкоторыми русскими изъ высшаго круга направились въ Италію, Михаилъ Ивановичъ восхищался прелестными видами альпійской страны. Переваливъ черезъ Симплонъ, остановились въ Миланѣ. Видъ миланскаго собора и самаго города, прозрачность неба, черноокія миланки съ ихъ вуалями приводили Глинку въ неописанный восторгъ. Вскорѣ пріискали квартиру, хозяйка которой была очень добрая женщина и сама страдала нервными припадками, почему сочувственно относилась къ страданіямъ другихъ. Обѣдать и завтракать сначала ходили въ трактиры. Въ одномъ изъ нихъ подали плохой обѣдъ. Когда Глинка и Ивановъ легли спать, оба почти одновременно были разбужены головокруженіемъ, сильной рѣзью въ животѣ. Сдѣлались жесточайшія колики и рвота; думали, что настала послѣдняя минута. Въ такомъ положеніи ихъ засталъ одинъ изъ постояльцевъ хозяйки и далъ имъ по большому стакану ромашки. Оказалось, что причиною страданій русскихъ былъ соусъ изъ шпината, который готовили въ дурно вылуженной кострюлѣ. На

другой же день хозяйка предложила своимъ русскимъ жильцамъ готовить кушанье и всякій разъ, какъ возвращалась съ рынка, заставляла ихъ осматривать купленную провизію. Однако отъ отравы они оба захворали, у Глинки возобновились нервныя боли, пришлось для ихъ успокоенія опять глотать пилюли изъ сѣры и меркурія.

Своей резиденціей въ Италіи Михаилъ Ивановичъ избралъ Миланъ. Отсюда онъ посѣщалъ другіе замѣчательные города Италіи—Туринъ, Венецію, Римъ, Неаполь. Лѣтомъ душный воздухъ Милана отъ раскаленныхъ камней и стѣнъ домовъ сильно утомлялъ; спать не было возможности; не дѣйствовали даже пріемы опіума. Чтобы избавиться отъ зноя, Глинка на лѣтнее время переселялся въ страну альпійскихъ озеръ, посѣщалъ Лаго-Маджіоре, Комо.

Окрестности Неаполя напомнили Глинкѣ первыя понятія дѣтства объ отдаленныхъ тропическихъ странахъ. Отъ самаго Неаполя онъ былъ въ полномъ восторгѣ и долго не могъ налюбоваться необыкновенною, величественною красотою мѣстоположенія. Прозрачность воздуха, ясный праздничный свѣтъ,—все это было ново и восхитительно прекрасно. Заливъ Байя и его окрестности Глинка осматривалъ въ обществѣ трехъ англичанокъ—матери съ двумя дочерьми, съ которыми онъ познакомился еще на водахъ Эмса. Вошли въ гротъ Сибиллы до того мѣста, гдѣ онъ покрытъ водою; въ одинъ мигъ путешественники очутились на спинахъ лаццарони, которые служили имъ проводниками. Англичанки, очнувшись отъ изумленія, громко высказывали жалобы на языкѣ Альбіона, а лаццарони думали, что онѣ боятся упасть въ воду, и прижимали ихъ все болѣе и болѣе.

Глинка хотѣлъ видѣть потокъ лавы на Везувіи. Въ декабрьскій день, когда восхожденіе на гору предприняли въ первый разъ, въ Неаполѣ шелъ дождь, а на Везувіи путниковъ встрѣтила сильная русская снѣговая мятель. Пришлось вернуться. При спускѣ съ горы застигла ночь; вѣтеръ

погасилъ факелы; въ потемкахъ шли ощупью, держась другъ за друга, чтобы не слетѣть въ пропасть. Измокшіе добрались до Резины, гдѣ путешественниковъ ожидала коляска. На бѣду, лишь только тронулись, сломалось колесо; принуждены были идти пѣшкомъ въ Неаполь около четырехъ верстъ. Глинка захворалъ, но, оправившись, снова восходилъ съ Ивановымъ на Везувій въ ясную зимнюю ночь и вполнѣ насладился зрѣлищемъ потока раскаленной лавы.

Въ Римѣ Михаилъ Ивановичъ встрѣтился съ Шевыревымъ, извѣстнымъ впослѣдствіи профессоромъ московскаго университета, подъ его руководствомъ осмотрѣлъ всѣ достопримѣчательности города съ объясненіями, однако въ достоинствѣ церкви св. Петра не могъ убѣдиться, потому что предпочиталъ византійскія и готическія церкви всѣмъ другимъ.

Болѣзни и тоска по родинѣ выгнали Глинку изъ Италіи. Такъ, Неаполь, климатомъ котораго онъ разсчитывалъ долго пользоваться, оставленъ былъ отъ невыносимой тоски; тоску вызвало раздраженіе нервовъ, усилившееся отъ пріемовъ бѣлены вмѣсто опіума. Вообще, морозъ подираетъ по кожѣ, когда читаешь описаніе, какъ нашего путешественника лѣчили итальянскіе доктора. Въ послѣдній годъ пребыванія въ Италіи докторъ, пользовавшій Глинку, прожогъ ему ляписомъ затылокъ; въ прожженное мѣсто входили двѣ большихъ горошины. Другой докторъ противъ болѣзней желудка наложилъ пластырь. «Этотъ злокачественный пластырь, говоритъ Глинка, погубилъ мои нервы и довелъ меня скоро до отчаянія.» Начались даже галлюцинаціи. Разъ во время исполненія одной пьесы у Глинки отъ пластыря нѣмѣли руки и ноги до того, что онъ щипалъ себя, желая убѣдиться, сохранилась-ли въ немъ еще жизнь. Сначала этотъ злокачественный пластырь мѣняли черезъ мѣсяцъ, потомъ черезъ недѣлю, наконецъ каждый день: онъ поглощался организмомъ ежедневно. У больнаго нѣмѣли члены, его душило, пропалъ сонъ и аппетитъ, наступило жесточайшее отчаяніе. Наконецъ терпѣ-

ніе даже Глинки истощилось, онъ сорвалъ источникъ мученій, отправившись въ Венецію, но пластырь долго еще дѣйствовалъ, организмъ долго былъ насыщенъ имъ. Въ Венеціи Глинка подпалъ подъ дѣйствіе сирокко и не могъ выносить запаха каменнаго угля; отъ дыму однажды онъ такъ угорѣлъ, что едва очнулся. Докторъ семейства Гагариныхъ, съ которыми тамъ встрѣтился нашъ больной, прописывалъ ему такія промывательныя, отъ которыхъ онъ едва остался въ живыхъ; мучительныя боли въ желудкѣ сопровождались ощущеніями страха и ужаса. По возвращеніи Глинки въ Миланъ, нашли нужнымъ пустить ему кровь изъ лѣвой руки. Страданія усилились; желудокъ совершенно отказался служить. Больному намазали спину такой мазью, что сошла кожа, и по живому мясу мазали морфиномъ. Такъ продолжалось шесть недѣль. Къ утру раздраженіе мало по малу успокоивалось, чувствовалась усталость и нѣчто въ родѣ голода. Тогда больной съ аппетитомъ ѣлъ булочки съ оршадомъ изъ дынныхъ сѣмянъ, превосходно приготовленныхъ миланскими монахинями. Этотъ завтракъ подсказанъ былъ какъ-бы инстинктомъ самосохраненія и не мало способствовалъ облегченію страдальца. Въ промежуткахъ между припадками страданія становились тусклѣй; Михаилъ Ивановичъ садился за фортепіано и невольно извлекалъ фантастическіе звуки, въ которыхъ отражались фантастическія, тревожившія его ощущенія. Чрезвычайное раздраженіе нервной системы подѣйствовало не на одно воображеніе, но—и на голосъ; послѣдній изъ неопредѣленнаго и сиповатаго вдругъ перешелъ въ сильный и высокій теноръ, который слушала публика слишкомъ пятнадцать лѣтъ потомъ.

Не довелось Глинкѣ выполнить въ Италіи и другой цѣли, за которою онъ отправился въ заморскія страны; ему не суждено было учиться у строгихъ контрапунктистовъ. На сценѣ одного неаполитанскаго театра наши путешественники слышали оперу замѣчательнаго контрапунктиста Раймонди, но Глинка нашелъ его музыку тривіальной и знакомства съ

сочинителемъ оперы не искалъ. Чтобы удовлетворить своему стремленію къ изученію теоріи музыки, онъ въ первую зиму, проведенную въ Миланѣ, выбралъ-было себѣ учителемъ композиціи директора миланской консерваторіи Базили. Учитель этотъ заставилъ нашего композитора работать надъ гаммой въ 4 голоса такъ: одинъ голосъ велъ гамму цѣлыми нотами, другой нужно было вести полутактными, третій четвертями и четвертый восьмыми. Это головоломное упражненіе клонилось, по мнѣнію Базили, къ утонченію музыкальныхъ способностей; но подвижная натура и пылкая фантазія Глинки не выдержали сухаго, не поэтическаго труда, и онъ скоро отказался отъ уроковъ. За то много отрадныхъ и истинно поэтическихъ минутъ провелъ онъ тамъ, гдѣ его музыкальная дѣятельность не стѣснялась узкими рамками и пунктуальностью. Глинка слушалъ въ театрахъ лучшихъ итальянскихъ артистовъ того времени, часто вращался въ кругу первоклассныхъ и второклассныхъ пѣвцовъ и пѣвицъ, любителей и любительницъ пѣнія и вполнѣ ознакомился съ труднымъ искусствомъ управлять голосомъ и ловко писать для него.

«26 декабря 1830 года, читаемъ въ запискахъ, миланскіе жители и мы съ нетерпѣніемъ ждали открытія театровъ. Импрессаріи двухъ театровъ: большаго театра la Scala и малаго Carcano вступили въ соперничество. Импрессаріо перваго, надѣясь на привычку миланской публики посѣщать его, какъ обычное мѣсто сборища, пріобрѣлъ только одну хорошую пѣвицу, сестру знаменитой впослѣдствіи Джульетты Гризи. Въ маломъ же театрѣ Carcano пѣли: Паста, Рубини, Галли и др., а какъ maestro, участвовали Беллини и Доницетти. Иванову было нанято кресло въ Каркано въ одномъ изъ первыхъ рядовъ, а я въ томъ же театрѣ пользовался ложею нашего посланника при сардинскомъ дворѣ.»

«Для открытія театра дали первое представленіе оперы Доницетти: «Анна Болена». Исполненіе мнѣ показалось чѣмъ-то волшебнымъ, въ оперѣ участвовали: Рубини, Паста (ко-

торая дѣйствительно отлично выполняла всю роль Анны Болены, въ особенности послѣднюю сцену), Галли, Орланди и т. д... Я утопалъ въ восторгѣ... Въ концѣ карнавала явилась всѣми ожидаемая Somnambula Беллини. Не смотря на то, что она появилась поздно, не взирая на завистниковъ и недоброжелателей, опера эта произвела огромный эффектъ. Въ немногія, данныя до закрытія театровъ, представленія Паста и Рубини, чтобы поддержать своего любимаго maestro, пѣли съ живѣйшимъ восторгомъ: во второмъ актѣ сами плакали и заставляли публику подражать имъ, такъ что въ веселые дни карнавала видно было, какъ въ ложахъ и креслахъ безпрестанно утирали слезы. Мы, обнявшись въ ложѣ посланника съ Штеричемъ (одинъ изъ друзей Глинки), также проливали обильный токъ слезъ умиленія и восторга.»

«Послѣ каждой оперы, возвратясь домой, мы подбирали звуки, чтобы вспомнить слышанныя любимыя мѣста. Въ короткое время Ивановъ довольно удачно пѣлъ аріи и выходки Рубини изъ «Анны Болены», впослѣдствіи было тоже и съ «Сомнамбулой.» Я акомпанировалъ ему на фортепіано, и сверхъ того очень ловко подражалъ Пастѣ, играя на фортепіано ея аріи къ великому удивленію и удовольствію хозяйки, сосѣдокъ и знакомыхъ.—Время шло довольно пріятно, что не мѣшало намъ, однакожъ, страдать порядочно въ зимніе мѣсяцы. Нашъ маленькій калориферъ, топленный плохо, едва согрѣвалъ нашу просторную комнату. Когда мы ложились, надо было согрѣвать постель жаровнею, отчего мы чувствовали тепло ложась; но эта пріятная теплота скоро исчезала и къ утру постель и одѣяло были всегда холодны и сыры.»

Въ 1831 году «я ожилъ при появленіи чудной итальянской весны, воображеніе зашевелилось и я принялся работать. Въ это время мы были уже нѣсколько извѣстны въ Миланѣ, говорили о насъ, какъ о двухъ maestri Russi, изъ которыхъ одинъ поетъ, а другой играетъ на фортепіано. Желая поддержать пріобрѣтенную уже нѣкоторую извѣстность,

я принялся писать пьесы для фортепіано; для пѣнія еще не осмѣлился начать, потому что по справедливости не могъ еще считать себя вполнѣ знакомымъ со всѣми тонкостями искусства. Я началъ съ варіацій на тему изъ «Анны Болены»; написалъ потомъ варіаціи на двѣ темы изъ балета Кіа-Кингъ. Онѣ впослѣдствіи были напечатаны въ одномъ изъ музыкальныхъ журналовъ, издаваемыхъ въ Парижѣ. Тою же весною написалъ Rondo на тему изъ «Montechchi è Capuletti Беллини».

«Кстати о фортепіанной музыкѣ: еще въ началѣ весны 1831 г. познакомился я съ сочиненіями Поллини, и вскорѣ потомъ и съ самимъ Поллини. По моему мнѣнію, это былъ одинъ изъ самыхъ примѣчательныхъ итальянскихъ артистовъ въ мою бытность въ Италіи».

На темы изъ «Сомнамбулы» Глинка написалъ серенаду, которая, какъ и другія его итальянскія произведенія, разъигрывалась при его участіи въ знакомыхъ кружкахъ итальянцевъ. Разъ онъ написалъ тріо для фортепіано, кларнета и фагота во время жестокихъ мученій отъ злокачественнаго пластыря. Въ этомъ тріо выражалось такое отчаяніе, что одинъ изъ пріятелей артистовъ, акомпанировавшихъ въ исполненіи, по окончаніи финала, сказалъ съ изумленіемъ «Ma questo è disperazione!».

Въ Неаполѣ Глинка познакомился съ знаменитымъ учителемъ пѣнія Nozzari и г-жею Фодоръ, итальянской актрисой русскаго происхожденія, которымъ онъ обязанъ былъ болѣе всѣхъ другихъ maestro своими познаніями въ пѣніи. Объ этихъ артистахъ мы читаемъ въ его запискахъ: «г жа Фодоръ Мейнвіель (просто Ѳедорова) обличала свое происхожденіе: видъ ея, пріемы, разговоръ на чистѣйшемъ русскомъ нарѣчіи и даже манера носить платокъ и поправлять его часто, все это принадлежало болѣе русской уѣздной барынѣ, нежели итальянской актрисѣ. Она оставила сцену по слабости здоровья и поселилась въ Неаполѣ. Мы очень часто по-

сѣщали ее. Она еще превосходно пѣла и выдѣлывала самые трудные пассажи такъ ловко и свободно, какъ въ Берлинѣ нѣмки вяжутъ чулки во время разныхъ представленій, не проронивъ ни одной петли. Она очень часто пѣвала съ Ивановымъ... Фодоръ и Nozzari въ Неаполѣ были для меня представителями искусства, доведеннаго до nec plus ultra совершенства; они умѣли сочетать невѣроятную отчетливость съ непринужденною естественностью».

Если Глинка не оставилъ какого либо замѣчательнаго произведенія, какъ памятникъ своего пребыванія въ Италіи,— это пребываніе все-таки впервые привело его къ сознанію своихъ силъ; въ Италіи обнаружилась истинная натура его таланта. Подъ конецъ своей итальянской прогулки Глинка, по его словамъ, «не писалъ, а много соображалъ.—Всѣ, написанныя мною, въ угоду жителямъ Милана, пьесы убѣдили меня только въ томъ, что я шелъ не своимъ путемъ и что я искренно не могъ быть итальянцемъ. Тоска по отчизнѣ навела меня постепенно на мысль писать по русски... Не малаго труда стоило мнѣ поддѣлываться подъ итальянское Sentimento brillante, какъ они называютъ ощущеніе благосостоянія, которое есть слѣдствіе организма, счастливо устроеннаго подъ вліяніемъ благодѣтельнаго южнаго солнца. Мы, жители сѣвера, чувствуемъ иначе; впечатлѣнія или насъ вовсе не трогаютъ, или глубоко западаютъ въ душу. У насъ, или неистовая веселость, или горькія слезы. Любовь у насъ всегда соединена съ грустью. Нѣтъ сомнѣнія, что наша русская заунывная пѣсня есть дитя сѣвера, а можетъ быть нѣсколько передана жителями востока. Иванъ Екимовичъ говорилъ: «послушай поволжскаго извощика; пѣсня заунывна; слышно владычество татаръ; — пѣли, — поютъ, довольно!».

Въ іюнѣ 1833 г. Михаилъ Ивановичъ получилъ изъ дому извѣстіе, что сестра его Наталья Ивановна съ мужемъ поѣхала въ Берлинъ. Это извѣстіе зажгло въ немъ желаніе

самому отправиться туда же и въ концѣ того же мѣсяца онъ оставилъ Италію.

Нашего путешественника до Вѣны сопровождалъ докторъ Бранка. Вѣна послѣ Италіи показалась мрачною, къ тому-жъ и погода была дурная. Глинка часто и съ удовольствіемъ слушалъ оркестры Ланнера и Штрауса. Бранка водилъ его въ восковой анатомическій кабинетъ и объяснялъ все, что касалось его болѣзни; это не мало успокоило воображеніе больнаго. Доктора однако посовѣтовали ему отправиться на баденскія воды вблизи Вѣны. Бранка остался съ нимъ недѣлю. Для ухода за Глинкой нанятъ былъ лакей, который и увезъ его въ Баденъ. Воды въ Баденѣ состоятъ изъ сѣры и квасцовъ. Ихъ сильное дѣйствіе разстроило нервы Глинки до ужасной степени, его начали терзать галлюцинаціи, руки и ноги не повиновались вполнѣ, лакей долженъ былъ водить больнаго. «За нѣсколько дней до этого положенія, читаемъ въ запискахъ, мой добрый служитель, гуляя со мной, завелъ меня къ католическому священнику, у котораго было фортепіано. Я началъ импровизировать и вѣроятно очень жалобно, потому что священникъ съ удивленіемъ спросилъ меня: «какъ возможно въ ваши лѣта играть такъ грустно?»—Что же дѣлать! Вѣдь не легко быть приговореннымъ къ смерти, особенно въ цвѣтѣ лѣтъ,—отвѣчалъ я, причемъ кратко разсказалъ мои страданія, а также и то, что всѣ испытанныя средства служили только къ большему и большему разстройству моего здоровья. Священникъ спросилъ, прибѣгалъ-ли я къ гомеопатическому лѣченію. Я принялъ это за насмѣшку. Могъ-ли я предполагать, чтобы невидимые, такъ сказать, атомы лѣкарствъ, содержащіеся въ мелкихъ крупинкахъ, могли дѣйствовать послѣ тѣхъ массъ лѣкарствъ, въ которыя меня погружали и которыя я выпилъ. Онъ однако-же настоятельно старался убѣдить меня и заключилъ рѣчь свою слѣдующимъ образомъ: «вы считаете себя приговореннымъ къ смерти; въ такомъ случаѣ, не все-ли вамъ равно умирать отъ аллопатіи или гомеопатіи».—Когда я впалъ

въ такое жестокое состояніе, что мой добрый лакей потерялъ голову, онъ послалъ за своей женой, женщиной зрѣлыхъ лѣтъ. Она, не теряя времени, явилась и сейчасъ съ мужемъ увезла меня въ Вѣну».

Въ концѣ августа Глинка для развлеченія принялся читать Шиллера и переписывать любимыя пьесы, нанялъ фортепіано и твердилъ варіаціи на разныя темы. Наслушавшись Ланнера и Штрауса, не разъ пытался онъ сочинять и тогда-же изобрѣлъ тему, послужившую для «краковяка» въ «Жизни за Царя».

Въ Вѣнѣ навѣстилъ Глинку одинъ его родственникъ, который въ октябрѣ увезъ его въ Берлинъ и во всю дорогу заботился о немъ, какъ о родномъ братѣ, пѣлъ пѣсни и разсказывалъ побасенки, когда отъ болей Глинка охалъ. Въ Берлинѣ при свиданіи съ сестрой и зятемъ больной ожилъ душею. Во все время жизни въ Берлинѣ его пользовалъ гомеопатическій докторъ Штюллеръ. Глинка встрѣтился съ учителемъ пѣнія Тешнеромъ, котораго зналъ еще въ Миланѣ, и началъ учить пѣнію его ученицу Марію 17 лѣтнюю дѣвицу; для ней написалъ этюды. Тотъ же Тешнеръ познакомилъ Глинку съ знаменитымъ теоретикомъ музыки Деномъ, у котораго нашъ композиторъ учился около 5 мѣсяцевъ. Занятія состояли въ слѣдующемъ: Денъ задавалъ писать трехъ,— а потомъ четырехъ-голосныя фуги или—скелеты, экстракты фугъ безъ текста на темы извѣстныхъ композиторовъ, требуя при этомъ соблюденія принятыхъ въ этомъ родѣ композиціи правилъ, т. е. соблюденія экспозиціи, стреттъ и педали. Онъ привелъ въ порядокъ теоретическія свѣдѣнія своего ученика и собственноручно написалъ для него науку гармоніи или генералъ-басъ, науку мелодіи или контрапунктъ и инструментовку. Дену Михаилъ Ивановичъ обязанъ болѣе всѣхъ другихъ своихъ учителей; приведены были въ порядокъ, не только познанія Глинки но также—идеи объ искусствѣ вообще; съ лекцій Дена онъ началъ работать не ощупью, а сознательно. Денъ не мучилъ своего ученика школьной и систематической мето-

дой, напротивъ всякій почти урокъ открывалъ что нибудь новое, интересное. Однажды онъ далъ тему, состоявшую изъ 8 тактовъ, съ тѣмъ, чтобы Глинка написалъ на нее скелетъ фуги къ слѣдующей лекціи. Тема эта походила болѣе на речитативъ, чѣмъ на удобную для фуги мелодію, — ученикъ тщетно хлопоталъ надъ ней. На слѣдующей лекціи Денъ опять просилъ еще разъ заняться той-же темой,—и опять усилія въ работѣ были напрасны. На третью лекцію учитель явился съ огромной книгой, содержавшей фугу Генделя на ту тему, съ которой не могъ совладать ученикъ. Оказалось, что вся разработка композитора была основана на восьмомъ тактѣ а первые 7 тактовъ появлялись только изрѣдка. «Однимъ этимъ соображеніемъ, говоритъ Глинка, я постигъ, что такое фуга». Кромѣ уроковъ съ Деномъ и Маріей Михаилъ Ивановичъ занимался сочиненіемъ, написалъ два романса: «Дубрава шумитъ» Жуковскаго, «Не говори, любовь пройдетъ» Дельвига,—варіаціи на тему «Соловей» Алябьева для фортепіано, поппури на нѣсколько русскихъ пѣсенъ въ 4 руки и др. Среди этихъ занятій застало извѣстіе о смерти отца. Лѣченіе сестры, для котораго она и путешествовала въ Берлинъ, было безуспѣшно. Рѣшено было возвратиться въ Россію. Въ апрѣлѣ 1834 г. Глинка, сестра, зять и Луиза оставили Берлинъ. По поводу спутницы Луизы въ запискахъ находится слѣдующій эпизодъ: «вдова, служившая сестрѣ въ качествѣ горничной, имѣя малолѣтнихъ дѣтей, не могла ѣхать съ сестрою. Вызвали черезъ газеты желающихъ съ нами ѣхать; явилось до сорока нѣмочекъ, между ними одна довольно миловидная дѣвушка, но съ предлинными руками и ногами. Когда она вошла къ намъ, я очень хорошо помню, что я тогда же сказалъ сестрѣ: «бери, кого хочешь, только не эту». Пришлось однако взять эту, Луизу, потому что всѣ прочія отказались ѣхать въ Россію».

VI.

„Жизнь за Царя"

Еще послѣ выпуска изъ пансіона Михаилъ Ивановичъ много работалъ на русскія темы. Когда онъ занимался въ Берлинѣ подъ руководствомъ Дена, мысль о русской оперѣ болѣе и болѣе прояснялась въ его умѣ. Тамъ между прочимъ онъ сочинилъ тему: «Какъ мать убили», которая вошла потомъ въ оп. «Жизнь за Царя (пѣснь сироты). Проведя весну 1834 г. въ Новоспасскомъ, Глинка поѣхалъ въ Москву, чтобъ повидаться съ пріятелемъ своимъ Мельгуновымъ. Въ домѣ Мельгунова ему отвели комнаты; хозяинъ въ шутку говорилъ, что всѣ тѣ, которые поживутъ въ нихъ, непремѣнно женятся. Этотъ домъ посѣщали семейства высшаго московскаго общества. Глинка пѣлъ, игралъ свои сочиненія. На сколько развился въ это время его авторскій талантъ, показываетъ слѣдующій фактъ. Въ мезонинѣ того же дома жилъ литераторъ Павловъ. Онъ далъ Михаилу Ивановичу свой романсъ: «Не называй ее небесной», Глинка тутъ же при авторѣ романса въ одинъ присѣстъ переложилъ слова на музыку. Вообще художниковъ и любителей пѣнія Михаилъ Ивановичъ приводилъ въ Москвѣ въ полный восторгъ своими сочиненіями, игрою и пѣніемъ. Прежде его считали за любителя,

теперь, по возвращеніи его изъ Италіи, нашли, что это былъ истинный художникъ, воспитавшій и посвятившій себя любимому искусству. Уѣхалъ онъ диллетантомъ, а возвратился—маэстро.

Въ кружкѣ у Мельгунова нашему композитору запала мысль о русской оперѣ. Словъ пока не было; въ головѣ вертѣлась «Марьина роща». Глинка игралъ на фортепіано нѣсколько отрывковъ сценъ, которыя потомъ послужили отчасти для «Жизни за Царя». Хотѣлось также доказать публикѣ, что время, проведенное въ Италіи, потрачено не даромъ.

Собираясь писать русскую оперу, Глинка намѣревался опять уѣхать за границу. Возвратившись въ Новоспасское, онъ подалъ прошеніе о паспортѣ и получилъ его въ августѣ (1834 г.) Думалось ѣхать прямо въ Берлинъ, чтобы видѣть Марію, съ семействомъ которой и съ ней самой онъ былъ въ постоянной перепискѣ. Сестра просила довезти Луизу до Берлина. Изъ-за паспорта Луизы надо было ѣхать изъ Смоленска, куда добрались путешественники, въ Петербургъ. Волей-не-волей Глинка, вполнѣ уже готовый ко вторичной поѣздкѣ за границу, долженъ былъ направиться въ Петербургъ, гдѣ нѣкоторыя обстоятельства (рѣчь о нихъ составитъ особую главу нашего очерка)—побудили его отказаться отъ путешествія въ Берлинъ. Эта остановка имѣла огромное значеніе при выполненіи задуманной Глинкою задачи—написать русскую оперу. Если-бы онъ поѣхалъ въ Берлинъ, Россія, по всей вѣроятности, не увидѣла бы геніальнаго національнаго произведенія Глинки—«Жизнь за Царя». Авторъ этой оперы могъ создавать свои національныя произведенія только въ Россіи. Элементы для русской оперы онъ могъ заимствовать въ руслѣ русской жизни и у русскаго общества; какъ большинство нашихъ поэтовъ-художниковъ, онъ могъ воспроизводить въ музыкѣ русскую природу только,—когда былъ окруженъ русской внѣшней обстановкой; ему нужны были товарищи по взглядамъ, по воспитанію, по искусству и понятіямъ; нуженъ былъ артистическій кружокъ, полный дѣя-

тельности и жизни. Если всего этого не доставало, Глинка не могъ работать. Такъ и теперь, оставшись въ Петербургѣ зимой 1834—1835 г., онъ окруженъ былъ любителями искусства, съ которыми постоянно занимался пѣніемъ. Не смотря на то, что эту зиму онъ зажилъ домосѣдомъ,—постоянно посѣщалъ вечера Жуковскаго, жившаго въ Зимнемъ Дворцѣ. Здѣсь въ квартирѣ Жуковскаго каждую недѣлю собиралось избранное общество, состоявшее изъ поэтовъ, литераторовъ и любителей изящнаго; здѣсь постоянными посѣтителями были А. С. Пушкинъ, кн. Вяземскій, Гоголь, Плетневъ. Гоголь читалъ при Глинкѣ свою «Женитьбу». Навѣщали Жуковскаго нерѣдко кн. Одоевскій, Вельегорскій и др... На одномъ изъ вечеровъ Глинка заявилъ о своемъ желаніи приняться за русскую оперу; Жуковскій искренно одобрилъ это намѣреніе и предложилъ сюжетъ—Ивана Сусанина. «Сцена въ лѣсу, говоритъ Глинка, глубоко врѣзалась въ моемъ воображеніи; я находилъ въ ней много оригинальнаго, характерно-русскаго.» Жуковскій самъ хотѣлъ писать слова, но занятія не дозволили ему; только для пробы имъ сочинены были стихи: «Ахъ не мнѣ бѣдному, вѣтру буйному» (изъ тріо съ хоромъ въ эпилогѣ). Либретто писалъ уже Розенъ,—усердный литераторъ изъ нѣмцевъ.

Сочиненіе первой русской оперы шло необыкновенно быстро. Какъ-бы по волшебному дѣйствію вдругъ выяснился планъ всей оперы, явилась мысль противопоставить русской музыкѣ польскую; многія темы и даже подробности разработки,—все это разомъ вспыхнуло въ головѣ. Творчество такъ охватило Глинку, что онъ сочинялъ оперу не въ тиши кабинета, а бывало даже въ дорогѣ, или въ шумномъ кругу пирующихъ друзей, — подъ говоръ и смѣхъ своей семьи. Такъ, въ маѣ 1835 г. Глинка съ женой и тещей отправился въ Новоспасское. Ѣхали на Москву для свиданія съ родственниками жены. Во время пути, гдѣ-то за Новгородомъ, въ

каретѣ вдругъ Глинка сочинилъ въ $^3/_4$ хоръ: «Разгулялася, разсмѣялася вода вешняя по лугамъ». Тріо съ хоромъ: «Ахъ не мнѣ бѣдному...» сочинено подъ шумъ и говоръ 15 человѣкъ, собравшихся на вечернюю пирушку.—Въ это время авторъ былъ безумно влюбленъ. Минута безъ невѣсты казалась ему невыносимой; чувства эти онъ высказалъ въ адажіо: «Не томи родимый», написанное, когда онъ проводилъ первые дни супружеской жизни. Вообще время, когда писалъ Михаилъ Ивановичъ знаменитую оперу, было едва-ли не самое счастливое въ его жизни. Болѣзни, какъ кажется, притихли и не особенно безпокоили его; въ обществѣ всюду его окружали лестнымъ вниманіемъ; наконецъ страстная любовь къ избранной подругѣ жизни, какъ нельзя болѣе, гармонировала съ общимъ настроеніемъ его творческихъ силъ.—Увѣдомляя мать свою о совершеніи брака и благодаря ее за данное на него благословеніе, Глинка пишетъ: «теперь сердце снова ожило, я чувствую, могу молиться, радоваться, плакать, музыка моя воскресла... не знаю, какими словами выразить благодарность за это счастіе».

Либреттисту барону Розену задана была трудная работа. Глинка началъ работать совершенно наизворотъ, — началъ тѣмъ, чѣмъ другіе кончаютъ—увертюрой, которую написалъ на четыре руки для фортепіано съ означеніемъ инструментовки. Въ мартѣ и апрѣлѣ 1835 г. по его плану Розенъ изготовилъ слова перваго и втораго акта. Большая часть не только темъ, но и пьесъ была сдѣлана; Розену надо было поддѣлывать слова подъ музыку, требовавшую иногда самыхъ странныхъ размѣровъ. Но Розенъ былъ на это молодецъ. Композиторъ заказываетъ ему столько-то стиховъ, такого-то размѣра, двух-трехсложнаго, даже небывалаго—ему все равно, черезъ день уже готово. Жуковскій и другіе для шутки говорили, что у барона Розена по карманамъ были разложены впередъ уже заготовленные стихи, и что Глинкѣ стоило сказать какого сорта, т. е., размѣра и сколько стиховъ

нужно, онъ вынималъ столько каждаго сорта, сколько слѣдовало и каждый сортъ изъ особеннаго кармана.

Лѣтомъ 1835 г. въ Новоспасскомъ Михаилъ Ивановичъ работалъ прилежно, уписывалъ въ партитуры готовое, заготовлялъ впередъ. Каждый день утромъ садился за столъ въ большой веселой залѣ новоспасскаго дома; здѣсь же собиралась вся семья—жена, мать, сестры и, чѣмъ женщины живѣй болтали и смѣялись, тѣмъ быстрѣй шла его работа. Погода была прекрасная; часто Глинка работалъ, отворивъ дверь въ садъ и впивая въ себя чистый бальзамическій воздухъ.

Съ переѣздомъ въ Петербургъ работа не прерывалась. Каждое утро композиторъ сидѣлъ за столомъ, исписывая по 6 страницъ мелкой партитуры. По вечерамъ, окруженный семьей и не многими искренними друзьями, онъ мало принималъ участія во всемъ, что происходило вокругъ: онъ весь погрузился въ трудъ. Хотя написано было много, но оставалось еще много соображать, и эти соображенія требовали не малаго вниманія; надо было подогнать такъ, чтобы вышло стройное цѣлое. Сцена Сусанина въ лѣсу съ поляками написана была зимой. Прежде, чѣмъ началъ писать эту сцену, Глинка часто читалъ ее вслухъ и такъ живо переносился въ положеніе своего героя, что у самаго волосы становились дыбомъ и морозъ подиралъ по кожѣ. Нѣкоторыя темы оперы взяты прямо изъ народныхъ пѣсенъ.—Такъ, тема: «Что гадать о свадьбѣ»—передана была творцу оперы однимъ лужскимъ извощикомъ. При сочиненіи начала въ отвѣтахъ Сусанина имѣлась въ виду наша извѣстная разбойничья пѣсня: «Внизъ по матушкѣ по Волгѣ».

Въ великомъ посту 1836 г. мало по малу начались приготовленія къ постановкѣ оперы на сценѣ. Въ закулисномъ мірѣ пронеслась молва, что появился русскій композиторъ Глинка, написавшій большую оперу на сюжетъ—«Иванъ Сусанинъ». Это заинтересовало всѣхъ театральныхъ дѣятелей. Вскорѣ и самъ композиторъ познакомился съ актерами Пет-

ровымъ, Шемаевымъ и другими артистами русской оперы. Вотъ, какъ описываетъ артистка Петрова-Воробьева первое знакомство съ Глинкой: «жду чего то необыкновеннаго, думаю встрѣтить что-то гордое, величественное; воображеніе-то у меня очень разыгралось. Вхожу (къ примадоннѣ Степановой, у которой назначено было это первое знакомство) и вижу господина маленькаго, худенькаго, черненькаго; лицо блѣдное, волосы темные, прямые; сѣрые маленькіе глазки—только въ нихъ мелькаютъ искорки. Я такъ и опѣшила: такая противоположность съ тѣмъ, чего я ожидала, совсѣмъ меня озадачила, и я едва овладѣла собой, чтобы скрыть мое изумленіе».

Кончилось обычное представленіе, Глинка сѣлъ за рояль, пропѣлъ романсъ: «Не о томъ скорблю подруженьки» и сразу совсѣмъ покорилъ артистку. «Голосъ у него былъ небольшой, довольно пріятный, много было чувства и умѣнья; владѣлъ онъ голосомъ чудесно».

При первомъ же знакомствѣ Михаилъ Ивановичъ заявилъ артисткѣ, что онъ врагъ итальянской музыки; онъ слышитъ въ ней на каждомъ шагу фальшь. «Я ото всѣхъ слышу, говорилъ онъ Петровой, что у васъ настоящій контральтъ и что у васъ бездна чувства. Въ виду этого пѣсенку изъ моей оперы, которую я принесъ, прошу васъ пѣть безъ всякаго чувства».

«Это меня нѣсколько изумило, и я сказала ему: Михаилъ Ивановичъ! я бы очень хотѣла исполнить ваше желаніе, но я на сценѣ привыкла давать себѣ ясный отчетъ; прошу объяснить мнѣ, чѣмъ вызывается въ Ванѣ такая безучастность въ этой пѣсенкѣ?».

— «Я это вамъ объясню тѣмъ, былъ отвѣтъ, что Ваня—сиротка, живущій у Сусанина, сидитъ въ избѣ одинъ, за какою-нибудь легкою работою и напѣваетъ про себя пѣсенку, не придавая никакого значенія словамъ».

Изъ этихъ словъ видно, что Глинка отъ пѣсенки Вани хотѣлъ натуры и простоты, а не итальянской мелодрамы.

Театральная дирекція долго не принимала оперы Глинки. Она ссылалась на дороговизну постановки. Однако со всѣхъ сторонъ раздавались похвалы новой оперѣ. Отдѣльные акты ея съ участіемъ артистовъ и хоровъ репетировались въ частныхъ домахъ. Такъ, нѣкоторые хорошіе знакомые устроили оркестровую репетицію перваго акта въ домѣ князя Юсупова. «Оркестръ, хотя плохой, исполнилъ однако же довольно хорошо; управлялъ имъ Іоханнисъ, который впослѣдствіи былъ театральнымъ капельмейстеромъ въ Москвѣ. Хоровъ не исполняли, а кое гдѣ пѣлъ я (говоритъ Глинка), Бартенева и Волковъ. Не смотря на это, эффектъ инструментовки оказался удовлетворительнымъ. Это было великимъ постомъ 1836 г.» Въ сентябрѣ того же года Глинка познакомилъ артистовъ Леонова, Петрова, Степанову и Петрову-Воробьеву съ своей молодой женой и родными.

Участіе артистовъ не обошлось безъ сплетенъ и неудовольствій. Директоръ театра писалъ даже письмо къ Глинкѣ съ выговорами, будто онъ заставляетъ артистовъ пѣть въ комнатахъ, гдѣ слишкомъ накурено табакомъ, и что отъ этого голоса ихъ портятся. Глинка досадовалъ, но продолжалъ разучивать партіи. Въ дѣло вмѣшались, наконецъ, многія вліятельныя лица и убѣдили дирекцію принять оперу. Для просмотра она отдана была Кавосу, театральному дирижеру. Кавосъ оцѣнилъ достоинства новой оперы; у него также была сочинена опера и на тотъ-же сюжетъ—Иванъ Сусанинъ. Однако честный старикъ предпочелъ твореніе молодаго маэстро и явившись къ директору Гедеонову сказалъ, что «Жизнь за Царя» имѣетъ несомнѣнныя достоинства, какъ въ музыкальномъ, такъ и въ драматическомъ отношеніи, и что ее слѣдуетъ принять и немедленно заняться постановкой. Директоръ былъ удивленъ и разсерженъ: онъ никакъ не ожидалъ, чтобы Кавосъ далъ подобный отзывъ, отказался ставить оперу, потому что нѣтъ денегъ на постановку. Кавосъ увѣрялъ, что самая дорогая постановка скоро окупится, опера долго бу-

детъ давать большіе сборы. Споръ затянулся, ни одинъ не уступалъ. Наконецъ директоръ, выйдя изъ терпѣнія, сказалъ:

— «Да что вы такъ хлопочете объ этой оперѣ, вѣдь, у васъ есть ваша опера на тотъ же сюжетъ!»

Кавосъ заявилъ, что, если поставятъ «Жизнь за Царя», онъ свою оперу давать не позволитъ. Директоръ уступилъ. Начались переговоры съ авторомъ, котораго обязывали подпиской не требовать за оперу никакого вознагражденія. Подписка была дана. «Иванъ Сусанинъ» Глинки принятъ.

Весной (1836 г.) начали расписывать партіи артистовъ, которые исподоволь разучивали свои роли, подъ руководствомъ Михаила Ивановича. Онъ чрезвычайно ясно объяснялъ, чегобы хотѣлось ему отъ исполнителей; говорить онъ былъ большой мастеръ и иногда свое желаніе выражалъ въ двухъ-трехъ словахъ, а исполнители, какъ народъ бывалый на сценѣ, ловили на лету его замѣчанія. Осенью спѣвки происходили иногда у него на дому. Пѣли тріо, дуэты и квартетъ; дѣлалось это чисто по семейному. Въ театрѣ разучивались хоры, вывѣрялся оркестръ. Въ первую оркестровую репетицію музыканты играли и слушали музыку очень внимательно. Когда стали играть хоръ гребцовъ, въ которомъ оркестровка струнныхъ инструментовъ натурально изображаетъ игру нѣсколькихъ балалаекъ, артисты пришли въ неописанный восторгъ и, положа смычки, дружно аплодировали автору.

«Признаюсь, говоритъ Глинка, — это одобреніе меня болѣе удовлетворило, нежели всѣ изъявленія удовольствія публики. Надо замѣтить, что я тогда очень мало былъ знакомъ съ музыкантами, исполнявшими мою оперу. Оркестръ былъ хорошъ, но несовсѣмъ: вторыя скрипки были, сравнительно, гораздо плоше первыхъ; альтовъ было мало; контрбасы были не всѣ хороши; изъ духовыхъ тоже не всѣ; валторны были исправны, равно какъ и нѣкоторые вторые изъ другихъ инструментовъ. Между первыми скрипками были хорошіе артисты; 4 или 5 превосходныхъ віолончелистовъ, изъ

духовыхъ, кларнетистъ Бендеръ отличался необыкновенною полнотою звука, а флейтистъ Зусманъ былъ безспорно однимъ изъ лучшихъ, если не лучшій артистъ въ Европѣ».

Въ половинѣ октября начались въ Большомъ театрѣ общія спѣвки, а потомъ репетиціи съ оркестромъ. Артистовъ поражала реальность перваго хора въ интродукціи: спокойно поютъ мужскіе голоса, а бабы, собравшись въ кучку, тараторятъ, какъ трещотки. «Послѣ итальянской музыки, говоритъ Петрова, это было такъ ново и натурально, что у меня отъ восторга даже захватило духъ».

Незадолго до представленія пріѣхалъ изъ Москвы теноръ Леоновъ, поступилъ на театръ; ему дали роль Сабинина. На одну изъ репетицій Леоновъ не могъ явиться по болѣзни. Михаилъ Ивановичъ былъ на сценѣ и говоритъ: «ну, ничего, я за него спою». Начали репетицію; Глинка похаживаетъ по сценѣ да руки потираетъ; наступаетъ выходъ Сабинина. Глинка очень храбро подходитъ къ рампѣ, открываетъ ротъ, чтобы пропѣть первую фразу: «Радость безмѣрная», произнесъ слогъ ра... и остановился. Оркестръ замолкъ. Всѣ смотрятъ на него въ недоумѣніи. Артисты говорятъ ему: «Михаилъ Ивановичъ! что-же вы? продолжайте!»

— «Не могу, оробѣлъ»—конфузливо отвѣчаетъ Глинка.

Всѣ стали его успокоивать, а онъ повторяетъ «не могу... посмотрите и руки похолодѣли, и сердце бьется... Ахъ, чертъ возьми, я и не ожидалъ, чтобы такъ страшно было пѣть на этихъ доскахъ». Смѣялись артисты, смѣялся и самъ композиторъ надъ своей робостью.

Репетиціи шли очень усердно, хотя театръ былъ въ передѣлкѣ и внутри еще не былъ готовъ. Артисты дѣлали репетиціи на сценѣ съ двойнымъ акомпаниментомъ: внизу игралъ оркестръ, а во всѣхъ ложахъ обойщики стучали молотками, обивая бархатомъ ложи и навѣшивая драпри.

Одну изъ репетицій посѣтилъ Императоръ Николай Павловичъ. Молотки смолкли. Прослушавъ дуэтъ Петрова и Во-

робьевой (Es-dur), Государь подошелъ къ Глинкѣ и ласково спросилъ его: доволенъ ли онъ артистами?

— «Въ особенности ревностью и усердіемъ, съ которыми они исполняютъ свою обязанность» —отвѣчалъ Глинка.

Отвѣтъ понравился Государю; онъ передалъ его актерамъ.

При содѣйствіи директора театровъ Глинка получилъ позволеніе посвятить свою оперу Государю Императору, и тогда-то она была названа—«Жизнь за Царя», вмѣсто—«Иванъ Сусанинъ».

Жуковскій, хотя не писалъ для либретто, однако не измѣнилъ внимательному участію въ трудѣ Глинки; онъ объяснялъ машинисту и декоратору Роллеру, какъ устроить эфектно послѣднюю сцену въ Кремлѣ. Вмѣстѣ съ Глинкой ѣздили они въ мастерскую Роллера, Жуковскій внимательно разсматривалъ и распрашивалъ обо всемъ подробно. Успѣхъ вполнѣ увѣнчалъ дѣло; въ послѣдней сценѣ вырѣзанныя изъ картона разнородныя группы отдаленной толпы превосходно обманываютъ зрѣніе и кажутся продолженіемъ оживленной толпы народа, стоящаго на аванъ-сценѣ.

Въ пятницу 27 ноября 1836 г. назначено было первое представленіе оперы: «Жизнь за Царя»—въ Большомъ театрѣ.

Первый актъ прошелъ благополучно. Публикѣ особенно понравились хоръ съ балалайками и тріо: «Не томи родимый». Этому тріо сильно и дружно аплодировали.

Второй актъ былъ принятъ холодно. Въ сценѣ поляковъ, начиная отъ польскаго до мазурки и финальнаго хора, царствовало глубокое молчаніе. Это молчаніе сильно огорчило Михаила Ивановича и привело его въ недоумѣніе. Изъ ложи, которая была у него во второмъ ярусѣ (первый ярусъ—весь былъ занятъ придворными и первыми сановниками съ семействами), онъ пошелъ на сцену. Его напрасно увѣряли, что молчаніе публики происходитъ оттого, что тутъ дѣйствуютъ поляки.

Въ третьемъ актѣ появленіе Воробьевой разсѣяло всѣ сомнѣнія въ успѣхѣ. Пѣснь сироты, дуэтъ Воробьевой съ Пе-

тровымъ, квартетъ произвели совершенный фуроръ;—вообще весь актъ прошелъ съ большимъ успѣхомъ.

Четвертый актъ тоже очень нравился публикѣ, а именно анданте—«Ты взойдешь моя заря» и конецъ во время бури; но чудесные речитативы Сусанина не были поняты. Они шли слишкомъ въ разрѣзъ съ итальянщиной; многіе находили ихъ скучными. Поляковъ играли хористы; въ концѣ сцены, которая происходитъ уже въ лѣсу, они съ такимъ ожесточеніемъ напали на Сусанина (Петрова), что разорвали ему рубашку; артистъ долженъ былъ защищаться не на шутку.

Эпилогъ произвелъ положительный фуроръ, какъ арія Вани: «Ахъ, не мнѣ бѣдному сиротинушкѣ», такъ и финалъ-«Славься». Въ общемъ итогѣ опера имѣла громадный успѣхъ. Принятъ холодно былъ только второй актъ, не смотря на чудесную музыку и безподобную оркестровку. Такая холодность между прочимъ зависѣла отъ дурной, неумѣлой постановки танцевъ. Музыку же публика раскусила только впослѣдствіи.

Великолѣпный спектакль эпилога—ликованіе народа въ Кремлѣ—поразилъ даже самаго творца оперы. Онъ былъ въ какомъ-то чаду и рѣшительно не помнилъ, что происходило, когда опустили занавѣсъ. Какъ прошла первый разъ опера и какой она имѣла успѣхъ,—не могъ также дать въ тотъ день яснаго отчета никто изъ участвовавшихъ артистовъ. Всѣ были взволнованы, всѣ робѣли за себя и за оперу,—были какъ въ туманѣ. Послѣ втораго только представленія артисты поняли, что опера имѣла блестящій успѣхъ.

Лишь только опустили занавѣсъ, Глинку позвали въ боковую императорскую ложу. Государь первый поблагодарилъ автора оперы за его твореніе и замѣтилъ, — не хорошо, что Сусанина убиваютъ на сценѣ. Глинка объяснилъ, что по болѣзни онъ не былъ на пробѣ, а по его программѣ, во время нападенія поляковъ на Сусанина, занавѣсъ долженъ тотчасъ-же опуститься; о смерти Сусанина говоритъ сирота

въ эпилогѣ. Послѣ императора благодарили Михаила Ивановича императрица Александра Ѳедоровна, а потомъ великіе князья и великая княжна Марія Николаевна.

28 ноября Глинка писалъ своей матери: «милая и безцѣнная маменька! Вчерашній вечеръ совершились наконецъ желанія мои, и долгій трудъ мой былъ увѣнчанъ самымъ блистательнымъ успѣхомъ. Публика приняла мою оперу съ необыкновеннымъ энтузіазмомъ; актеры выходили изъ себя отъ рвенія».—«Еще до представленія оперы, пишетъ онъ въ запискахъ, Кукольникъ помогъ мнѣ продать собственность оперы Снегиреву; продажа въ особенности сначала шла чрезвычайно успѣшно и я получилъ нѣкоторую выгоду».

Не смотря на блистательный успѣхъ оперы, нашлись однако зоилы. Булгаринъ въ «Сѣверной Пчелѣ» напечаталъ двѣ длинныя статьи, которыя выказали одно невѣжество ихъ автора въ музыкѣ. Статьи эти носили заглавіе: Мнѣніе о новой русской оперѣ: «Жизнь за Царя». Авторъ прикрывается эпиграфомъ изъ Грибоѣдова: «Зачѣмъ же мнѣнія чужія только святы!»—заявляетъ, что «Сѣверная Пчела» имѣетъ и собственное мнѣніе, затѣмъ нападаетъ на выраженія Одоевскаго, который сказалъ: «Глинка открылъ новый періодъ и влилъ новую стихію въ музыку». Зоилъ возражаетъ: «въ музыкѣ не можетъ быть никакой новой стихіи и въ ней не возможно открыть ничего новаго. Все существуетъ. Берите и пользуйтесь!» Зоилъ, выразившій эти великія истины, былъ извѣстный въ то время Ѳадей Булгаринъ.—Нѣкоторые изъ аристократовъ, говоря объ оперѣ Глинки, выражались съ презрѣніемъ: «C'est la musique des cochers» («Это хорошо и даже вѣрно, ибо кучера по моему дѣльнѣе господъ»—примѣчаніе самаго Глинки въ его запискахъ противъ послѣдняго выраженія).

Опера шла однако все лучше и лучше; театръ усердно посѣщали; въ домахъ, гдѣ мало-мальски пѣли, навѣрное можно было встрѣтить печатныя пьесы изъ новой оперы.

«Послѣ шести представленій, писалъ Глинка матери отъ 11 декабря 1836 г.—я рѣшительно могу сказать, что успѣхъ далеко превзошелъ всѣ мои ожиданія, и опера моя все болѣе и болѣе нравится публикѣ. Не стану описывать всѣхъ подробностей перваго представленія, ни моихъ чувствъ. Я теперь вполнѣ вознагражденъ за всѣ труды и старанія, и если еще не во всѣхъ намѣреніяхъ успѣлъ, то надѣюсь, что не замедлю осуществить и прочія мои намѣренія. Выгоды, полученныя мною до сихъ поръ отъ моего труда, суть слѣдующія: а) монаршее благоволеніе и прелестный подарокъ за поднесеніе оперы: перстень, полученный мною, состоитъ изъ топаза, окруженнаго крупными, отличной воды, брилліантами и цѣнится отъ 3500 до 4000 рублей; б) слава. Всѣми единодушно я признанъ первымъ композиторомъ въ Россіи, а по мнѣнію знатоковъ ни въ чемъ не ниже лучшихъ композиторовъ».

Въ честь Глинки на одномъ изъ дружескихъ вечеровъ въ декабрѣ 1836 года сочинены были стихи, которые и были напечатаны въ томъ же году. Вотъ, текстъ и заглавіе этого шутливаго произведенія:

„Канонъ, слова Пушкина, Жуковскаго, князя Вяземскаго и гр. Вельегорскаго, музыка кн. В. Ѳ. Одоевскаго и М. И. Глинки". Музыка положена на четыре голоса.

Пушкинъ: Пой въ восторгѣ русскій хоръ
Вышла новая новинка.
Веселися Русь! нашъ Глинка—
Ужъ не Глинка, ужъ не Глинка, а фарфоръ!

***

Кн. Вяземскій: За прекрасную новинку
Славить будетъ гласъ молвы
Нашего Орфея—Глинку—
Отъ Неглинной, отъ Неглинной—до Невы!

***

Жуковскій: Въ честь толь славныя новинки
Грянь труба и барабанъ!
Выпьемъ за здоровье Глинки
Мы Глитвейну, Глитвейну—стаканъ!

***

Гр. Вельегорскій: Слушая сію новинку,
Зависть, злобой омрачась,
Пусть скрежещетъ, но ужъ Глинку
Затоптать, топтать, топтать не можетъ въ грязь!

***

Пушкинъ: Пой въ восторгѣ русскій хоръ
Вышла новая новинка!
Веселися Русь! нашъ Глинка—
Ужъ не Глинка, ужъ не Глинка, а фарфоръ!

Черезъ годъ Глинка прибавилъ въ оперѣ еще одну сцену для Вани. Въ воспоминаніяхъ г-жи Петровой-Воробьевой объ этомъ читаемъ слѣдующее: «Осипа Афанасьевича (мужа Петровой) очень озабочивала мысль, что ему дать въ бенефисъ, назначенный 18 октября (1837 г.). Въ тѣ времена ассюрированныхъ бенефисовъ не было, а каждый артистъ долженъ былъ самъ заботиться о составленіи спектакля. Мы пришли къ мысли: не согласится-ли Глинка прибавить къ своей оперѣ еще одну сцену для Вани. Въ 3-мъ актѣ Сусанинъ посылаетъ Ваню на барскій дворъ, такъ нельзя-ли прибавить, какъ Ваня прибѣгаетъ туда? Мужъ сейчасъ-же отправился къ Н. В. Кукольнику разсказать о нашей идеѣ. Кукольникъ выслушалъ очень внимательно, да и говоритъ: «приходи братецъ, вечеркомъ; Миша у меня сегодня будетъ, и мы потолкуемъ».

«Въ 8-мъ часу вечера Осипъ Афанасьевичъ отправился туда. Входитъ и видитъ, что Глинка сидитъ за роялемъ и что то напѣваетъ, а Кукольникъ расхаживаетъ по комнатѣ и что-то бормочетъ. Оказывается, что у Кукольника уже сдѣланъ планъ новой сцены, слова почти готовы, а у Глинки разыгрывается фантазія. Оба они съ удовольствіемъ ухватились за эту идею и обнадежили Осипа Афанасьевича, что къ 18 октября сцена будетъ готова. На другой день, часовъ въ 9 утра, раздается сильный звонокъ; ну,—думаю,—кто это такъ рано пришелъ? Вдругъ кто-то стучитъ въ дверь моей комнаты, и слышу голосъ Глинки:

— «Барынька, вставайте скорѣй, я новую арію принесъ!»

«Выхожу, а Глинка ужъ сидитъ за роялемъ и показываетъ Осипу Афанасьевичу новую сцену. Можно вообразить мое удивленіе, когда я услыхала ее и убѣдилась, что сцена почти совсѣмъ готова, т. е. всѣ речитативы, анданте и аллегро. Я просто остолбенѣла. Когда успѣлъ онъ ее написать? Вчера только о ней и рѣчь то зашла! Ну, Михаилъ Ивановичъ,—говорю я, да вы просто колдунъ. А онъ только самодовольно улыбается, да говоритъ мнѣ:

— «Я, барыня, принесъ вамъ черновую, чтобы вы попробовали по голосу-ли и ловко-ли написано».

«Я пропѣла и нашла, что ловко и по голосу. 18 октября шла опера «Жизнь за Царя» съ добавочною сценой, которая имѣла громадный успѣхъ; много вызывали автора и исполнительницу».

VII.

Педагогическія занятія. Успѣхи въ обществѣ.

Вскорѣ послѣ блистательнаго успѣха оперы «Жизнь за Царя» Глинка опредѣленъ былъ капельмейстеромъ придворной пѣвческой капеллы. «Милости Царя нашего, писалъ онъ своей матери 2 января 1837 г., не ограничились однимъ перстнемъ; на сихъ дняхъ, по представленію министра двора, мнѣ поручена музыкальная часть въ пѣвческомъ корпусѣ. Его Императорское Величество самъ лично, въ продолжительной со мной бесѣдѣ, ввѣрилъ мнѣ своихъ пѣвчихъ».

Въ концѣ 1836 г. скончался директоръ придворныхъ пѣвчихъ Ѳ. П. Львовъ. Волконскіе, искренно расположенные къ Глинкѣ, воспользовались этимъ обстоятельствомъ, чтобы пристроить Михаила Ивановича, соотвѣтственно его способностямъ. Они ясно видѣли, что кромѣ другихъ выгодъ, соединенныхъ съ званіемъ капельмейстера пѣвческаго корпуса, не лишни были и матеріяльныя пособія: окладъ и казенная квартира съ дровами. Объ этомъ назначеніи объявлено было Глинкѣ отъ министра двора чрезъ управляющаго канцеляріей. Глинка распросилъ, въ чемъ будутъ состоять его обязанности, узналъ, что онъ долженъ будетъ заниматься только му-

зыкальной частью, и изъявилъ свое согласіе. Въ тотъ же вечеръ въ театрѣ за кулисами Государь, увидя Глинку на сценѣ, подошелъ къ нему и сказалъ: «Глинка, я имѣю къ тебѣ просьбу, и надѣюсь что ты не откажешь мнѣ. Мои пѣвчіе извѣстны во всей Европѣ и, слѣдственно, стоятъ, чтобы ты занялся ими. Только прошу, чтобы они не были у тебя итальянцами.»

«Эти ласковыя слова привели меня, говоритъ Глинка, въ столь пріятное замѣшательство, что я отвѣчалъ Государю только нѣсколькими почтительными поклонами.»

Вскорѣ новый директоръ, А. Ѳ. Львовъ сдѣлалъ пѣвчимъ экзаменъ; многіе изъ большихъ пѣвчихъ—теноровъ и басовъ—оказались весьма плохими, такъ что хотѣли—было нѣкоторыхъ исключить. Но Глинка взялся учить ихъ музыкѣ—чтенію нотъ и исправленію интонаціи. Способъ преподаванія состоялъ въ разборѣ скалы, означенія полутоновъ, слѣдовательно, въ изысканіи причины употребленія знаковъ повышенія и пониженія. Потомъ учитель писалъ на доскѣ двухъголосныя короткія задачи, заставлялъ сперва сдѣлать разборъ, потомъ спѣть одну, далѣе разобрать и спѣть другую партію, потомъ всѣ вмѣстѣ; этотъ способъ развивалъ слухъ учениковъ и содѣйствовалъ вывѣркѣ ихъ голосовъ.

Когда Глинка явился на первую лекцію съ мѣломъ въ рукѣ, мало нашлось охотниковъ учиться; большая часть взрослыхъ пѣвчихъ стояла поодаль, съ недовѣрчивымъ видомъ смотрѣли они на затѣи новаго учителя, иные даже усмѣхались. Усердіе и ловкость преподавателя скоро преодолѣли недовѣріе учащихся, которое замѣнилось полнымъ сочувствіемъ. Послѣ нѣсколькихъ уроковъ всѣ почти большіе пѣвчіе приходили на лекціи Михаила Ивановича, забывая иной разъ даже о своихъ частныхъ или казенныхъ урокахъ. Глинка, стало быть, не только заслужилъ славу, какъ великій музыкальный художникъ, но и обладалъ даромъ сообщать другимъ предметъ своихъ знаній. Успѣхи ученія не могли оставаться безъ ре-

зультата, такъ какъ учитель къ умѣнью присоединялъ еще и любовь къ своему дѣлу. «Мои занятія, говоритъ Глинка, съ пѣвчими шли весьма успѣшно, и я видѣлъ быстрые успѣхи учениковъ моихъ, которые уже начали разбирать ноты довольно свободно. Я этимъ не ограничился и желалъ испытать силы въ церковной музыкѣ; написалъ «Херувимскую» C-dur и принялся за фугу съ текстомъ, но безъ успѣха. Сблизился я также съ профессоромъ театральнаго училища, Солива; для него приказалъ разучить двухъ-хорную фугу Сарти, которую произвели успѣшно. Хотя помощникъ учителя пѣнія, Д. Н. Палагинъ, бойко разумѣлъ свое дѣло, въ особенности отлично умѣлъ управляться съ малолѣтними—дискантами и альтами, однако же изъ усердія къ службѣ я часто присутствовалъ при классахъ.»

Въ концѣ лѣта 1837 г. Глинка получилъ порученіе учить пѣнію въ театральномъ училищѣ четырехъ воспитанницъ. Онъ говоритъ: «Время, проведенное мною съ этими милыми полудѣтьми, принадлежитъ, можетъ быть, къ самому лучшему въ моей жизни; ихъ рѣзвая болтовня, звонкій, искренній смѣхъ, самая простота скромнаго наряда, которому онѣ умѣли придавать особенную прелесть, все это было для меня ново и увлекательно.» Въ школѣ Глинка иногда игралъ и пѣлъ; его слушали жадно и приходили въ восторгъ не только его ученицы, но и другія воспитанницы, даже малолѣтнія дѣвочки высыпали къ дверямъ и, не переводя дыханія, слушали его пѣніе. Когда онъ приходилъ въ школу, малютки эти, одна за другой, забѣгали впередъ, дѣлали книксенъ и весело говорили: «здравствуйте, мосье Глинка!» Видно, что и на дѣтей Михаилъ Ивановичъ имѣлъ обаятельное вліяніе своей художественной натурой.—Въ то-же время онъ приготовлялъ для сцены тенора Нестерова и училъ пѣнію для русской же сцены пѣвицу Соловьеву.

Занятія въ театральной школѣ продолжались не долго; они прекратились на масляной недѣлѣ 1838 г. по недоразу-

мѣнію съ дирекціей. Для одной изъ ученицъ Глинка написалъ романсъ «Сомнѣніе» для контральта, арфы и скрипки на слова Кукольника; этотъ романсъ и въ то время, и послѣ, имѣлъ необыкновенный успѣхъ и извѣстность.

Блестящій успѣхъ «Жизни за Царя» невольно заставилъ Глинку расширить кругъ своего знакомства въ петербургскомъ обществѣ. Всѣхъ привлекали къ нему прекрасный его талантъ, какъ исполнителя, и художественная натура. Онъ постоянно былъ окруженъ музыкальной атмосферой; въ петербургскомъ обществѣ для него наступила такая-же эпоха моды и славы, какая была въ тоже самое время въ Парижѣ для Листа и Шопена. Онъ былъ драгоцѣнный, желанный гость всѣхъ салоновъ, всѣхъ собраній. Его пѣніе, его исполненіе были лучшимъ украшеніемъ всѣхъ вечеровъ. Онъ былъ центромъ всего, что совершалось тогда въ петербургской музыкальной жизни. Въ началѣ 1839 г. онъ писалъ своей матери: «отъ Рождества до первой недѣли поста жизнь моя походила на существованіе почтовой разгонной лошади: служба, балы, обѣды, ужины и концерты не только отнимали у меня все свободное время, но часто лишали возможности успокоить себя нужнымъ отдохновеніемъ ночью». Служба налагала на Глинку обязанность часто находиться при богослуженіи въ придворной церкви, въ присутствіи Императорской фамиліи, на большихъ и малыхъ выходахъ въ Зимнемъ дворцѣ; иногда его приглашали на музыкальные вечера къ государынѣ Александрѣ Ѳедоровнѣ, гдѣ онъ пѣлъ и игралъ на фортепіано.

Среди такой разнообразной впечатлѣніями жизни Глинка не переставалъ сочинять. Послѣ «Жизни за Царя» на сценѣ была поставлена фантазія «Ночной Смотръ». Жуковскій далъ ее самъ Глинкѣ въ концѣ зимы 1836—37 г. вскорѣ, какъ она была написана, «и, говоритъ Глинка, къ вечеру она уже была готова,—я пѣлъ ее у себя въ присутствіи Жуковскаго и Пушкина. Матушка была еще у насъ,

и искренно радовалась видѣть у меня такихъ избранныхъ гостей...» Въ великомъ посту 1837 г., по просьбѣ смоленскаго дворянства, онъ написалъ польскій съ хоромъ для бала, который предполагало дать смоленское дворянство по случаю проѣзда императора Александра II (тогда цесаревича). Въ томъ же году, кромѣ прибавочной сцены къ оп. «Жизнь за Царя», написаны два романса: «Гдѣ наша роза» и «Ночной Зефиръ»—слова Пушкина.

Въ 1837—38 годахъ на патріотическихъ концертахъ исполнялись разныя пьесы Глинки, отрывки изъ его оперы; на одномъ изъ нихъ Государь сказалъ: «Глинка великій мастеръ; жаль, если онъ при одной этой оперѣ останется». Въ письмѣ къ своей матери отъ 14 декабря 1837 г. Михаилъ Ивановичъ пишетъ: «вчерашній день прибылъ сюда Государь Императоръ, и вечеромъ я имѣлъ счастіе видѣть его въ театрѣ на сценѣ; примѣтивъ меня, Государь подошелъ ко мнѣ и, обнявъ одною рукою, вывелъ меня изъ толпы, въ которой я стоялъ, и потомъ весьма долго изволилъ со мной бесѣдовать о пѣвческомъ корпусѣ, о пѣвцахъ, обѣщалъ посѣтить театръ, когда будутъ давать мою оперу, чтобы слышать новую сцену, распрашивалъ также о вновь начатой мною оперѣ. Нѣтъ словъ выразить вамъ, какъ мнѣ драгоцѣнно это милостивое вниманіе нашего добраго Государя».

Въ концѣ апрѣля 1838 г. Высочайше повелѣно было Глинкѣ отправиться въ Малороссію для набора пѣвчихъ. Съ нимъ были еще три помощника отъ пѣвческаго корпуса и въ качествѣ камердинера Яковъ (его собственный слуга). Для путешествія дали казенные экипажи и прогонныя деньги, а также необходимыя суммы на другіе расходы. На самое короткое время заѣхали въ смоленскую губернію; тамъ встрѣтился Римскій-Корсаковъ, который по просьбѣ Глинки сочинилъ ему романсъ: «Всегда, вездѣ со мною ты спутницей моей незримой». Музыка на этотъ романсъ изготовлена была черезъ нѣсколько недѣль въ Новгородѣ-Сѣверскомъ и

послана Глинкой въ письмѣ къ Н. Кукольнику для доставленія бывшей его ученицѣ театральнаго училища, о которой у него сохранилось еще живое воспоминаніе. Впослѣдствіи къ музыкѣ романса подобраны были слова Пушкина: «Въ крови горитъ огонь желанья», лучше выражавшія страстность музыки этого романса.

Первый опытъ выбора пѣвчихъ сдѣлали въ Черниговѣ. Выборъ былъ чрезвычайно тщательный. Глинка и его помощники заходили въ классы семинаріи, гдѣ учились дѣти такого возраста, какой имъ былъ нуженъ. Сначала выбирали всѣхъ имѣвшихъ музыкальный слухъ и голосъ, потомъ лучшихъ изъ нихъ; изъ 40 мальчиковъ отобрали 8; этихъ брали на свою квартиру, обходились съ ними, какъ можно ласковѣй, поили чаемъ и, побѣдивъ такимъ обращеніемъ робость, естественную въ дѣтяхъ, принимались нѣсколько разъ за настоящую пробу ихъ слуха и голоса. Одинъ изъ помощниковъ, Палагинъ, игралъ на скрипкѣ, дѣтей же заставляли слѣдить за игрой. Нѣкоторые мальчики одарены были такимъ тонкимъ слухомъ, что слѣдили за всевозможными интервалами, даже за музыкальной чепухой, которую нарочно производилъ Палагинъ, чтобы сбить съ толку дѣтей.

Центромъ своихъ операцій Глинка избралъ помѣстье одного своего знакомаго, помѣщика черниговской г., Г. С. Тарновскаго—Каченовку. Сюда направился онъ и его спутники вмѣстѣ съ дѣтьми, выбранными въ Черниговѣ. Издали Каченовка, казалось, говорила въ пользу владѣльца. На возвышеніи виднѣлся большой каменный домъ, вокругъ него прелестно былъ раскинутъ огромный садъ съ прудами и вѣковыми дубами, ясенями, кленами; къ помѣстью вели съ разныхъ сторонъ стройныя аллеи изъ пирамидальныхъ тополей. При ближайшемъ, однако, знакомствѣ съ хозяиномъ и его жилищемъ первыя впечатлѣнія чего-то великаго, прекраснаго замѣтно уменьшались. Домъ былъ какъ-будто не доконченъ, дорожки въ саду не додѣланы. Эта неоконченность выказы-

вала излишнюю расчетливость хозяина, не смотря на то, что у него не было дѣтей, но были большіе капиталы и 9000 душъ крѣпостныхъ. У владѣльца была одна хорошая черта, свойственная многимъ помѣщикамъ того времени—радушіе. Самому Тарновскому было лѣтъ подъ 50, онъ былъ смуглъ и сухъ, числился гдѣ-то на службѣ. Его жена приземистая, весьма толстая женщина, отличалась молчаливостью и любила, чтобъ дѣвки растирали ей ноги. Въ домѣ жили и воспитывались племянницы хозяевъ—молодыя, добрыя и привѣтливыя дѣвушки, находившіяся подъ вѣдѣніемъ гувернантки, весьма милой особы. Тетушка, какъ почти всѣ сосредоточенныя въ молчаніи особы, была также очень строгая воспитательница; отъ ней нерѣдко доставалось племянницамъ и за то, если онѣ за обѣдомъ дозволяли себѣ смотрѣть на мущинъ. Изъ лицъ интеллигентныхъ былъ еще въ помѣстьѣ домашній докторъ. Во все время пребыванія петербургскихъ гостей въ Каченовкѣ, въ ней находился подъ гостепріимнымъ кровомъ талантливый художникъ и пріятный молодой человѣкъ Штернбергъ. Не смотря на расчетливость, хозяинъ радушно принималъ гостей и разнообразилъ по возможности удовольствія. Несомнѣнно, что и нашихъ петербургскихъ гостей приняли съ полнымъ радушіемъ, хотя внѣшняя недодѣланность помѣстья проглядывала и въ дальнѣйшей житейской обстановкѣ. За обѣдомъ подавали нѣсколько блюдъ, но поваръ, вѣроятно, былъ недоученъ. Былъ у владѣльца Каченовки не дурной оркестръ, но не полный, духовые инструменты въ немъ не всѣ были исправны. Даже управляющій оркестромъ, онъ-же первый скрипачъ, Михайло Калинычъ былъ нѣсколько тугъ на ухо.

Михаилу Ивановичу съ помощниками отведено было помѣщеніе въ оранжереѣ, примыкавшей къ дому. Отдохнувъ немного, Глинка съ помощниками поѣхалъ въ Переяславль; тамъ находился хоръ пѣвчихъ полтавскаго архіерея Гедеона. Расчитывали попасть къ обѣднѣ въ воскресенье, а пріѣхали въ субботу вечеромъ. Переяславльскій городничій

ждалъ чиновника по слѣдственному дѣлу, «неоднократно пытался добиться до меня, пишетъ Глинка, и старался узнать, кто я и зачѣмъ посланъ, но не успѣлъ въ своемъ намѣреніи; Яковъ, по моему приказанію, отвѣчалъ только: «не смѣю безпокоить ихъ высокоблагородіе.» На другой день Палагинъ и Шеиновъ (помощники отъ пѣвческаго корпуса) пошли къ обѣднѣ, назвались купцами—охотниками церковнаго пѣнія—замѣтили лучшихъ малолѣтнихъ пѣвчихъ, узнали и записали имена ихъ и даже присутствовали на завтракѣ у архіерея и еще слышали его пѣвчихъ. Я же, вставши попозже, остался дома и началъ пить чай; тогда позволилъ допустить къ себѣ переяславльскаго городничаго. Онъ началъ рекомендоваться съ комически-жалкою миною, низко кланяясь, и ни за что не хотѣлъ сѣсть, хотя я очень о томъ упрашивалъ.»

Михаилъ Ивановичъ спросилъ городничаго, за кого тотъ признаетъ его? Городничій смѣшался еще болѣе. Когда ему было объявлено, кто передъ нимъ и зачѣмъ пріѣхалъ, струхнувшій начальникъ обрадовался, тотчасъ-же сѣлъ, принялся за чаепитіе и увѣрялъ, что онъ готовъ содѣйствовать цѣли путешественника, что онъ враждуетъ съ Гедеономъ и т. д. Однако и безъ городничаго хоръ такъ безжалостно былъ обобранъ, что долго потомъ Гедеонъ жаловался своимъ знакомымъ на Глинку.

Изъ Переяславля ѣздили еще въ Полтаву, Харьковъ и Ахтырку, были и въ Кіевѣ, откуда вывезли Гулакъ-Артемовскаго; послѣдняго очень любили товарищи; когда выѣзжали изъ Кіева, они провожали Артемовскаго съ плачемъ. Всѣхъ набранныхъ было 19 мальчиковъ и 2 большихъ, кромѣ Гулака. Послѣ этого путешествія возвратились въ Каченовку, гдѣ Глинка со всѣми своими спутниками долго загостился. Мальчиковъ учили пѣнію, и хозяинъ былъ очень радъ, что съ его хоромъ въ церкви поютъ придворные пѣвчіе. Взрослые гости развлекались разнообразными удовольствіями. Устраивались прогулки, поѣздки въ ближайшія помѣстья хозя-

ина; затѣвались иллюминаціи. Когда съѣзжались въ Каченовку сосѣди-помѣщики,—танцевали, и самъ хозяинъ для поощренія гостей принималъ въ танцахъ участіе, выдѣлывая съ необыкновеннымъ усердіемъ фигуры въ гроссфатерѣ. Пѣли малороссійскія пѣсни; сосѣдъ по имѣнію Скоропадскій, любитель музыки, удачно подражалъ чумакамъ, затягивая какую нибудь чумацкую пѣсню. Играли не дурно антракты Эгмонда» — Бетховена, добрались и до сочиненій Глинки. «Въ портфелѣ моемъ, говоритъ онъ, нашлись два номера, приготовленные для «Руслана»—Персидскій хоръ: «Ложится въ полѣ мракъ ночной» и маршъ Черномора; обѣ эти пьесы я слышалъ въ первый разъ въ Каченовкѣ; онѣ были хорошо исполнены; въ маршѣ Черномора колокольчики замѣнили мы рюмками, на которыхъ чрезвычайно ловко игралъ Д. Н. Палагинъ.»

Въ Каченовкѣ Глинка положилъ на оркестръ элегію «Шуми, шуми,» музыка Геништы; Артемовскій хорошо пѣлъ эту элегію. Марковичъ, сосѣдъ Тарновскихъ, помогъ Глинкѣ въ балладѣ Финна, сократилъ ее и поддѣлалъ нѣсколько стиховъ для округленія пьесы. Балладу эту Глинка пѣлъ не однократно съ оркестромъ. Гостилъ еще въ Каченовкѣ Забѣлло, малороссійскій поэтъ. Глинка тогда же переложилъ на музыку двѣ малороссійскія пѣсни Забѣлло: «Гуде витеръ» и «Не щебечи соловейко». Забѣлло необыкновенно ловко умѣлъ представлять слѣпцовъ. Разъ отъ этого представленія Калинычъ пришелъ въ такой восторгъ, что вскрикнулъ: «это, сударь мой, волшебство, совершенный антикъ.»

Хозяинъ былъ чрезвычайно аккуратенъ, всѣ удовольствія оканчивалъ до полуночи, вѣжливо раскланивался, и гости должны были расходиться. Гости продолжали однако удовольствія по собственному почину. Въ оранжерею къ Глинкѣ собирались Скоропадскій, Забѣлло, Марковичъ и Штернбергъ; являлись Палагинъ со скрипкой, Яковъ съ контрбасомъ и віолончелистъ. Пѣли пѣсни, представляли въ ли-

цахъ и бесѣдовали по-дружески иной разъ до четырехъ часовъ утра, а хозяинъ слегка досадовалъ. Въ память каченовскаго житья Штернбергъ сдѣлалъ Глинкѣ эскизъ масляными красками. Эскизъ изображалъ сцену игры въ кошку и мышку, которой гости нерѣдко забавлялись, наблюдая, какъ одинъ дворовый мальчикъ съ завязанными глазами стегалъ другаго мальчугана въ такомъ же положеніи. На полотнѣ изображены были и портреты нѣкоторыхъ зрителей забавной сцены.

Пока строили крытыя телѣги и готовили приличную одежду для пѣвчихъ, Глинка ѣздилъ на ярмарку въ Ромны, гдѣ едва не утонулъ въ грязи; четыре сильныя лошади Тарновскаго едва вытащили его изъ грязной рѣки, разлившейся на главной улицѣ города. Возвращеніе путешественниковъ до Москвы похоже было на тріумфальное шествіе. Распростившись съ Глинкою въ Каченовкѣ, хозяинъ ловко объѣхалъ и въ нѣсколькихъ верстахъ въ огромной дубовой рощѣ еще разъ встрѣтилъ отъѣзжавшихъ гостей; выпили прощальный бокалъ шампанскаго. Остановились въ имѣніи Скоропадскаго, который угощалъ съ такимъ радушіемъ, что, по отъѣздѣ путешественниковъ, не осталось ни одной капли питей и ни одной домашней птицы. Въ Орлѣ особенно радушно угощалъ тамошній вице-губернаторъ, а генералъ Красовскій полюбилъ Глинку и снабдилъ превосходнымъ виномъ изъ своего погреба.

Набранные пѣвчіе дорогою переболѣли глазами. Когда они поправились, было представленіе Государю. Въ Знаменной залѣ, подлѣ кабинета Государя, пѣвчихъ расположили полукругомъ; въ центрѣ стоялъ Михаилъ Ивановичъ въ мундирѣ, со шпагой и треугольной шляпой въ лѣвой рукѣ, съ камертономъ въ правой. Императоръ весело встрѣтилъ Глинку словами: «Ахъ, какіе молодцы! Гдѣ ты ихъ подобралъ себѣ подъ ростъ?» Далѣе спросилъ, что пѣвчіе знаютъ?— «Они знаютъ все, требуемое по службѣ», смѣло отвѣтилъ Глинка. Государь проэгзаменовалъ пѣвчихъ, начавъ съ «Спаси Господи», и остался видимо доволенъ. «Этимъ, пишетъ Глин-

ка, не ограничилось изъявленіе монаршаго благоволенія ко мнѣ. Однажды, увидѣвъ меня на сценѣ, Государь подошелъ ко мнѣ и, обнявъ меня правой рукой, прошелъ, разговаривая со мною, нѣсколько разъ по сценѣ Большаго театра въ присутствіи многихъ, находившихся тогда на сценѣ, и, между прочими, министра Двора, который мнѣ въ поясъ поклонился». Словомъ порученіе было исполнено такъ блистательно, что Глинкѣ назначено было въ 1839 году вновь ѣхать въ Малороссію для новаго набора. Назначеніе это не было выполнено по случаю оставленія службы. Весной 1838 г. Глинка заболѣлъ отъ нервнаго раздраженія. Во время болѣзни директоръ Львовъ, навѣщая больнаго, читалъ ему наставленія о нерадѣніи къ службѣ, правда, въ самыхъ вѣжливыхъ выраженіяхъ. «Я молчалъ, говоритъ Глинка, но по выздоровленіи началъ посѣщать пѣвчихъ рѣже прежняго». Въ слѣдующемъ году онъ объявилъ директору, что болѣе служить не въ силахъ. Львовъ убѣдилъ остаться еще на полтора мѣсяца, чтобы дослужить до слѣдующаго чина. 18 декабря 1839 г. получено увольненіе отъ службы съ чиномъ коллежскаго ассессора.

VIII.

Семейныя неудачи.

Достигнувъ апогея своей славы, Михаилъ Ивановичъ въ то же время долженъ былъ испытать всю горечь семейныхъ неудачъ. Съ нимъ случилось тоже, что и со многими великими людьми. Ему не довелось свою славу и успѣхи въ обществѣ раздѣлить съ тихими радостями семейнаго очага. Весь семейный разладъ произошелъ оттого, что мужъ и жена глубоко разнились, какъ по характеру, такъ и по воспитанію, и общественнымъ стремленіямъ.—Мы уже говорили, что лѣтомъ 1834 г. Михаилъ Ивановичъ собирался вторично направиться въ Берлинъ. «Прибывъ въ Петербургъ, пишетъ онъ, я остановился у А. С. Стунѣева (родственника мужа Марьи Ивановны, сестры Глинки); у него же остановилась и матушка съ сестрой. Первыя, попавшіяся мнѣ по пріѣздѣ, лица были Луиза, которая чесала волосы миловидной дѣвушкѣ. Это была Марья Петровна Иванова, сестра Софьи Петровны, жены А. Стунѣева. Въ Берлинѣ сестра Nathalie и зять говорили, что покойный отецъ иногда въ шутку называлъ ее своей невѣсткой. Нечувствительно я началъ увлекаться миловидностью и нѣкоторой врожденной граціей Марьи Петровны и не спѣшилъ отъѣздомъ, хотя матушка купила мнѣ карету для избѣжанія

осенней сырости въ пути. Нѣмка приревновала меня къ Марьѣ Петровнѣ и все утверждала, что я кончу тѣмъ, что женюсь на ней».

Когда выпалъ снѣгъ и установился санный путь, рѣшено было остаться въ Петербургѣ. Луизу къ крайней ея досадѣ отправили въ Берлинъ; на дорогу она во всемъ Петербургѣ не могла отыскать себѣ башмаковъ; всѣ были малы для ея огромной ноги.—А. Стунѣевъ страстно любилъ музыку. Марья Петровна очень часто гостила у своей сестры. «Когда, бывало, продолжаетъ Глинка, А. Стунѣевъ сядетъ въ свободный часъ за фортепьяно и возьмется за романсы, то и начнетъ пѣть одинъ за другимъ по порядку, не пропуская ни одного куплета, хотя бы ихъ было множество. Мы съ Марьей Петровной пользовались его увлеченіемъ и усердно шушукали, сидя на софѣ, между тѣмъ Стунѣевъ приходилъ болѣе и болѣе въ восторгъ. Я признаюсь въ плутовствѣ своемъ, хотя онъ пѣлъ нещадно въ носъ и выговаривалъ слова топорнымъ образомъ, я не только поощрялъ его къ пѣнію, но даже и разучивалъ съ нимъ новые романсы... Я началъ учить пѣть Марью Петровну, которая, не зная нотъ, пѣла впослѣдствіи довольно вѣрно и мило небольшіе романсы». Глинка сочинилъ романсъ для Марьи Петровны — «Только узналъ я тебя». Склонность къ ней постепенно увеличивалась и перешла наконецъ въ страстную любовь. Послѣ годовщины по отцѣ, влюбленный написалъ письмо къ матери съ просьбой о благословеніи на женитьбу, получилъ согласіе, и Марья Петровна стала невѣстой композитора, которому минута безъ ней казалась уже не выносимой. Въ концѣ апрѣля 1835 г. происходило вѣнчаніе, а въ первой половинѣ мая супруги отправились въ Новоспасское, гдѣ съ такимъ жаромъ Михаилъ Ивановичъ принялся за первую свою оперу. Семейное счастіе продолжалось не долго.

«Въ августѣ (1835 г.) мы съ женою и тещей отправились обратно въ Петербургъ, гдѣ въ скоромъ времени я съ

женою поселился на Конной площади въ особенномъ, нами одними занимаемомъ домѣ. Вскорѣ къ намъ перебралась и теща.—А. Стунѣевъ не одобрялъ этого и не разъ говорилъ мнѣ: «Ей, Michel, не бери тещи въ домъ». Отчасти по самонадѣянности, отчасти по свойственной художнику лѣни заниматься хозяйственными дрязгами, а также изъ угожденія къ женѣ, я впустилъ въ мое семейство бѣдовую тещу. Не смотря на это, все шло хорошо, и такъ хорошо, что пріятель мой, Степановъ, нерѣдко навѣщавшій насъ, сказалъ мнѣ однажды:

— Душа радуется, видя твое счастіе; поздравляю тебя.

«Искреннее скажу спасибо, отвѣчалъ я, когда ты черезъ десять лѣтъ поздравишь меня».

Весной (1836 г.) жена съ тещей переѣхала въ Петергофъ, гдѣ поселилась съ женатымъ братомъ своимъ Н. П. Послѣ Венеціи я съ трудомъ переносилъ вліяніе морскаго воздуха, а потому рѣдко навѣщалъ жену въ Петергофѣ». Разъ онъ покупался въ морѣ и во время купанья почувствовалъ, что около сердца необыкновенно какъ-то повернулось; послѣ этого онъ началъ жестоко страдать сперва нервами съ невыносимымъ замираніемъ во всемъ тѣлѣ, потомъ появилась лихорадка, она сопровождалась по утрамъ кровотеченіемъ изъ носа, а по вечерамъ жаромъ. Болѣзнь прервалъ пріемъ одного гомеопатическаго лѣкарства. На репетиціи «Жизнь за Царя» послѣ этой болѣзни Глинку едва можно было узнать: онъ похудѣлъ и позеленѣлъ до невѣроятной степени.—Охлажденіе между Глинкой и его женой особенно выразилось послѣ ея болѣзни.

«Въ мартѣ мѣсяцѣ (1837 г.) жена моя расхворалась и наконецъ образовалось у нея воспаленіе легкихъ... Удалось спасти ее, но выздоровленіе шло медленно... Болѣзнь жены поколебала мое вѣрованіе въ супружеское счастіе; капризы ея послѣ болѣзни совершенно уничтожили это вѣрованіе.

«Первая вспышка мнѣ такъ памятна, что разскажу ее подробно. Однажды, въ началѣ весны, еще не оправясь, вздумалось Марьѣ Петровнѣ навѣстить сестру свою; время было скверное, страшно свирѣпствовалъ жестокій сѣверный вѣтеръ. Я упрашивалъ жену не ѣздить по причинѣ дурной погоды, но она рѣшительно заупрямилась и приказала запрягать лошадей. Видя, что увѣщанія мои были тщетны, я принужденъ былъ употребить власть и повелительнымъ тономъ приказалъ кучеру отнюдь не смѣть запрягать. Марья Петровна начала громко плакать, а теща въ гнѣвѣ разразилась бурнымъ потокомъ упрековъ, причемъ гнѣвъ ея возрасталъ болѣе и болѣе, такъ что трудно было разобрать ея ломанный русскій языкъ, а слышно было шипѣніе, подобное шипѣнію самовара. Наконецъ, барыни успокоились, но огорченіе глубоко запало мнѣ въ сердце.»

«Эти сцены начали повторяться и всегда изъ пустяковъ. Въ такихъ случаяхъ слышны были самоварообразное шипѣніе тещи и всхлипываніе жены; я же взялъ за правило хранить глубокое молчаніе, мѣрнымъ шагомъ ходить взадъ и впередъ по комнатѣ... Теща умолкала. Тогда я обращался къ ней съ вопросомъ: все-ли она высказала? натурально, она снова приходила въ бѣшенство, но не надолго; усталость замыкала ей уста, а я надѣвалъ медленно перчатки, бралъ шляпу и, учтиво раскланявшись съ моими дамами, отправлялся къ пріятелямъ, гдѣ оставался иногда по нѣскольку дней, смотря по тому, какова была домашняя сцена.—Огорченіе отъ домашнихъ сценъ навело меня на горькія размышленія: не одинъ характеръ, но и недостатокъ воспитанія жены моей рѣшительно возставали противу семейнаго счастія. Я тщательно хранилъ въ тайнѣ супружескіе раздоры, и всѣ другіе завидовали моему мнимому счастію. Жена моя принадлежала къ числу тѣхъ женщинъ, для которыхъ наряды, балы, экипажи, лошади, ливреи и проч.— были все; музыку понимала она плохо, или лучше сказать, за исключеніемъ мелкихъ романсовъ, вовсе не разумѣла; все

высокое и поэтическое также ей было недоступно. Вотъ образчикъ равнодушія Марьи Петровны къ музыкѣ: когда я началъ писать «Жизнь за Царя» въ 1835 г., она жаловалась теткѣ моей, Маріи Николаевнѣ Зелепугиной, что я трачу деньги на нотную бумагу. Я отводилъ душу въ школѣ (театральной) и на сценѣ.» Въ то-же время дороговизна петербургской жизни, необходимость жить довольно открыто не мало разстроивали Глинку. Въ маѣ 1837 г. онъ писалъ матери: «все это вмѣстѣ довело меня до того, что мнѣ музыка и опера («Русланъ и Людмила») опостылѣли, и я только желаю сбыть ее скорѣе съ рукъ долой, да убраться изъ Петербурга, который по дороговизнѣ слишкомъ накладенъ для кошелька.»

«По возвращеніи въ Петербургъ (изъ поѣздки въ Малороссію)—требованія жены довели меня до необходимости издать собраніе музыкальныхъ пьесъ. Собирать эти пьесы мнѣ было не только трудно, но и крайне досадно: на готовой квартирѣ съ дровами, имѣя собственныхъ лошадей, я получалъ отъ матушки до 7000 руб. асс., сверхъ того по своему мѣсту 2500 руб. асс., съ пріобрѣтаемымъ мною сверхъ того моими сочиненіями, можно бы при благоразуміи жить опрятно. Я всѣ деньги отдавалъ женѣ, оставляя себѣ самую ничтожную сумму на непредвидѣнные мелкіе расходы, и, хотя четверка красивыхъ коней съ каретой стояли въ сараѣ и конюшнѣ, ими изрѣдка щеголяла Марья Петровна, а я тащился пѣшкомъ, или на дрянномъ извощикѣ.—Я получилъ вознагражденіе за наборъ пѣвчихъ 1500 руб. асс. Это пріобрѣтеніе успокоило на время моихъ домашнихъ; но вмѣсто того, чтобы употребить эту сумму на устройство домашняго быта, завелись обѣды и рауты.»

Рауты были разъ въ недѣлю. По вечерамъ собирались кромѣ пріятелей, пріятельницъ жены и родныхъ, артисты и литераторы, во главѣ которыхъ былъ Брюлловъ и Н. Кукольникъ; на этихъ вечерахъ присутствовали ученики Глинки

Михайловъ и Артемовскій. Угощали чаемъ съ сухариками, крендельками и пр., и десертомъ. Въ карты не играли и не танцевали. Главное препровожденіе времени состояло въ бесѣдахъ, музыкѣ и часто въ пѣніи въ нѣсколько голосовъ вмѣстѣ. Глинокъ посѣщали граф. Е. М. Салтыкова, Е. А. Глинкина съ Крёкшиной и др.,—Штеричи, родныя племянницы умершаго друга Михаила Ивановича—Штерича, съ которымъ онъ встрѣчался въ Италіи. Въ семействѣ Штеричей Глинка былъ принятъ какъ дома, нерѣдко обѣдалъ и проводилъ часть вечера. «Иногда, пишетъ онъ, получалъ отъ молодой княгини вдовы маленькія записочки, гдѣ меня приглашали обѣдать съ обѣщаніемъ мнѣ порціи луны и шубки. Это значило, что въ гостинной княгини зажигали круглую люстру изъ матоваго стекла и она уступала мнѣ свой легкій соболій полушубокъ, въ которомъ мнѣ было тепло и привольно. Она располагалась на софѣ, а я на креслахъ возлѣ нея; иногда бесѣды, иногда пріятное, безотчетное мечтаніе доставляли мнѣ пріятныя минуты: мысль объ умершемъ моемъ другѣ достаточна была, чтобы удержать мое сердце въ предѣлахъ поэтической дружбы».

«Лѣтомъ (1838 г.) пала одна лошадь изъ нашей четверки. Я хотѣлъ воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы держать только пару лошадей. Когда я объявилъ объ этомъ женѣ, она вышла изъ себя и, поблѣднѣвъ отъ гнѣва, подбоченясь и притопнувъ ногой, сказала надмѣннымъ тономъ: Развѣ я купчиха, чтобы ѣздить на парѣ? Если вы меня не любите, то я васъ оставлю». Два раза дѣлала она мнѣ подобныя угрозы и два раза я кротко отвѣчалъ ей: Марья Петровна, не повторяйте словъ вашихъ. Вы меня оставите, дѣло для меня обойдется, а ежели-бы я васъ оставилъ, тобы не совсѣмъ ловко вамъ было...» Я не часто бывалъ у Марьи Петровны на дачѣ. Все въ жизни контрапунктъ... Мнѣ гадко было у себя дома...»

Объ окончательномъ разрывѣ съ женой Михаилъ Ивановичъ пишетъ: «...сообразивъ все, я рѣшилъ объявить о моемъ намѣреніи оставить жену посредствомъ письма, которое отправилъ къ ней вечеромъ 6 ноября (1839 г.) Вотъ приблизительно его содержаніе: Причины, о которыхъ я считаю нужнымъ умолчать, заставляютъ меня разстаться съ вами; но мы должны это сдѣлать безъ ссоръ и взаимныхъ упрековъ. Молю Провидѣніе, да сохранитъ васъ отъ новыхъ бѣдствій. Я же приму всѣ мѣры для возможнаго устройства судьбы вашей и потому намѣренъ выдавать вамъ половину моихъ доходовъ.—Это письмо не произвело сильнаго впечатлѣнія на Марью Петровну; когда-же на другой день я приказалъ крѣпостнымъ людямъ, въ моемъ услуженіи находившимся, оставить казенную квартиру, вывести оттуда лошадей, матушкою мнѣ данныхъ, выпороть изъ мебелей, бывшихъ въ гостиной, шитье моихъ сестеръ и нѣкоторыя другія вещи—драгоцѣнныя мнѣ потому, что я получилъ ихъ отъ уважаемыхъ и любимыхъ мною лицъ (бриллiанты, мебель, карету и пр. оставилъ женѣ), тогда Марья Петровна заплакала не на шутку; говорятъ даже, что ее оттирали. Все петербургское бабье возстало противъ меня, и злословію ихъ не было предѣловъ».

Сенаторъ Сумароковъ и бывшій законоучитель Глинки по пансіону пробовали убѣждать Михаила Ивановича примириться съ женою, но напрасно. «Нынѣшній годъ, писалъ онъ матери въ томъ же году 26 ноября, былъ для меня самый горестный и трудный въ моей жизни (въ томъ-же году умеръ его нѣжнолюбимый братъ въ юношескомъ возрастѣ). Судьба и доселѣ не перестаетъ наносить тяжкіе удары моему сердцу... Въ это короткое время я узналъ жизнь болѣе, чѣмъ въ теченіе всего остальнаго времени, и если большая часть людей, носившихъ имя родныхъ и друзей, оставила меня, за то я пріобрѣлъ немногихъ, но искренно преданныхъ мнѣ доброжелателей».

Весною 1841 г. «по городу разнесся слухъ, что Марья Петровна вышла замужъ. Этотъ, повидимому, нелѣпый слухъ оправдался; оказалось, что объ этомъ противузаконномъ бракѣ было донесено с.-петербургской консисторіи... Обдумавъ хорошенько, я подалъ о расторженіи моего брака». Бракоразводное дѣло кончилось въ іюнѣ того же года. На очной ставкѣ въ консисторіи Михаилъ Ивановичъ, скрѣпя сердце, стоялъ спокойно. Марья Петровна плакала. Послѣ обычныхъ троекратныхъ увѣщаній Глинка объявилъ, что вынужденъ къ разводу семейными обстоятельствами, что имъ не руководитъ злоба, въ доказательство чего просилъ извиненія у жены за всѣ невольно нанесенныя ей огорченія.

IX

„Братія".—„Прощаніе съ Петербургомъ".

После разрыва съ женою въ 1839 г. Глинка отказался отъ свѣта. Однако натура геніальнаго художника требовала сочувствія отъ окружающихъ. Для того, чтобы творить высокое, ему необходимо было стоять центромъ всеобщаго ожиданія и восторженности. Онъ не могъ писать своихъ геніальныхъ произведеній вдали отъ толпы, отъ публики, нисколько отъ нея не завися и не нуждаясь въ ея рукоплесканіи; ему нужно было производить чарующее вліяніе на другихъ, чувствовать, что творческія силы его таланта оказываютъ все свое могущество на толпу, неотразимо овладѣваютъ ею. Какъ истинный сынъ XIX вѣка, Глинка въ высшей степени нуждался въ симпатіи всѣхъ, кто окружалъ его.

Около 1836 года нѣсколько художниковъ и литераторовъ составили дружеское, веселое общество. Члены этого общества слились въ одну искреннюю, добрую семью. Платонъ Кукольникъ былъ хозяиномъ. Общество это носило названіе— «братія». Глинка съ особенно отраднымъ чувствомъ вспоминаетъ въ своихъ запискахъ о широкомъ привольѣ межъ доброю, милою и талантливою братіей; здѣсь онъ находилъ такъ много жизни и поэтическихъ наслажденій; здѣсь онъ

отдыхалъ душой отъ своихъ жизненныхъ неудачъ. Разнообразныя стороны его поэтической натуры лучше всего могли быть оцѣнены кружкомъ этихъ талантливыхъ людей и художниковъ. Среди «братіи» онъ встрѣтилъ также необходимое ему сочувствіе товарищей и энтузіазмъ. П. Кукольникъ приказалъ въ своей квартирѣ, гдѣ собиралось общество, уничтожить часть стѣны, отдѣлявшей темную комнату отъ одной изъ угольныхъ. Изъ этой комнаты образовался альковъ, въ которомъ устроили широкій диванъ изъ клеенки и продолжили его вдоль по одной изъ стѣнъ свѣтлой комнаты. «Платонъ, какъ хозяинъ, жилъ въ особой комнатѣ. Мы же всѣ— пишетъ Глинка, Несторъ Кукольникъ, я, рыцарь Коко и рыцарь Бобо (такъ въ шутку называли двухъ изъ общихъ друзей) помѣщались на диванѣ; у каждаго изъ насъ было свое мѣсто и оставалось еще, гдѣ дать пристанище тѣмъ изъ пріятелей, которые, запоздавъ, желали ночевать у насъ». Общество посѣщалъ часто Карлъ Брюлловъ и мн. др. Утромъ всѣ пили чай. Остатокъ дня каждый продовольствовался своими средствами. Вечеромъ сходились. Поднимались оживленные разсказы. Иногда ужинали; это былъ праздникъ не отъ яствъ и вина, а отъ разнообразной, оживленной бесѣды. Приходилъ всегда народъ «дѣльный». Тутъ являлись Петровъ со своимъ могучимъ басомъ, Каратыгинъ съ неистощимымъ запасомъ каламбуровъ, литераторы; разговоръ не умолкалъ; время летѣло быстро и пріятно. Порой устраивалось пѣніе. Лучше всѣхъ другихъ пѣвали пѣсню: «Чарочки по столику похаживаютъ». Эффектно выходилъ стихъ— «Думаю, подумаю, идти-ли за него». Н. Кукольникъ писалъ куплеты, Глинка сочинялъ музыку, разучивалъ и управлялъ хоромъ.

На святой 1838 г. Михаилъ Ивановичъ познакомился у сестры Марьи Ивановны съ дѣвицей Е. К.; она была не хороша, даже нѣчто страдальческое выражалось на ея блѣдномъ лицѣ. Но къ ней привлекали ясные, выразительные глаза, необыкновенно стройный станъ, особая прелесть и до-

стоинство. Вращаясь въ обществѣ братіи, подъ вліяніемъ поэтическихъ ощущеній, вызванныхъ этой любимой женщиной, Глинка въ концѣ 1839 года написалъ романсъ: «Я помню чудное мгновенье», который принадлежитъ къ лучшимъ и самымъ страстнымъ его произведеніямъ; написанъ былъ также для Е. К. вальсъ на оркестръ (B-Dur) и др. пьесы.

Лѣтомъ 1840 г. нашъ композиторъ выполнилъ много превосходныхъ работъ. Въ день своихъ имянинъ по дорогѣ къ одному изъ знакомыхъ ему пришла въ голову мелодія болеро:—«О, дѣва чудная моя». Н. Кукольникъ согласился написать стихи для этой мелодіи и предложилъ еще нѣсколько готовыхъ романсовъ. Предложеніе подало поводъ къ мысли о двѣнадцати романсахъ, изданныхъ потомъ подъ названіемъ—«Прощанье съ Петербургомъ». Эти романсы Глинка написалъ въ шесть недѣль; на каждый изъ нихъ приходилось менѣе, чѣмъ по четыре дня, слѣдовательно сочиненіе и вся обработка шла съ чрезвычайной быстротою; при этомъ каждая изъ пьесъ была не похожа на всѣ другія, ни по характеру, ни по колориту. Знаменитые двѣнадцать романсовъ названы были: «Прощанье съ Петербургомъ»—по случаю отъѣзда Глинки въ деревню къ своей матери. «Братія», искренно любившая композитора, устроила ему прощальный вечеръ. Собрались друзья, артисты, литераторы. Творецъ «Прощанья» съ необыкновеннымъ одушевленіемъ пѣлъ «Прощальную пѣснь» («Прощайте добрые друзья»). Хоръ пѣла «братія». Кромѣ фортепіано былъ квартетъ съ контрбасомъ.

Въ «Художественной Газетѣ» 1840 г. появилась статья Кукольника съ характеристикой двѣнадцати романсовъ. «Бывало, говоритъ авторъ, когда еще М. И. Глинка не украсилъ отечественной сцены превосходнымъ сочиненіемъ «Жизнь за Царя» и не создалъ великаго творенія «Русланъ и Людмила», появленіе его романса дѣлало сильную тревогу въ музыкальномъ русскомъ мірѣ; не было голоска, самомалѣйшаго, который-бы не напѣвалъ очаровательной мелодіи... Появле-

ніе оперы «Жизнь за Царя» было одною изъ значительныхъ причинъ усиленнаго музыкальнаго образованія. Народная гордость въ музыкальномъ отношеніи была удовлетворена произведеніемъ, которое могло поспорить со всѣми современными знаменитостями». Разобравъ въ отдѣльности каждый изъ двѣнадцати романсовъ, авторъ заканчиваетъ: «эти романсы перейдутъ въ потомство, потому что и милое, и пріятное, и занимательное удостоивается продолжительной жизни въ потомствѣ. — Если-бы Глинка не написалъ оперы «Жизнь за Царя», если-бы не создалъ колоссальнаго «Руслана», неужели одни его романсы, которыхъ болѣе сорока, не доставили бы ему почетной знаменитости. — «Прощаніе съ Петербургомъ» стоитъ многихъ оперъ, особенно современныхъ». Дѣйствительно, двѣнадцать романсовъ замѣчательны разнообразіемъ темъ. Они представляютъ сюжеты, въ основаніи которыхъ лежали типы и характеры самые разнообразные и противоположные, итальянскіе, испанскіе, еврейскіе, рыцарскіе; тутъ встрѣчаются образы нѣжные, граціозные, страстные, задумчивые, комическіе; въ нихъ выражены чувства любви, ревности, материнское, рыцарской доблести, наслажденія природой. Знатоки дѣла, какъ Стасовъ, говорятъ, что романсы 1840 г. — каждый не только составляетъ превосходнѣйшее воспроизведеніе въ музыкальныхъ формахъ даннаго сюжета, типа или характера, но является, какъ будто исключительно на то, чтобы разрѣшить самымъ оригинальнымъ образомъ одну изъ задачъ искусства. Здѣсь важно то, что художникъ въ весьма короткое время выполнилъ разнообразныя задачи, каждую совершенно иначе, чѣмъ всѣ остальныя, далъ каждой совершенно особенную физіономію. Въ романсахъ 1840 г. наблюдаются новыя формы, выполнены отчасти тѣ задачи, которыя находимъ въ послѣднемъ великомъ твореніи «Русланъ и Людмила»; слѣдовательно эти романсы послужили Глинкѣ переходомъ къ новымъ элементамъ музыки. Каждый романсъ есть цѣльный отдѣльный міръ искус-

ства, красоты, граціи и силы, примѣръ употребленія новыхъ формъ и самаго талантливаго обновленія прежнихъ.

Въ эпоху зрѣлости своего таланта Михаилъ Ивановичъ не могъ и не хотѣлъ остаться при тѣхъ музыкальныхъ средствахъ, какія существовали до него за два послѣднія столѣтія. Онъ чувствовалъ необходимость новыхъ формъ, какъ чувствовалъ это геніальный Бетховенъ, который въ послѣднихъ сочиненіяхъ своихъ обратился къ системѣ средневѣковыхъ тоновъ; въ этихъ тонахъ Бетховенъ нашелъ новые элементы силы, красоты и глубины для своихъ твореній и приготовилъ музыкѣ новое безпредѣльное будущее. Бетховенъ однако сознательно началъ свою великую реформу, ему извѣстны были законы существованія древнихъ, средневѣковыхъ тоновъ. Нашъ же геніальный композиторъ началъ реформу въ музыкѣ ощупью. Онъ самъ отгадалъ ту дорогу, которую избралъ Бетховенъ, отгадалъ и пошелъ по ней, не умѣя назвать по имени своего великаго начинанія, самъ не сознавая всей его важности. Таковъ былъ его музыкальный геній! Музыку послѣднихъ двухъ столѣтій до реформы, какую дали ей Бетховенъ и у насъ Глинка, называютъ математическою, размѣренною, симметричною и въ высшей степени ограниченною въ сравненіи со свободной и безконечно разнообразной системой тоновъ средневѣковыхъ и діатоническихъ. Эту разницу Глинкѣ подсказала не музыкальная наука, а художественный инстинктъ; ему негдѣ было узнать тѣ музыкальныя сочиненія, которыя могли-бы послужить руководствомъ въ великомъ задуманномъ имъ дѣлѣ. Межъ тѣмъ около 40-хъ годовъ, когда писалъ свою оперу «Русланъ и Людмила», Глинка многимъ и не разъ высказывалъ, что онъ «недоволенъ уже существующею нынѣ музыкальною системою, что музыкѣ необходимо обновленіе, освѣженіе посредствомъ другихъ элементовъ, и что съ этою цѣлью онъ введетъ въ свое новое созданіе—гамму оріентальную». Эта восточная гамма была позабытая Европою и оставленная всѣми композито-

рами система древнихъ, или средневѣковыхъ тоновъ. Въ собственно восточномъ вкусѣ Глинка сочинилъ только нѣсколько пьесъ въ своей оперѣ.

Въ романсѣ изъ двѣнадцати—«Еврейская пѣснь» Глинка вошелъ смѣло въ царство средневѣковыхъ тоновъ, хотя и полагалъ, что подаетъ здѣсь первый примѣръ гармонизаціи восточной. Самый-же совершенный изъ этихъ романсовъ есть «Прощальная пѣснь», она обращена къ друзьямъ и замыкаетъ собою этотъ рядъ блестящихъ созданій. Здѣсь Михаилъ Ивановичъ высказалъ все свое прошлое, всю печаль и горечь жизни, свое разочарованіе; этой пѣснью онъ думалъ проститься даже со своимъ искусствомъ. «Прощальная пѣснь» есть страстная исповѣдь человѣка, который много выстрадалъ, во многомъ разочаровался. Тутъ высказалась вся исторія жизни Глинки, вся его душа. По силѣ и красотѣ пѣснь эту сравниваютъ съ могущественными лирическими стихотвореніями Байрона въ періодъ его зрѣлости, находятъ въ ней тѣ-же звуки мрачнаго безутѣшнаго отчаянія, окаменѣлой безнадежности и неожиданные порывы нѣжности, стремленія горячаго сердца. Когда Глинка прощался съ друзьями и пѣлъ эту пѣснь, глаза всѣхъ наполнялись слезами, а сердце болѣзненно сжималось. «Вамъ пѣснь послѣднюю пою и струны лиры разрываю!» кончилъ художникъ и, дѣйствительно, хотѣлъ навсегда замолчать и уѣхать надолго сначала на югъ Россіи, а потомъ, быть можетъ, навсегда въ чужіе края. «Я былъ, говоритъ онъ про это время, не то, чтобы боленъ, не то, чтобы здоровъ: на сердцѣ была тяжелая осадка отъ огорченій и мрачныя неопредѣленныя мысли невольно тѣснились въ умѣ».

Мрачное расположеніе духа у Михаила Ивановича скоро разсѣялось. Эти минуты унынія у него, какъ и у другихъ творцовъ великаго, предшествовали періоду высшаго развитія силъ и созданія совершеннѣйшаго произведенія.

X.

„Руслань и Людмила".

Вторую оперу—вѣнецъ всей своей творческой дѣятельности--Михаилъ Ивановичъ писалъ шесть лѣтъ, тогда какъ первая была окончена менѣе, чѣмъ въ два года. Такая медленность зависѣла преимущественно отъ обстоятельствъ его жизни, о которыхъ мы упоминали въ предшествующихъ главахъ нашего очерка. Композитора отрывали отъ сочиненія новой оперы разнообразныя занятія и отношенія.

Первую мысль о «Русланѣ и Людмилѣ» подалъ комикъ кн. Шаховскій, когда еще былъ живъ Пушкинъ. По мнѣнію Шаховскаго роль Черномора слѣдовало писать для Воробьевой. Самъ Пушкинъ на одномъ изъ вечеровъ Жуковскаго обѣщалъ въ своей сказкѣ-поэмѣ многое передѣлать, чему помѣшала только преждевременная смерть поэта. За новую оперу Глинка принялся съ необыкновеннымъ жаромъ. Успѣхъ первой оперы, слава новыхъ романсовъ, энтузіазмъ въ обществѣ поддерживали его въ трудахъ новаго произведенія. Весною 1838 г. было сдѣлано условіе съ театральной дирекціей доставлять оперу по-актно. Въ это время многое уже было сдѣлано изъ перваго акта. Работы пріостановила болѣзнь—жестокое нервное раздраженіе. Напрасны были усилія побороть недугъ.

Нервныя боли разростались болѣе и болѣе; больной прибѣгъ къ камфорному спирту, но это средство раздражило нервы въ высшей степени, отняло сонъ, аппетитъ. Глинка стоналъ отъ мучительныхъ ощущеній. Гомеопатія поправила его въ двѣ недѣли; помогли сѣра и золото.

Нѣкоторые номера оперы были исполняемы, какъ мы видѣли, въ Малороссіи. Зимою около 1838—1839 г. Глинка принялся за каватину Гориславы: «Любви роскошная звѣзда;» писалъ онъ только утромъ послѣ чаю, отъ работы постоянно отрывали по обязанностямъ службы въ пѣвческомъ корпусѣ. «Не успѣвалъ я, говоритъ онъ, написать страницы или двухъ страницъ, какъ являлся дядька, унтеръ-офицеръ, руки по швамъ, и почтительно докладывалъ: «ваше благородіе! пѣвчіе собрались и васъ ожидаютъ.» Кто ожидалъ? Кто посылалъ дядьку? до сихъ поръ не знаю, знаю только, что иногда, пришедши въ репетиціонную залу, заставалъ я уже тамъ и Львова, который дружески протягивалъ мнѣ руку.— Не помню также, когда и гдѣ написана мною каватина Людмилы 1 акта: «Грустно мнѣ, родитель дорогой» (G-dur). Ее исполнила Бартенева съ хоромъ и оркестромъ въ патріотическомъ концертѣ весною 1839 г. Я ожидалъ большаго успѣха, но аплодировали не такъ дружно, какъ я привыкъ... Я писалъ оперу по кусочкамъ и урывками. Въ 1837 или 1838 г., зимою я игралъ съ жаромъ нѣкоторые отрывки Руслана. Н. Кукольникъ подстрекалъ меня болѣе и болѣе. Тогда былъ тамъ между посѣтителями К. Бахтуринъ; онъ взялся сдѣлать планъ оперы и написалъ его въ четверть часа подъ пьяную руку, и вообразите! опера сдѣлана по этому плану.»

«Бахтуринъ вмѣсто Пушкина! какъ это случилось? самъ не понимаю.»

Около того-же времени писать либретто для оперы началъ Ширковъ, свободно сочинявшій стихи. Первый опытъ оказался удовлетворительнымъ,—«но вмѣсто того, чтобы сообразить прежде всего цѣлое и сдѣлать планъ и ходъ пьесы,

я сейчасъ принялся за каватины Людмилы и Гориславы, вовсе не заботясь о драматическомъ движеніи и ходѣ пьесы, полагая, что это можно было уладить впослѣдствіи.»

Для будущей постановки оперы Глинка подготовлялъ и нѣкоторыхъ исполнителей. Артемовскаго (басъ), вывезеннаго изъ Малороссіи, обучилъ на столько, что ученикъ далъ концертъ и на выручку отправился для усовершенствованія въ Италію. Онъ готовилъ еще тенора Михайлова, тоже уѣхавшаго въ Италію. Оба возвратились къ самой постановкѣ новой оперы.

Простившись съ «братіей» въ августѣ 1840 г. Михаилъ Ивановичъ прибылъ въ Смоленскъ. Здѣсь встрѣтила его мать; отправились въ Новоспасское. Въ деревнѣ мало по малу сгладилось его мрачное настроеніе. Волненія отъ непріятностей, которыя онъ испытывалъ въ Петербургѣ за послѣдніе годы, по немногу улеглись. Въ тишинѣ деревенской обстановки онъ началъ обдумывать свои намѣренія. Результатомъ думъ было возвращеніе къ работѣ по продолженію новой оперы. Въ три недѣли приготовленъ геніальный номеръ этой оперы—интродукція «Руслана». Начата она была въ Новоспасскомъ, окончена въ имѣніи родственника Гедеонова.—Въ 1839 г. по обязанностямъ службы Глинка присутствовалъ во дворцѣ на бракосочетаніи вел. кн. Маріи Николаевны. Во время обѣда играла музыка; пѣлъ теноръ Поджи и придворные пѣвчіе. Глинка былъ на хорахъ. Его поразилъ стукъ ножей, вилокъ, тарелокъ, что подало ему мысль подражать этому звуку въ интродукціи «Руслана», во время княжескаго стола.

Въ Петербургъ обратно Михаилъ Ивановичъ отправился въ сентябрѣ. На дорогѣ въ ночь съ 14 на 15 сентября его прохватило морозомъ. На станціи онъ потребовалъ чаю, согрѣлся и отправился въ путь. «Всю ночь, говорилъ онъ, я былъ въ лихорадочномъ состояніи, воображеніе зашевелилось и я въ ту ночь изобрѣлъ, и сообразилъ финалъ оперы, по-

служившій впослѣдствіи основаніемъ увертюры оперы «Русланъ и Людмила».

Такъ былъ задуманъ и изобрѣтенъ второй геніальный номеръ оперы, среди неудобствъ тогдашнихъ дорогъ, при слегка болѣзненномъ настроеніи. Оба номера созданы художникомъ почти въ одно и то же время. Они составили ту историческую рамку, въ которой размѣстились сказочныя сцены и картины, наполнившія средину оперы. Интродукція «Руслана» признана колоссальнымъ созданіемъ Глинки.

Въ Петербургѣ Михаилъ Ивановичъ поселился у Кукольниковъ. Онъ отдалился отъ обширнаго круга знакомствъ, часто видѣлся только съ «братіей», искренно ему преданной; большую же часть времени сидѣлъ дома и работалъ. Отъ простуды у него развилась мучительная боль въ правомъ боку. Работа не прекращалась, не смотря на боль, каждый день появлявшуюся при захожденіи солнца. «Я совершенно перемѣнилъ,—пишетъ онъ матери въ это время,—образъ жизни; сдѣлавшись домосѣдомъ, избѣгаю всѣхъ случаевъ къ безпорядочной жизни.»—«Веду жизнь тихую и покойную, а что всего лучше беззаботную. Хотя въ сердцѣ нѣсколько пусто, за то музыка меня несказанно утѣшаетъ; почти все утро работаю; вечеромъ бесѣда добрыхъ друзей меня услаждаетъ. Если пойдетъ такъ и на будущее время, опера къ веснѣ будетъ почти кончена.» Это намѣреніе не осуществилось, отчасти благодаря болѣзни, отчасти другія занятія отвлекали его отъ главнаго труда.

Въ ноябрѣ у Глинки внезапно открылась горячка. Разъ, возвращался онъ домой безъ галошъ пѣшкомъ. Въ тотъ вечеръ онъ ничего особеннаго не ощущалъ, диспутировалъ, какъ всегда, съ Платономъ Кукольникомъ; въ спорахъ выпили по бутылкѣ «церковнаго» (такъ назывался у нихъ самый простой медокъ). На другой день, когда хозяинъ подошелъ къ Глинкѣ со словами: «Миша, пора вставать»—«я, говоритъ онъ, хотѣлъ приподняться, но не могъ. Онъ посмотрѣлъ на меня

внимательно, взялъ за пульсъ.» Послали за докторомъ. Горячка остановлена была въ три дня, но чувствовалась нѣкоторое время большая слабость, по всему тѣлу обнаружилась сыпь. На лѣвомъ боку противъ сердца сыпь слилась въ одну массу. Болѣзнь удержала отъ работы на нѣсколько мѣсяцевъ, не смотря на попеченія доктора и искреннюю заботливость П. Кукольника, и навѣяла на Глинку сильное желаніе уѣхать за границу. Это видно изъ писемъ его къ нѣжно любимой матери. Переписка за эту зиму была усиленная. Онъ писалъ отъ:

29 октября «Будетъ ли опера подвигаться, или нѣтъ, но во всякомъ случаѣ я въ апрѣлѣ долженъ непремѣнно ѣхать за границу. Мысль снова ожить въ лучшемъ климатѣ составляетъ единственную мою отраду и я безъ ропота переношу страданія и лишенія въ надеждѣ на лучшее будущее».

4 января 1841 г. «Сердце мое желаетъ остаться, а разсудокъ рѣшительно понуждаетъ ѣхать. Еслибъ я могъ жить съ вами, я бы не колебался ни минуты, и готовъ все оставить и всѣмъ пожертвовать, только бы быть вамъ въ утѣшеніе. Но упорная судьба не исполняетъ ни одного изъ желаній моего сердца».

15 февраля. «Искусство, эта данная мнѣ небомъ отрада, гибнетъ здѣсь отъ убійственнаго ко всему прекрасному равнодушія. Еслибы я не провелъ нѣсколько лѣтъ за границей, я не написалъ-бы «Жизни за Царя»; теперь вполнѣ убѣжденъ, что «Русланъ» можетъ быть оконченъ только въ Германіи, или Франціи».

28 марта. «Судьба рѣшена, я ѣду за границу; еслибы не глубокія, вновь раскрывшіяся раны моего сердца, я бы поспѣшилъ къ вамъ, чтобы ласками своими доказать вамъ безпредѣльную мою любовь и признательность. Но не требуйте, не желайте теперь моего къ вамъ пріѣзда. Я душевно боленъ, глубоко боленъ; въ моихъ письмахъ къ вамъ я скрывалъ свои страданія, но они продолжались. Къ счастью теперь весна,

и я тѣломъ не боленъ. Для меня не можетъ быть счастія въ Россіи, вспомните судьбу мою, и вѣрно сами согласитесь съ этимъ. За границей надѣюсь найти спокойствіе: тамъ климатъ лучше, и люди не такъ связаны предразсудками, какъ здѣсь. Кто знаетъ, можетъ быть, судьба моя ведетъ меня къ лучшему; какъ художникъ по крайней мѣрѣ могу надѣяться, что тамъ выиграю... Какъ для здоровья, такъ и для окончанія оперы, четырехмѣсячнаго путешествія недостаточно. Должно остаться годъ, чтобъ избѣгнуть зимы, укрѣпиться и имѣть время окончить мой огромный трудъ, который только въ половинѣ: пріѣхать къ зимѣ, не оконча его, невыносимо для моего самолюбія... Къ деревнѣ же, говоря откровенно, душа моя не лежитъ... Запретить людямъ говорить нельзя—это ясно, но я терпѣть не могу ни толковъ, ни сплетень, и благодарю судьбу, что могу улетѣть изъ Россіи, гдѣ съ моимъ характеромъ и въ моихъ обстоятельствахъ жить невозможно».

Въ поѣздкѣ за границу Глинка желалъ найти забвеніе всѣхъ мучившихъ его нравственныхъ страданій. Его натура, разъ извѣдавшая, что значитъ поклоненіе общества его таланту, не легко мирилась съ охлажденіемъ того-же общества. Ряды его знакомыхъ и поклонниковъ уменьшились: одни охладѣли, другіе забыли его, третьи надоѣли сплетнями и клеветой. Былъ одинъ домъ, гдѣ его принимали, какъ родного. «Я часто бывалъ, пишетъ онъ въ запискахъ, у П. В. Энгельгардта. Послѣ болѣзни присылали за мной карету, обшитую внутри мѣхомъ, а сверхъ того шубки, чтобъ меня болѣе окутать. Софья Григорьевна любила музыку; я написалъ для нея романсъ: «Какъ сладко съ тобою мнѣ быть», часто игрывалъ ей отрывки изъ новой моей оперы, въ особенности сцену Людмилы въ замкѣ Черномора... Мнѣ тамъ было очень хорошо; за обѣдомъ хозяйка сажала меня возлѣ себя съ дамами, угощали меня сами барыни, а шуткамъ, розсказнямъ и конца не было.»

Въ началѣ 1841 г. Глинка написалъ для Екатерининскаго института выпускной хоръ E-dur, бывалъ тамъ на репетиціяхъ; хоръ исполнили очень хорошо. За трудъ онъ получилъ отъ Императрицы перстень съ изумрудомъ, осыпанный бриллiантами, и отослалъ его матери. По болѣзни Государыни танцы и пѣніе вмѣсто института исполнены были во дворцѣ. Туда пригласили и Михаила Ивановича, однако онъ не могъ явиться: поздно извѣстили, онъ не могъ успѣть закупить башмаки, шелковые чулки и перчатки. Хоръ былъ сочиненъ для женскихъ голосовъ, съ акомпаниментомъ оркестра, фортепіано и арфы и произвелъ весьма выгодное впечатлѣніе. Композитору было оказано не мало знаковъ уваженія къ его особѣ. Отъ 25 февраля 1841 г. онъ пишетъ матери: «всѣ эти знаки расположенія высшихъ лицъ и публично оказанный почетъ меня радуютъ, и я могу смѣло сказать вамъ, что я поставилъ теперь себя на такой ногѣ, какъ только можетъ гражданинъ и человѣкъ.»

Оправясь послѣ горячки, Глинка продолжалъ свою оперу, написалъ «Тарантеллу» по просьбѣ Мятлева и выполнилъ крупную работу по просьбѣ Кукольниковъ. Н. Кукольникъ написалъ драму «Князь Холмскій» и ставилъ ее на сцену. Для этой драмы Глинка написалъ увертюру, четыре антракта, пѣсню «Ходитъ вѣтеръ у воротъ» и романсъ «Сонъ Рахили». Пьеса выдержала только три представленія.

Весною 1841 г. горячка прошлаго года отозвалась печальнымъ, даже мрачнымъ расположеніемъ духа отъ сильнаго разстройства нервъ. Въ это время Глинка переѣхалъ на жительство къ однимъ своимъ знакомымъ, Степановымъ, которые жаловались ему на предпочтеніе, оказанное имъ Кукольникамъ. П. Степановъ уступилъ ему комнату, стѣны которой были расписаны каррикатурами и чертовщиной. «Когда, бывало, говоритъ онъ, карета ночью своими освѣщенными фонарями постепенно мгновеннымъ свѣтомъ освѣщала мою комнату, странныя фигуры мелькали одна за другою, и казалось, что стоявшая на

печкѣ мертвая голова насмѣшливо улыбалась; мнѣ, по крайней мѣрѣ часто казалось, что она смѣялась надъ моими страданіями; тогда я спалъ дурно и часто предавался печальнымъ размышленіямъ о судьбѣ своей.» При такомъ болѣзненномъ настроеніи Михаилъ Ивановичъ все-таки писалъ оперу. Пришелъ однажды къ нему докторъ Садовскій, закурилъ сигару, посмотрѣлъ на его работу и сказалъ: «отодрать бы тебя, братецъ, лучше бы писалъ.»

Къ поѣздкѣ за границу встрѣтились неожиданныя препятствія. Отъ 18 апрѣля 1841 г. Глинка пишетъ къ матери: «Непредвидѣнныя, важныя для меня обстоятельства совершенно овладѣли моимъ вниманіемъ. — Ѣхать за границу и думать нельзя—я необходимо долженъ остаться въ Петербургѣ». Это обстоятельство несомнѣнно повліяло на ускореніе сочиненія новой оперы. Если-бы нашъ композиторъ отправился за границу, — можетъ быть вовсе, или по крайней мѣрѣ долго не создалъ-бы «Руслана и Людмилы». Увѣренія его, что кончить оперу онъ могъ-бы за границей не заслуживали довѣрія, такъ какъ потомъ онъ самъ сознавался, что только въ Россіи онъ можетъ хорошо и успѣшно сочинять. Въ другомъ письмѣ, посланномъ матери тою-же зимой, онъ пишетъ: опера немного подвинулась впередъ, и я могу сказать, что въ головѣ почти все готово, но чтобы уписать готовое, мнѣ нуженъ тихій и отрадный пріютъ на лѣто и менѣе суровый климатъ на зиму. Если судьбѣ угодно будетъ послать мнѣ годъ таковой жизни, опера будетъ готова, но ранѣе года окончить нельзя: письма бездна, а силы мои не позволяютъ работать много и постоянно».

Лѣтомъ 1841 г. Михаилъ Ивановичъ долженъ былъ вести бракоразводный процессъ. Послѣдній много отвлекалъ его отъ работы и разстраивалъ его художественное расположеніе духа. Только въ концѣ лѣта онъ снова принялся за работу. Въ это время онъ устроилъ свою жизнь такъ, какъ хотѣлось для окончанія оперы. Нашелъ онъ и тихій пріютъ, поселив-

шись у сестры, особо, въ двухъ маленькихъ, но очень свѣтлыхъ комнатахъ, и ту отраду, отсутствіе которой останавливало его творческую дѣятельность. Описавъ эту отраду, Глинка заканчиваетъ:

Привычка въ чувство обратилась,
А чувство въ счастье многихъ дней.

Къ концу лѣта онъ почувствовалъ необыкновенное расположеніе къ сочиненію музыки. Дома было такъ хорошо, что онъ очень рѣдко выѣзжалъ, а, сидя дома, такъ усердно работалъ, что большая часть оперы была готова. Для разнообразія занятій Глинка началъ учиться рисованію пейзажей; на одномъ изъ рисунковъ Карлъ Брюлловъ подписалъ: «скопировано очень не дурно».

Общей связи между частями новой оперы не было. Н. Кукольникъ и Гедеоновъ взялись помогать въ трудномъ дѣлѣ свести цѣлое изъ разнородныхъ отдѣльныхъ частей. Кукольникъ написалъ стихи для финала оперы и сцену Ратмира 3 дѣйствія: «И жаръ, и зной». Гедеоновъ написалъ маленькій дуэтъ, слѣдующій за балладою Финна: «Благодарю тебя, мой дивный покровитель», речитативъ Финна въ 3 актѣ: «Витязи, коварная Наина» и молитву въ 4 голоса, которою оканчивается третье дѣйствіе. Самъ Глинка написалъ сцену Фарлафа съ Наиной и рондо Фарлафа, а потомъ начало финала 3 дѣйствія.

Въ началѣ весны 1842 г. въ Петербургъ пріѣхала мать Глинки для окончанія воспитанія младшей сестры Ольги. Съ матерью поселился и самъ Глинка. Сходки «братіи» прекратились; одни изъ членовъ этого общества женились, другіе уѣхали. Прежде другихъ переѣхалъ на особую квартиру Н. Кукольникъ. Прежняя любовь его къ композитору не измѣнилась; онъ самъ писалъ стихи для оперы и исправлялъ стихи Глинки. Когда Михаилъ Ивановичъ объявлялъ ему, что написалъ сцену или номеръ оперы, Кукольникъ чрезвычайно радовался и становился безпокоенъ, пока не слышалъ но-

ваго произведенія своего друга. Скука съ нимъ была невозможна, онъ умно и ловко говорилъ обо всемъ. Если Глинка излагалъ свое мнѣніе, противное его взгляду, то онъ говаривалъ: «Миша! на это моего согласія нѣтъ; выпьемъ». Это значило, что надо выпить по стакану «церковнаго.» — Посѣщалъ Глинка вечера и другихъ членовъ «братіи», гдѣ обыкновенно пѣли, играли на фортепіано, танцевали. Кромѣ дружескихъ домовъ онъ сталъ посѣщать и петербургское общество, которое было оставилъ. Изъ затворничества вызвало его появленіе въ столицѣ Листа въ февралѣ 1842 г. Забытому почти всѣми русскому композитору пришлось снова являться въ салонахъ нашей столицы по рекомендаціи знаменитаго иностраннаго артиста. Съ Листомъ нашъ композиторъ былъ у графовъ Вельегорскихъ, Одоевскаго, гр. Растопчиной, Палибиной. У Одоевскаго Листъ съигралъ нѣсколько номеровъ «Руслана» съ собственноручной, никому еще неизвѣстной партитуры Глинки, сохранивъ всѣ ноты ко всеобщему изумленію. Листъ имѣлъ очень длинные волосы, въ обращеніи прибѣгалъ къ сладко разнѣженному тону, по временамъ онъ обнаруживалъ надменную самоувѣренность. Между артистами былъ очень любезенъ, охотно принималъ участіе въ общемъ весельѣ и не прочь былъ покутить. Онъ всегда просилъ Глинку въ обществѣ спѣть одинъ, или два романса, изъ которыхъ болѣе другихъ ему нравился «Въ крови горитъ».

XI.

Постановка на сцену „Руслана". 27 ноября 1842 г. Великаго композитора не поняли!

Въ апрѣлѣ 1842 г. немногое оставалось уже дописать изъ новой оперы. Это немногое нельзя было дописывать безъ сценическихъ соображеній и содѣйствія декоратора и балетмейстера. Глинка явился съ партитурой къ директору театровъ, Гедеонову. Тотъ безъ всякихъ разговоровъ принялъ оперу, приказалъ тотчасъ же начать постановку ея на сцену и автору предложилъ получать разовые— десятый процентъ съ двухъ третей полнаго сбора за каждое представленіе. Скоро въ театральной нотной конторѣ были готовы партіи главныхъ дѣйствующихъ лицъ и хоровъ; композиторъ принялся за разучку своей музыки. Музыка для танцевъ IV дѣйствія была составлена изъ восточныхъ мелодій и самые танцы по возможности сдѣланы въ восточномъ вкусѣ. Балетмейстеръ Титюсъ былъ человѣкъ очень ограниченныхъ способностей. Чтобы поладить съ нимъ, Глинка далъ ему обѣдъ, угостилъ любимыми кушаньями. Переводчикъ канцеляріи директора театровъ, Каменскій, то же былъ приглашенъ къ обѣду, и отлично протанцевалъ «лезгинку», танецъ

4 дѣйствія. Удачный обѣдъ и вино помогли заручиться согласіемъ Титюса поставить лезгинку, какъ того хотѣлъ композиторъ, хотя балетмейстеру этотъ танецъ не особенно понравился. Танцы 3 дѣйствія вполнѣ предоставлены были Титюсу.— Глинкѣ дозволено было осмотрѣть огромные гардеробы театральной дирекціи. Рѣшено было, какіе костюмы надо было сдѣлать вновь, какіе передѣлать. Костюмы для главныхъ дѣйствующихъ лицъ сдѣланы по указанію Карла Брюллова. Когда Титюсъ занялся составленіемъ танцевъ, Глинка ходилъ въ школу, чтобъ сообразоваться съ требованіями балетмейстера и передѣлывать, что оказалось нужнымъ перемѣнить. «Я велъ тогда, говоритъ Глинка, жизнь весьма пріятную: утромъ передѣлывалъ танцы и немногія недоконченныя мѣста изъ оперы, въ 12 ч. утра отправлялся на репетицію въ залы театра и школы, откуда меня нерѣдко привозили домой въ театральной каретѣ. Обѣдалъ я у матушки и проводилъ въ семействѣ послѣобѣденное время; вечеромъ обыкновенно ѣздилъ въ театръ, гдѣ оставался все время за кулисами. Когда вечеромъ я возвращался домой, сестра Ольга встрѣчала меня со смѣхомъ и на вопросъ мой, чему ты смѣешься, Oline? отвѣчала: «вы пришли, значитъ смѣхъ будетъ». Дѣйствительно, не проходило четверти часа, чтобы я не разсмѣшилъ сестры и матушки».

10 августа была первая квартетная проба оперы въ квартирѣ Глинки. Участвовали двѣ первыхъ скрипки, вторая скрипка, альтъ, віолончель и контрбасъ; самъ композиторъ игралъ на фортепіано партіи духовыхъ инструментовъ; голосовъ не было. Репетиція вышла очень удачною. Сотрудники угощены были на славу. Дружно бесѣдовали и смѣялись.

Осенью начались пробы въ залахъ и на сценѣ. Друзья и знакомые стали дѣлать замѣчанія, давать совѣты, которые Глинка имѣлъ слабость принимать, благодаря необыкновенной своей скромности и мягкосердечію. Геніальное произведе-

ніе было урѣзано, изуродовано. Изъ интродукціи исключена вторая пѣснь Баяна «Есть пустынный край», уничтожено все окончательное развитіе главной темы «Лейся полнѣй, кубокъ златой». Въ финалѣ 1 акта сокращенъ хоръ Лелю (H-dur). Финалъ втораго акта, на который композиторъ очень разсчитывалъ, рѣшительно не удался, его пѣли, такъ невѣрно, что самому Глинкѣ не въ силу было слышать его. Много урѣзокъ и сокращеній сдѣлано и въ прочихъ актахъ.—Режиссеръ театра однако ручался, что опера пойдетъ хорошо.

Были и другія обстоятельства, не мало парализовавшія успѣхъ оперы. Глинка разсчитывалъ на эффектъ декораціи въ 4 дѣйствіи въ садахъ Черномора. Декораторъ около этого времени повздорилъ съ Гедеоновымъ и съ досады декорацію 4 дѣйствія сдѣлалъ самою пошлою вмѣсто затѣйливой и волшебно-прекрасной. Замокъ похожъ былъ на казармы, цвѣты были безобразны и гадко размалеваны самыми простыми красками, испещрены сусальнымъ золотомъ. Вмѣсто стола съ различными яствами для Людмилы выходило изъ земли нѣчто въ родѣ налоя съ какимъ-то позолоченнымъ шевелившимся деревцомъ. Словомъ это была западня для актеровъ и публики. Когда явился Черноморъ со свитой и музыкой, не оставалось мѣста ни для музыкантовъ, ни для танцоровъ.

Подъ успѣхъ оперы сдѣлалъ подвохъ и Булгаринъ съ «Сѣверной Пчелой». Еще за годъ до постановки оперы Глинка при многочисленномъ собраніи доказывалъ, что Булгаринъ не понимаетъ и не можетъ понимать въ музыкѣ; противъ этого Булгаринъ долго возражалъ и даже взбѣсился на Глинку. Потомъ ихъ примирили. За нѣсколько дней до перваго представленія «Руслана» въ «Сѣверной Пчелѣ» появилась статья, въ которой авторъ не сомнѣвается въ достоинствахъ новой оперы, говоритъ, что «она никакъ не можетъ быть посредственною», но бросаетъ тѣнь на актеровъ, сомнѣвается въ силахъ оперной труппы. Артисты и музыканты, участвовавшіе въ исполненіи оперы, разсердились на Глинку, такъ

какъ приписывали эту статью самому композитору. На одной изъ послѣднихъ репетицій всѣ исполнители приняли его сухо, на всѣхъ лицахъ была недовольная мина. Петрова накинулась на него въ гнѣвѣ и разразилась упреками. Музыканты начали играть весьма небрежно. Глинка принужденъ былъ оправдываться и прибѣгать къ весьма непріятнымъ убѣжденіямъ.—На одной репетиціи гр. Вельегорскій, прослушавъ первую половину 5 акта, сказалъ Глинкѣ: «любезный другъ, это плохо».—«Откажитесь отъ вашихъ словъ, отвѣчалъ Глинка; быть можетъ, что это не эффектно, но ужъ навѣрное моя музыка не плоха». Всю эту часть 5 акта потомъ выпустили. Сокращеніе дѣлалъ тотъ-же Вельегорскій; онъ нещадно выкраивалъ и урѣзывалъ часто лучшія мѣста, съ самодовольнымъ видомъ приговаривая: «не правда-ли, что я мастеръ дѣлать купюры?»

Вотъ что пишетъ Глинка про первое представленіе «Руслана и Людмилы»: «назначено было 27 ноября 1842 г. для перваго представленія «Руслана и Людмилы». Петрова была нездорова, а роль Ратмира должна была исполнить Петрова-воспитанница, которая была талантливая, но еще слабая и не опытная артистка. Перемѣнить было невозможно, въ особенности потому, что директоръ не любилъ старшую Петрову.

«Не смотря на мучительное чувство, овладѣвавшее мною всякій разъ во время перваго представленія моихъ драматическихъ произведеній, я еще не терялъ надежды на успѣхъ. Первый актъ прошелъ довольно благополучно. Второй актъ прошелъ также не дурно, за исключеніемъ хора въ головѣ.—Въ третьемъ актѣ въ сценѣ—«И жаръ, и зной»—Петрова-воспитанница оказалась весьма слабою и публика замѣтно охладилась.

Четвертый актъ не произвелъ эффекта, котораго ожидали. Въ концѣ-же 5 дѣйствія Императорская фамилія уѣхала изъ театра. Когда опустили занавѣсъ начали меня вызывать, но аплодировали очень недружно, между тѣмъ усердно шикали

и преимущественно со сцены и оркестра. Я обратился къ бывшему тогда въ директорской ложѣ ген. Дубельту съ вопросомъ: «Кажется, что шикаютъ, идти-ли мнѣ на вызовъ?» «Иди, отвѣчалъ генералъ, Христосъ страдалъ болѣе тебя».

Возвратясь изъ театра, мы съ матушкой скрыли нашу досаду, ласково приняли моихъ пріятелей, пріѣхавшихъ къ намъ ужинать. Матушка за мой трудъ подарила мнѣ столоваго серебра на 12 кувертовъ».

На третьемъ представленіи старшая Петрова въ 3-мъ дѣйствіи привела въ восторгъ публику. Раздались звонкія и продолжительныя рукоплесканія, торжественно вызывали сначала Глинку, потомъ Петрову. Вызовы продолжались въ теченіе 17 представленій. Всѣхъ же представленій въ эту зиму опера выдержала 32. Въ великомъ посту Глинка получилъ разовыхъ 3000 р. сер., которые и отдалъ матери на сохраненіе.

Мнѣнія публики, слушавшей оперу, могли выразиться въ журналахъ того времени. Великолѣпіе обстановки поразило всѣхъ безъ изъятія. Обсужденія музыки начались съ нерѣшительности мнѣнія. Черезъ три дня послѣ перваго представленія «Литературная Газета» объявила, что о музыкѣ еще не можетъ высказаться вполнѣ, что при разнородности впечатлѣній музыка новой оперы требуетъ внимательнаго изученія. Та-же газета черезъ недѣлю сообщаетъ: Опера «Русланъ и Людмила», принятая сначала довольно холодно, крѣпко держится на сценѣ. Каждое новое представленіе доставляетъ ей новыхъ поклонниковъ. «Опера написана въ строгомъ и притомъ въ фантастическомъ стилѣ, надо сперва вслушаться въ музыку, чтобы понять мысли и красоты композиціи. Это твореніе серьезное, изложенное въ широкихъ размѣрахъ» Съ перемѣной артистовъ въ дальнѣйшихъ представленіяхъ выдвигалась значительно какая нибудь часть музыки. Петрова дала возможность понять партію: «Ратмира»,

Артемовскій выдвинулъ роль «Руслана», Семенова показала во всемъ блескѣ роль «Людмилы». Въ общемъ газета предсказывала, что «Русланъ» будетъ любимой оперою русской публики, хотя на первыхъ порахъ она и потерпѣла неудачу. Въ томъ-же году «Лит. Газ.» признавала уже оперу не созданіемъ, а просто музыкальнымъ сочиненіемъ. Въ оперѣ, по мнѣнію газеты, нѣтъ общей идеи, частностей много, но онѣ составляютъ длинную цѣпь музыкальныхъ пьесъ. «Взята простая сказка, какъ ее изображаютъ суздальскіе художники, какъ ее няньки разсказываютъ дѣтямъ на сонъ грядущій, со всѣми нелѣпыми ея чудесами, безсвязнымъ ходомъ происшествій и безъ всякаго поэтическаго украшенія... Надо имѣть талантъ М. И. Глинки, чтобы изъ этого сдѣлать что-нибудь, а онъ сдѣлалъ много, очень много, онъ сдѣлалъ чудеса! Но все это сдѣлано, а не родилось изъ вдохновенія, не вылилось изъ неисчерпаемаго источника творчества». Далѣе говорится, что въ «Русланѣ» нѣтъ даже и оперы-то! Это твореніе длинно, скучно; въ немъ нѣтъ «праздничныхъ огней игривыхъ мотивовъ», нѣтъ въ музыкѣ дѣйствія; для композитора большое несчастіе, что онъ потратилъ свои жемчуги на волшебный предметъ. Въ разборѣ отдѣльныхъ частей газета порицаетъ геніальнѣйшія вещи, какъ—«Какое чудное мгновенье», весь 3 актъ названъ лишнимъ, превозносятся слабые номера, какъ первая арія Людмилы, или «Чудный сонъ живой любви»...

«Булгаринъ, говоритъ Глинка, со всевозможной злобой критиковалъ музыку и слова и, что было презабавно, строго разбиралъ преимущественно слова, мною написанныя».

Уже перваго декабря въ «Сѣверной Пчелѣ» появилась статейка, въ которой выражалось будто-бы мнѣніе большинства. Вотъ рельефныя мѣста этой статейки: «Были-ли въ первомъ представленіи «Руслана и Людмилы?» Былъ. А что вы скажете? Декораціи превосходныя. Эти вопросы и отвѣты

слышали мы беспрерывно, на каждомъ шагу, въ первые два дня послѣ перваго представленія этой оперы. О музыкѣ ни полслова! Что же это значитъ, скажите ради Бога! Публика была тиха, холодна и безмолвна во время перваго представленія, и кое-когда и кое-гдѣ раздавались уединенныя рукоплесканія. Не было ни разу общаго увлеченія, не было ни разу общаго восторга, умиленія. Публика молчала и все чего-то ждала, ждала, ждала и не дождалась, разошлась въ безмолвіи, въ какомъ то уныніи, проникнутая горестнымъ чувствомъ... Всѣ пришли въ театръ съ пламеннымъ желаніемъ споспѣшествовать торжеству композитора и всѣ вышли изъ театра, какъ съ похоронъ! Первое слово, которое у каждаго срывалось съ языка: скучно! Композиціи, написанныя для безсмертія, — пусть-бы оставались въ портфелѣ, а публикѣ пусть-бы дали то, что она въ состояніи понимать и чувствовать». Въ дальнѣйшихъ статьяхъ газета мнѣнія свои о новой оперѣ суммировала въ томъ выводѣ, что въ гармоническомъ отношеніи опера имѣетъ высокія достоинства, но въ мелодіи она ниже «Жизни за Царя» и что, какъ технически ученое сочиненіе, она прибавила автору много славы и приверженцевъ.

Послѣ первыхъ мало удачныхъ представленій друзья и печатно и устно совѣтовали Глинкѣ сдѣлать сокращенія въ оперѣ. Онъ на все соглашался, что ему ни указывали, какъ-будто отступился отъ своего любимаго творенія, предоставивъ одному изъ своихъ друзей перекраивать и обрѣзывать оперу по своему. Опера лишилась многихъ геніальныхъ и совершеннѣйшихъ частей своихъ, а публика не больше прежняго стала понимать ее, не симпатизировала музыкѣ, мирилась съ нею изъ-за великолѣпной обстановки, декорацій, костюмовъ; опера оставалась терпимою. Иное въ этой оперѣ нравилось, другое не ловко было осуждать, какъ принятое превосходнымъ со стороны присяжныхъ знатоковъ. Кромѣ того за Глинкою упрочилась слава перваго русскаго композитора,

нельзя было ей противорѣчить, а опера все-же не могла нравиться массѣ; мнѣніе всѣхъ получалось одно, что «Русланъ и Людмила» — сочиненіе неудавшееся. Самые друзья Глинки мало понимали истинное значеніе его новой оперы. Одинъ изъ преданныхъ и талантливыхъ друзей его, проведя нѣсколько дней и ночей надъ партитурами «Руслана» и другихъ сочиненій, съ которыми онъ сравнивалъ «Руслана», написалъ пламенный дифирамбъ въ честь Глинки и напечаталъ свою статью въ «Библіотекѣ для чтенія». «Глинка, говорится въ этой статьѣ, поставилъ себя этою оперою въ ряду первыхъ композиторовъ всего міра и рядомъ съ первѣйшими изъ нихъ. «Русланъ и Людмила» одно изъ тѣхъ высокихъ музыкальныхъ твореній, которыя никогда не погибаютъ и на которыя могутъ указывать съ гордостью искусства великаго народа. «Русланъ и Людмила» chef d'oeuvre въ полномъ смыслѣ слова отъ первой до послѣдней ноты. Это прекрасно, величественно, безподобно. Никто лучше нашего русскаго композитора не владѣлъ и не владѣетъ оркестромъ; никто не развивалъ въ одномъ сочиненіи такого множества смѣлыхъ, счастливыхъ и оригинальныхъ мыслей, никто не посягалъ на такія гармоническія трудности и не преодолѣвалъ ихъ такъ удачно; ни въ одной оперѣ не найдется такого разнообразія красотъ, раждающихся одна изъ другой безконечной цѣпью... Инструментовка «Руслана и Людмилы» можетъ быть названа безпрерывной цѣпью чрезвычайно ученыхъ соображеній и счастливыхъ новостей въ модуляціяхъ и въ употребленіи самыхъ инструментовъ. Всякій знатокъ признаетъ, что изъ нынѣшнихъ композиторовъ никто не сравнится съ Глинкою въ инструментовкѣ. Это настоящая картина великаго художника. Это краска на палитрѣ Брюллова». Въ этой статьѣ однако авторъ не избѣгъ одностороннихъ сужденій, какія тогда высказывались приверженцами Глинки. Вся опера признается колоссальнымъ созданіемъ, межъ тѣмъ многіе номера признаны длинными, скучными, даются совѣты

нѣкоторыя вещи выкинуть, другія сократить. Авторъ восторгается нѣкоторыми слабыми мѣстами и ставитъ ихъ на ряду съ безсмертными частями. Не смотря на все это, благодаря статьѣ опера Глинки была поставлена на настоящее мѣсто въ ряду музыкальныхъ произведеній, при самомъ появленіи.

Изъ почитателей Глинки Сеньковскій постоянно защищалъ его очень умно и ловко. Одинъ зоилъ обращаясь къ директору Гедеонову, сказалъ: «какъ жаль, что вы издержали такъ много на постановку оперы Глинки, вѣдь она не пойдетъ».—«Совсѣмъ нѣтъ, отвѣчалъ Гедеоновъ, я не жалѣю и увѣренъ, что она прекрасно пойдетъ, а вы напишите лучше!»

Листъ во второй разъ былъ въ Петербургѣ, слышалъ новую оперу Глинки и вѣрно чувствовалъ всѣ замѣчательныя мѣста. Онъ успокоивалъ нашего композитора на счетъ успѣха. Онъ говорилъ, что, если-бы и въ Парижѣ опера выдержала 32 представленія въ одну зиму, то могла-бы считаться удачною. Въ день отъѣзда Листа ужинали у гр. Кутузова, былъ тамъ и Глинка. Зашла рѣчь объ его оперѣ. Графъ М. Вьельгорскій опять сказалъ: «любезный другъ, это неудавшаяся опера». Глинка просилъ вниманія у присутствующихъ.

— «Господа, сказалъ онъ, я считаю графа однимъ изъ наилучшихъ музыкантовъ, какихъ я только встрѣчалъ; теперь, положа руку на сердце, скажите мнѣ, графъ, подписали-ль бы имя ваше подъ этой оперой, если-бы ее написали?

— Конечно, охотно—отвѣчалъ графъ.

— «Такъ позвольте-жъ и мнѣ быть довольнымъ трудомъ моимъ», заключилъ композиторъ Странное положеніе занялъ Михаилъ Ивановичъ, написавъ свою знаменитую оперу. Онъ долженъ былъ сравнивать ее съ музыкальнымъ талантомъ безвѣстнаго графа, высчитывать число представленій, чтобъ убѣдиться, что его опера не окончательно безталанна.

Зиму и первую половину 1843 г. Глинка такъ же проводилъ, какъ и до постановки «Руслана»—въ кругу ху-

дожниковъ и близкихъ друзей. Въ числѣ ихъ опять былъ К. Брюлловъ. Жили беззаботно, весело,—въ складчину. Глинка, хотя и продолжалъ сочинять («Люблю тебя милая роза», «Къ ней»), но не былъ счастливъ и доволенъ. Артистическія и домашнія непріятности повергли его въ полнѣйшее равнодушіе. Въ Петербургѣ появилась итальянская опера, а «Руслана» забыли. Тоска и скука бездѣйствія увеличились еще отъ физическихъ страданій. Зимою въ 1844 г. онъ страдалъ ревматизмомъ и весной того-же года началъ приготовляться за границу. Передъ отъѣздомъ въ день своего ангела (21 мая) онъ получилъ статью, напечатанную за границей по поводу послѣдней оперы. «Эта статья, говоритъ Глинка, меня обрадовала; ни одинъ изъ моихъ соотечественниковъ не отзывался до тѣхъ поръ обо мнѣ въ такихъ лестныхъ выраженіяхъ».

XII.

Въ Парижѣ и Испаніи.

Не желая ѣхать одинъ, Глинка упросилъ отправиться съ нимъ Ѳ. Гедеонова. Конечнымъ пунктомъ путешествія намѣченъ былъ Парижъ. Въ іюнѣ 1844 года путешественники покинули Петербургъ и только на нѣсколько дней остановились въ Берлинѣ. Здѣсь Глинка показывалъ партитуры своихъ оперъ бывшему своему учителю Дену. Послѣдній остался чрезвычайно доволенъ терцетомъ изъ «Жизни за Царя»: «Не томи, родимый».—Огромные семи-этажные дома Парижа, не обыкновенное движеніе на улицахъ пріятно поразили Глинку. Въ концѣ іюля были праздники и иллюминаціи. Наши путешественники едва не были раздавлены въ толпѣ. Ихъ спасъ одинъ французъ, бывшій въ Петербургѣ; онъ же носилъ Михаила Ивановича на плечахъ по большой аллеѣ Елисейскихъ полей, чтобъ виднѣй была иллюминація. Въ срединѣ сентября Глинка въ письмѣ къ матери восхищается парижскимъ небомъ и погодою, сообщаетъ о своемъ предположеніи издать нѣсколько романсовъ на французскомъ языкѣ. «Меня здѣсь, пишетъ онъ, знаютъ по имени всѣ лучшіе музыканты, остается только познакомить публику съ моими сочиненіями». Отъ 28 сентября онъ упоминаетъ уже о

болѣзни, хандрѣ, но Парижемъ остается доволенъ, даетъ прекрасный отзывъ объ итальянской оперѣ. «Французы весьма умѣренны въ жизни; картъ и преферанса здѣсь не знаютъ, пьютъ очень мало, и болѣе пиво и легкое вино; шампанское не въ употребленіи. Здѣсь много русскихъ, между ними и моихъ прежнихъ пріятелей; мы часто видимся.—Прогулка, театры, а иногда дружескія бесѣды разнообразятъ жизнь и не даютъ скукѣ овладѣвать мною, какъ то бывало въ Петербургѣ».

Вскорѣ Михаилъ Ивановичъ задумалъ путешествовать въ Испанію и, не смотря на парижскія развлеченія, даже свои артистическіе успѣхи, не успокоился до тѣхъ поръ, пока не привелъ своей мысли въ исполненіе. Взятъ былъ испанецъ для уроковъ испанскаго языка; въ первую же лекцію учитель объяснилъ всѣ особенности своего нарѣчія. Глинка принялся за переводъ «Жильблаза» съ французскаго на испанскій, записывалъ переводъ, поправленное учителемъ переписывалъ набѣло, прочитывалъ нѣсколько разъ вслухъ, привыкая къ испанскимъ оборотамъ. Въ тоже время композиторъ читалъ испанскую комедію, разные литературные отрывки, скоро началъ понимать испанскій языкъ и даже говорить на немъ. Въ письмѣ къ матери отъ 4 ноября 1844 г. Глинка начинаетъ уже жалобы на сырость и пасмурное небо осенняго Парижа, на тоску съ горькими воспоминаніями. «Болѣе всего меня влечетъ въ Испанію. Это давнишняя мечта моей юности. Еще въ Италіи четырнадцать лѣтъ тому назадъ, я намѣренъ былъ посѣтить этотъ любимый край, и уже тогда началъ учиться испанскому языку; холера помѣшала мнѣ...» Въ дальнѣйшихъ письмахъ Глинка не перестаетъ жаловаться на парижскій климатъ, на сырость, мрачность, холодъ... «Если нѣкоторые называютъ войлокомъ петербургское небо, то нельзя придумать названія туманному и безцвѣтному небу Парижа зимой». Парижъ городъ эгоизма и разсчета. «Деньги все: васъ осыпаютъ ласковыми рѣчами

даромъ, сколько угодно, а безъ разсчету никто не сдѣлаетъ ни шагу». Музыканты принимали его весьма холодно, безъ искренности, съ сухой вѣжливостью. «Писать для здѣшнихъ театровъ не вижу возможности. Интригъ здѣсь болѣе, чѣмъ гдѣ-либо, а сверхъ того, живя за границей, я болѣе и болѣе убѣждаюсь въ томъ, что я душею русскій и мнѣ трудно поддѣлываться подъ чужой ладъ». Переводъ романсовъ не состоялся.

Въ Парижѣ Глинка ничего не сочинялъ, много читалъ и переводилъ съ испанскаго, часто сходился съ знакомыми испанцами, давалъ уроки тремъ молодымъ француженкамъ, веселость ихъ развлекала его, а милый парижскій лепетъ доставлялъ его музыкальному уху такое же наслажденіе, какъ настоящая импровизированная музыка. Бывалъ Глинка въ дружескихъ кружкахъ; пѣли, танцевали, веселились безъ церемоній и претензій. Кн. Голицынъ познакомилъ Глинку съ Берліозомъ, который обошелся съ нашимъ композиторомъ чрезвычайно ласково; большинство же парижскихъ артистовъ отличались невыносимой надменностью. Глинка посѣщалъ Берліоза три раза въ недѣлю и проводилъ у него время въ бесѣдахъ о музыкѣ.

Въ мартѣ Берліозъ далъ два концерта—монстръ. Ему понравилась «Лезгинка» Михаила Ивановича, который передѣлалъ ее на одинъ оркестръ. Пѣвицу Соловьеву, находившуюся тогда въ Парижѣ, уговорили спѣть каватину оп. «Жизнь за Царя»—«Въ поле чистое гляжу.» Концертъ въ письмѣ къ матери (1 марта 1845) Глинка описываетъ такъ: «наконецъ, я дебютировалъ въ Парижѣ и, благодаря Бога, благополучно, 16 марта. Я разсчитывалъ заранѣе, что «Лезгинка», какъ въ Россіи, произведетъ и здѣсь огромный эффектъ, и мало надѣялся на Соловьеву, и не мало струсилъ, когда при началѣ аріи она оробѣла и сбилась. Но такъ какъ я по совѣту Берліоза находился подлѣ нея и, не смотря на внутреннее безпокойство, не потерялъ присутствія духа, то,

не теряя времени далъ знакъ Берліозу, чтобъ онъ началъ арію съизнова, подсказалъ Соловьевой въ опасномъ мѣстѣ, и она поправилась и пропѣла арію такъ хорошо, что ее нѣсколько разъ прерывали аплодисментами и, наконецъ, оглушили рукоплесканіями. «Лезгинка» не произвела желаемаго впечатлѣнія, однакожь очень понравилась музыкантамъ. Время было ужасное; публики было немного.»

Глинка задумалъ самъ дать концертъ, выбралъ все «пріятныя» пьесы, пригласилъ нѣсколько артистовъ. Вышла афишка самая пестрая. Тутъ была увертюра «Семирамиды», варьяціи на русскія темы и др.; изъ глинкинской музыки исполнили «Краковякъ», «маршъ Черномора» «Valse-Fantaisie. Хлопотъ и заботъ было безъ конца. Концертъ сошелъ очень удачно; только Соловьева была не въ голосѣ и оробѣла до того, что, пропѣвъ итальянскій дуетъ очень плохо, не могла продолжать. Дѣло поправилъ Маррасъ (теноръ), возбудившій въ слушателяхъ восторгъ. Зала была полна. Для покрытія расходовъ Глинка занялъ 1500 франковъ, которые однако не окупились. Итакъ Глинка былъ первый русскій композиторъ, который познакомилъ парижскую публику съ своимъ именемъ и своими произведеніями, написанными въ Россіи и для Россіи.

Весной того же года Михаилъ Ивановичъ получилъ пріятныя вѣсти изъ Россіи. Въ маѣ онъ пишетъ матери въ деревню: «Віардо пѣла по русски арію изъ «Руслана»—«О, мой Ратмиръ» въ концертѣ въ присутствіи Императрицы и двора и произвела огромный эффектъ, такъ что заставили повторить. Сверхъ того Віардо, Рубини и Тамбурини въ каждомъ почти концертѣ поютъ тріо изъ «Жизни за Царя»: «Не томи родимый» по итальянски. Б. пишетъ, что театръ всегда полонъ, когда на афишѣ тріо Глинки.—Два купца принесли двойную сумму за концертъ и просили, чтобъ ихъ пустили въ залу послушать, какъ итальянцы поютъ ихъ любимую пѣсенку изъ Руслана. Эти дружескія извѣстія восхитили меня;

я радъ, что это торжество случилось въ мое отсутствіе...» Русскіе студенты медицинскаго факультета, находившіеся въ Парижѣ устроили въ честь Глинки праздникъ и поднесли ему вѣнокъ по случаю торжества его въ Россіи. Берліозъ 16 апрѣля 1845 г. напечаталъ въ Journal des Débats пространную статью: Michel de Glinka. Въ ней сообщена короткая, но весьма вѣрная біографія Глинки. Берліозъ смѣло высказалъ, что «Русланъ и Людмила» въ ряду художественныхъ произведеній стоитъ выше «Жизни за Царя». «Талантъ автора, говоритъ онъ, является здѣсь зрѣлѣе и могущественнѣе. «Русланъ» безъ сомнѣнія есть шагъ впередъ, новая фаза въ развитіи Глинки. Въ первой его оперѣ («Жизнь за Царя») сквозь мелодіи, запечатлѣнныя свѣжимъ и правдивымъ колоритомъ національности, слышно было всетаки вліяніе Италіи; во второй же оперѣ, когда обратишь вниманіе на важную роль оркестра въ ней, на красоту гармонической основы, на мастерство инструментовки, чувствуешь напротивъ вліяніе Германіи. Талантъ Глинки въ высшей степени гибокъ и разнообразенъ; его стиль обладаетъ рѣдкимъ свойствомъ подвергаться превращеніямъ, по волѣ композитора, смотря по требованіямъ и характеру сюжета. Онъ становится простымъ, наивнымъ, и однакоже никогда не унижается до оборотовъ пошлыхъ. У его мелодій есть какіе-то неожиданные звуки, періоды прелестной странности. Онъ великій гармонистъ; оркестръ его есть одинъ изъ самыхъ новыхъ и свѣжихъ оркестровъ нашего времени. Глинка обладаетъ замѣчательною мелодическою оригинальностью; и если композиторъ обладаетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, примѣчательною гармоніею и прекрасною инструментовкою, рѣшительною, отчетливою и колоритною, то онъ вполнѣ имѣетъ право занять мѣсто въ ряду отличнѣйшихъ композиторовъ своего времени. Авторъ «Руслана» именно таковъ.» О Глинкѣ писали и многіе другіе парижскіе журналы. Какое великое произведеніе создано было у насъ въ «Русланѣ» русская публика узнала изъ фран-

цузскихъ газетъ черезъ три года. Въ Россіи же геніальный композиторъ своими соотечественниками признанъ не былъ. Во истинну—ни единъ же пророкъ бываетъ во отечествіи своемъ! Въ парижскомъ журналѣ Corsaire Satan (24 мая 1845) сообщалось: «даже для соотечественниковъ автора, это было точно открытіе. При исполненіи этихъ великихъ артистовъ (итальянскихъ, пѣвшихъ въ Петербургѣ музыку Глинки) г. Глинка, конечно, скоро завоюетъ себѣ мѣсто на ряду съ самыми уважаемыми композиторами и его сочиненія скоро будутъ оцѣнены по своему достоинству.» Въ письмѣ къ Н. Кукольнику Михаилъ Ивановичъ такъ говоритъ о результатахъ пребыванія своего въ Парижѣ: «Въ итогѣ я чрезвычайно доволенъ своимъ путешествіемъ. Парижъ, городъ чудесный—разнообразіе умственныхъ наслажденій неистощимо, жить можно, какъ хочешь, и я не помню эпохи въ своемъ существованіи пріятнѣе этихъ послѣднихъ мѣсяцевъ.» Сообщая о намѣреніи ѣхать въ Испанію, говоритъ: «Увижу на мѣстѣ, можно-ли затѣять оперу въ испанскомъ родѣ, во всякомъ случаѣ постараюсь передать въ звукахъ свои впечатлѣнія.»

Въ половинѣ мая 1845 г. Глинка выѣхалъ изъ Парижа, когда получено было имъ согласіе матери на поѣздку въ Испанію. «Я вступилъ въ Испанію, пишетъ онъ, 20 мая въ самый день моего рожденія и былъ въ совершенномъ восторгѣ». Спутникомъ его былъ испанецъ, Донъ Santigao съ девятилѣтней дочкой. Рѣшились провести лѣто въ Вальядолидѣ, поселившись у сестры Don Santigao. Глинкѣ отвели двѣ опрятныхъ комнаты. Онъ продолжалъ изучать испанскій языкъ и въ короткое время началъ свободно говорить по испански; ѣздилъ каждый день верхомъ по окрестностямъ города. По вечерамъ къ нимъ собирались сосѣди, сосѣдки и знакомые; пѣли, плясали и бесѣдовали. Сынъ одного негоціанта бойко игралъ на гитарѣ, особенно аррагонскую хоту. «Вечеромъ, пишетъ Глинка изъ этого города (4 іюля 1845), большею частью посѣщаю знакомыхъ, играю на фортепіано, съ гита-

рами и скрипками, а когда остаюсь дома, собираются у насъ, и мы поемъ національныя испанскія пѣсни хоромъ и танцуемъ, какъ давно со мною не случалось». Оттуда же онъ пишетъ 6 іюля: «Въ музыкальномъ отношеніи представляется много любопытнаго, но отъискать эти народныя пѣсни не легко, еще труднѣе уловить національный характеръ испанской музыки. Все это даетъ пищу моему безпокойному воображенію.»

Въ сентябрѣ съ семьей дона Santjago отправились въ Мадридъ, наняли маленькую, но уютную квартиру въ самомъ центрѣ города. Съ перваго взгляда Мадридъ нашему путешественнику не понравился, онъ узналъ и вѣрнѣе оцѣнилъ его только впослѣдствіи; оркестромъ главнаго театра остался такъ доволенъ, что рѣшился написать, что-нибудь въ испанскомъ родѣ. Результатомъ этой рѣшимости была «аррагонская хота», принадлежащая къ числу лучшихъ и оригинальнѣйшихъ произведеній Глинки. Изъ плясовой мелодіи въ хотѣ разрослось цѣлое великолѣпное фантастическое дерево. Оркестръ причудливъ, замысловатъ и между тѣмъ свѣтелъ; онъ поражаетъ неожиданнымъ и чѣмъ-то никогда не слыханнымъ. Въ хотѣ много восточнаго колорита, она дышетъ роскошью красокъ и очарованіемъ фантазіи. По окончаніи хоты Глинка продолжалъ изучать испанскую музыку. Къ нему ходилъ одинъ погонщикъ муловъ и пѣлъ народныя пѣсни. Михаилъ Ивановичъ старался уловить ихъ и положить на ноты. Особенно ему понравились двѣ сегидильи ламанчскія и потомъ послужили для второй испанской увертюры. Посѣщалъ онъ также бой быковъ. Первое впечатлѣніе было какое-то дико-странное; потомъ эта кровавая драма, гдѣ каждый участвующій находится ежеминутно въ опасности, занимала Глинку. Про жизнь въ Мадридѣ онъ пишетъ: «надѣюсь, что моя страсть къ Испаніи будетъ благопріятна моему вдохновенію, а благосклонность, которую мнѣ не перестаютъ оказывать во всѣхъ случаяхъ, не измѣнится при мо-

емъ дебютѣ... Буду продолжать сочинять въ стилѣ, совершенно отличномъ отъ стиля прежнихъ моихъ произведеній (8 сентября 1845). — Живу спокойно и пріятно, отыскалъ пѣвцовъ и гитаристовъ, поющихъ и играющихъ отлично-хорошо національныя испанскія пѣсни. По вечерамъ приходятъ играть и пѣть и я перенимаю ихъ пѣсни и записываю въ особенной для этого книжкѣ (21 окт. 1845)».

Въ концѣ ноября Глинка съ семьей того-же дона Сантьяго отправился въ Гранаду. Въ окрестностяхъ этого города наняли за 50 р. асс. двухэтажный домикъ съ бельведеромъ; около дома въ террасовидномъ саду были фонтаны и бассейнъ въ видѣ огромной ванны. Были плодовыя деревья. Почти всю зиму каждый день обѣдали въ саду и нерѣдко въ лѣтнихъ сюртукахъ. Домъ былъ на возвышеніи. По вечерамъ Глинка спускался въ городъ къ знакомымъ, гдѣ были танцы и пѣсни. Въ Гранадѣ ему отыскали молодую миловидную андалузянку, которая славилась пѣніемъ народныхъ пѣсенъ. «Ей было лѣтъ 20, говоритъ Глинка, она была небольшаго роста, интересной физіономіи, сложенія крѣпкаго. Ножка ея была дѣтская, голосъ очень пріятный. Ее звали Lola». У Лолы Глинка учился испанскому пѣнію, старался образовать ея голосъ, но разстался съ ней, убѣдившись, что артистки изъ ней никогда не выйдетъ. Въ южной испаніи Глинка не пропускалъ вообще ни одного случая слушать всякихъ извѣстныхъ народныхъ пѣвцовъ и пѣвицъ, даже самъ учился національнымъ пляскамъ. Въ январѣ онъ беретъ уроки у танцевальнаго учителя три раза въ недѣлю, по 10 франковъ въ мѣсяцъ.

Весь 1846 и первую половину 1847 г. Михаилъ Ивановичъ пробылъ въ Мадридѣ и Севильѣ.—Вездѣ онъ восхищался природой, вездѣ благословлялъ судьбу и прислушивался къ звукамъ испанской національной музыки. Поставить на сценѣ мадридскаго театра своихъ произведеній ему не удалось, хотя желаніе было. Изъ Гранады въ 1846 г. онъ

писалъ: «Спѣшу въ Мадридъ, чтобы начать свои музыкальныя предпріятія; уже до моего отъѣзда все было прилажено для моего дебюта». Но Глинка имѣлъ враговъ въ итальянцахъ. Итальянцы въ то время были идолами моды, они завладѣли лучшимъ мадридскимъ театромъ и испанской публикой. Даже испанскія сочиненія Глинки не были исполнены въ Испаніи, только тріо «Не томи, родимый» было выполнено въ ноябрѣ 1846 г. въ придворномъ концертѣ.

Въ маѣ 1846 г. Михаилъ Ивановичъ познакомился съ молодымъ испанцемъ, дономъ Педро. Этотъ его знакомый обладалъ кой-какими музыкальными знаніями и предназначалъ себя для музыкальной карьеры. Съ дономъ Педро отправились въ Севилью. Благодаря Педро, составилось немедленно нѣсколько новыхъ знакомствъ. На первыхъ-же порахъ пребыванія нашихъ путниковъ въ Севильѣ, имъ доставленъ былъ случай видѣть пляску, исполненную лучшими танцовщицами. Между ними Анита была необыкновенно хороша и увлекательна, въ особенности въ цыганскихъ танцахъ. — Зима съ 1846 г. на 1847 была проведена пріятно. Посѣщали танцевальные вечера у Феликса и Мигеля. Здѣсь лучшіе національные пѣвцы отличались мотивами въ восточномъ вкусѣ, а танцовщицы ловко выплясывали; казалось, что слышались три разныхъ ритма: пѣніе шло само по себѣ, гитара отдѣльно, а танцовщица ударяла въ ладоши и пристукивала ногой, казалось, совсѣмъ отдѣльно отъ музыки.

Лѣтомъ 1847 г. Михаилъ Ивановичъ оставилъ Испанію; онъ увезъ изъ «этой благодатной страны» только богатый запасъ національныхъ мелодій и самыя счастливыя воспоминанія. Съ новымъ своимъ знакомымъ—дономъ Педро, который сопровождалъ его изъ Испаніи, онъ не разлучался до 1856 года. Вообще Глинка никогда не путешествовалъ одинъ. Ему всегда нужна была нянька. Этой нянькой, смотря по обстоятельствамъ, у него были то мать, то родственники, или пріятели. Въ Испаніи было то-же самое. Рекомендаціи шли

одна за другой. Глинку сдавали съ рукъ на руки изъ одного города въ другой; это удавалось легко, такъ какъ онъ тратилъ деньги щедрой рукой. Донъ-Педро занялъ середину между близкимъ человѣкомъ, пріятелемъ, или родственникомъ и преданнымъ слугою; онъ акомпанировалъ своему патрону на фортепіано, или гитарѣ, переписывалъ ноты и не надоѣдалъ излишними музыкальными претензіями. Такая необходимость быть всегда подъ охраною нянекъ вытекала отчасти отъ обычной болѣзненности Глинки, но болѣе всего отъ полной его неспособности вникать во всѣ детали практической жизни. Нянька нужна была затѣмъ, чтобы нести на себѣ всю обузу матеріальныхъ хлопотъ и будничныхъ мелочей.

XIII.

Опять на родинѣ. Третье путешествіе за границу.

Мать Глинки была уже въ преклонныхъ лѣтахъ, страдала глазами и сильно желала до смерти увидѣть еще дорогаго сына. Только настойчивыя просьбы ея побудили Глинку покинуть Испанію. Быстро проѣхавъ Европу, онъ былъ уже въ Новоспасскомъ въ концѣ іюля 1847 г. Жилось сначала весело. Собирались ближайшіе родственники, ѣздили верхомъ и въ экипажахъ, гуляли и забавлялись. Скоро, однако, у Глинки стали пропадать аппетитъ и сонъ. Онъ принялся за гимнастику; топоромъ рубилъ лишнія липы въ саду, чтобъ дать просторъ дубамъ и вязамъ, но этимъ только надсадилъ себя; сначала сталъ чувствовать болѣзненное ощущеніе въ желудкѣ, потомъ сдѣлалось сильное нервное раздраженіе. Невыразимо мучительное замираніе въ животѣ со страхомъ смерти терзало Глинку, какъ въ Венеціи въ 1833 г. Эта болѣзнь вынудила его остаться въ Смоленскѣ на всю зиму. Въ распоряженіи его былъ рояль, которымъ снабдилъ его полковникъ Романусъ. Въ память признательности Глинка сочинилъ и посвятилъ Романусу двѣ фортепіанныя пьесы Souvenir d'une mazurca и la Barcarole, которыя потомъ были изданы подъ названіемъ «Привѣтъ отчизнѣ».

Однажды композитора донъ-Педро оставилъ одного въ сумерки; Михаилъ Ивановичъ почувствовалъ такую глубокую тоску, что среди рыданій молился умственно и импровизовалъ молитву безъ словъ для фортепіано, которую посвятилъ Педро. Къ этой молитвѣ подошли слова Лермонтова: «Въ минуту жизни трудную». Жилъ Глинка у родственниковъ; часть зимы съ нимъ провела сестра Людмила Ивановна, утѣшавшая его въ страданіяхъ. Онъ безвыходно сидѣлъ дома, утромъ сочинялъ. Кромѣ названныхъ пьесъ имъ были сочинены въ Смоленскѣ: варіаціи на шотландскую тему, романсъ «Милочка», мелодія котораго взята изъ «Хоты», романсъ: «Ты скоро меня позабудешь». Сестра читала Глинкѣ по русски и по французски, донъ-Педро по испански. По вечерамъ приходили знакомые; составлялся кружокъ искренно преданныхъ друзей. Больного часто забавлялъ преферансъ, въ который играли его сестра, докторъ Строгоновъ и аптекарь Мего. Сестра играла скоро, Строгоновъ ловко, Мего съ неподражаемой флегмой весьма часто долго-долго соображалъ: прикупать-ли ему, или нѣтъ; эти долгія соображенія всегда почти оканчивались словомъ—«пасъ». Въ концѣ января 1848 г. эта тихая жизнь прекратилась. Вопреки желанію Глинки въ честь его состоялся парадный обѣдъ въ залѣ дворянскаго смоленскаго собранія. Знаменитаго земляка въ залѣ встрѣтили смоленскіе сановники, предводитель и главные старшіе чиновники подъ звуки оркестра, игравшаго польскій изъ «Жизни за Царя». За обѣдомъ посадили Михаила Ивановича на главное мѣсто между губернаторомъ и губернскимъ предводителемъ. Обѣдъ, отличавшійся великолѣпіемъ, описанъ былъ подробно въ «Сѣверной Пчелѣ». Послѣ этого обѣда Глинка каждый день былъ на балахъ и вечерахъ, не разъ пѣлъ и игралъ на фортепіано. Разсѣянная жизнь еще болѣе раздражила нервы, Глинка впалъ въ дикое отчаяніе и упросилъ сестру выпроводить его въ Варшаву.

Изъ Варшавы Глинка хотѣлъ было уѣхать за границу, но ему отказали. Разъискивая съ дономъ-Педро квартиру,

они встрѣтили кн. Паскевича, который ѣхалъ верхомъ, окруженный казаками. Педро не зналъ князя и смотрѣлъ на него, не снимая фуражки. Свѣтлѣйшій наскакалъ на нашихъ путниковъ съ бѣшенствомъ и едва не сбилъ Михаила Ивановича съ ногъ. «Это меня взбѣсило, говоритъ онъ, и я, помнится, хотѣлъ уѣхать изъ Варшавы, но какъ то дѣло обошлось, при томъ же я занемогъ —Князь Паскевичъ, узнавъ, что онъ наскакалъ на меня и, желая загладить это, нерѣдко приглашалъ меня къ себѣ на обѣдъ и принималъ меня необыкновенно ласково, сажалъ за столомъ подлѣ себя и самъ угощалъ меня виномъ, особенно кахетинскимъ, которое я очень люблю». Князь просилъ его заняться съ его оркестромъ. Глинка далъ капельмейстеру князя испанскій танецъ «халео». Музыка очень понравилась свѣтлѣйшему, онъ приказывалъ ее часто играть въ присутствіи гостей; подъ ту-же музыку танецъ «халео» поставили на сценѣ Варшавскаго театра. Разучили польскій изъ «Жизни за Царя» съ хоромъ и знаменитый хоръ изъ «Ифигеніи въ Тавридѣ» —Глюка «Les fureurs d'Oreste. Музыку Глюка Глинка въ первый разъ услышалъ въ исполненіи въ Варшавѣ и съ тѣхъ поръ началъ изучать ее. Тогда-же онъ написалъ попури на оркестръ изъ 4 испанскихъ мелодій. Оркестръ князя не дурно исполнялъ эту пьесу.

Осенью появилась холера въ Варшавѣ. Глинка изъ предосторожности засѣлъ въ комнатѣ и ревностно принялся за сочиненія. Написаны были романсы: «Слышу-ли голосъ твой» —слова Лермонтова, «Заздравный кубокъ»—Пушкина и «Маргарита» изъ «Фауста» Гете. Случайно онъ нашелъ сближеніе между свадебной пѣснью: «Изъ за горъ, горъ, высокихъ горъ» и плясовой, всѣмъ извѣстной «Камаринской». — «Вдругъ, говоритъ онъ, фантазія моя разъигралась и я написалъ пьесу на оркестръ, подъ именемъ «Свадебная и плясовая». Я могу увѣрить, что руководствовался при сочиненіи этой пьесы, единственно внутреннимъ музы-

кальнымъ чувствомъ, не думая ни о томъ, что происходитъ на свадьбахъ, ни какъ гуляетъ нашъ православный народъ, и какъ можетъ запоздалый пьяный стучать въ дверь, чтобъ ему отворили. Не смотря на это, Ѳ. Толстой на репетиціи «Камаринской» (какъ я впослѣдствіи назвалъ эту пьесу) самъ говорилъ мнѣ, что онъ, объясняя Государынѣ Императрицѣ мою камаринскую, въ послѣдней части этой пьесы, а именно, гдѣ сперва волторны держатъ педаль на Fis а потомъ трубы на C, сказалъ Ея Величеству, что это мѣсто изображаетъ, какъ пьяный стучится въ дверь избы. Это соображеніе мнѣ кажется пріятельскимъ угощеніемъ, которымъ не разъ потчуютъ въ жизни».

Всѣ пьесы, написанныя въ Варшавѣ, можно считать результатомъ путешествія въ Испанію. Для Глинки наступилъ опять періодъ художественнаго настроенія, какъ и передъ твореніемъ «Жизни за Царя» и позднѣе передъ созиданіемъ «Руслана и Людмилы». Романсы и мелкія пьесы у него всегда являлись какъ-бы первыми пробами болѣе значительныхъ произведеній. Въ Глинкѣ созрѣвали силы для созданія третьяго великаго произведенія, которое, быть можетъ, стояло-бы выше «Руслана и Людмилы». Въ мелкихъ сочиненіяхъ его послѣ поѣздки въ Испанію есть прекрасныя формы, какихъ не встрѣчается во всѣхъ прежнихъ произведеніяхъ. Инструментальныя вещи послѣдняго періода заставляли предполагать новую будущность для художественной дѣятельности нашего великаго композитора. Онѣ являются совершенною новостью въ ряду всего созданнаго имъ и обѣщаютъ ту музыку, о которой онъ самъ говоритъ въ письмахъ изъ Испаніи. «Камаринская», немедленно послѣ своего появленія, стала извѣстной и любимой во всѣхъ слояхъ русскаго общества, она проникла въ массу съ необыкновенной быстротой, что указываетъ, какимъ еще яркимъ блескомъ сіяла звѣзда нашего музыкальнаго генія и какъ рано было еще ждать, что эта звѣзда скоро уклонится отъ своего зенита. По возвращеніи на роди-

ну Михаилъ Ивановичъ не произвелъ уже того великаго творенія, къ которому тогда направлялись всѣ его силы. Послѣдніе годы его жизни являются мучительной борьбой стремленія создать это великое твореніе съ безнадежностью выполнить задуманное. Причины обезсилѣнія творческаго таланта указываютъ слѣдующія: болѣзни и года, которые начинали давать себя чувствовать,—отсутствіе товарищей и прежнихъ друзей-сверстниковъ, съ которыми разлучили его время и смерть; справедливое чувство гордости, въ которомъ онъ былъ глубоко уязвленъ непониманіемъ и равнодушіемъ толпы къ послѣднему великому произведенію; это оскорбленіе, нанесенное народному генію равнодушной толпой, было чувствительнѣй и глубже потрясло его, чѣмъ физическія его страданія. Въ Испаніи Глинка отдохнулъ сердцемъ и душой, гдѣ ему было особенно хорошо, «быть можетъ именно потому (писалъ онъ много разъ), что тамъ никто его не трогаетъ». Возвратился онъ на родину съ запасомъ новаго матеріала и всѣ прежнія его страданія возобновились; годы и усталость довершили остальное, но не могли убить въ немъ окончательно художественныхъ замысловъ, не покидавшихъ его до самой смерти.

Зиму на 1849 г. Глинка провелъ въ Петербургѣ, а весной опять переѣхалъ въ Варшаву, гдѣ онъ ожидалъ встрѣтить много удовольствій. Ожиданія не оправдались. Глинка началъ чувствовать припадки хандры. Глубокія музыкальныя наслажденія, доводившія его иногда до слезъ, онъ ощущалъ въ евангелической церкви отъ игры на органѣ. Хандра въ концѣ лѣта привела къ жесточайшимъ припадкамъ апатіи; большую часть дня онъ проводилъ дома, лежа на диванѣ. Нѣжная привязанность къ одной молодой полькѣ, которая ему нравилась, на время побудила его выйти изъ апатіи. Въ короткое время онъ написалъ три романса: «О, милая дѣва», «Адель» и «Мери.» Глинка много пѣлъ въ это время, производя фуроръ, какъ среди знакомыхъ ему офицеровъ, такъ и

въ семействѣ его возлюбленной. Она учила его по польски и сама училась отъ него пѣнію

Въ слѣдующемъ 1850 г. Глинка писалъ отъ 26 марта: «Многіе упрекаютъ меня въ лѣности: пусть эти господа займутъ мое мѣсто на время, тогда убѣдятся, что съ постояннымъ нервнымъ разстройствомъ и съ тѣмъ строгимъ воззрѣніемъ на искусство, которое мною всегда руководствовало, нельзя много писать. Тѣ ничтожные романсы, которые, кажется, сами собой вылились въ минуту вдохновенія, часто стоятъ мнѣ тяжкихъ усилій. Не повторяться такъ трудно, какъ вы и вообразить не можете. Я рѣшился въ нынѣшнемъ году прекратить фабрику русскихъ романсовъ, а остатокъ силъ и зрѣнія посвятить болѣе важнымъ трудамъ». Дѣйствительно, потомъ Глинка сочинилъ всего только два романса: «Финскій Заливъ» и «Не говори, что сердцу больно.» Первый романсъ былъ сочиненъ на другой день пріѣзда Императрицы въ Варшаву и былъ посвященъ Ея Величеству. Великая княгиня Ольга Николаевна, прибывъ въ Варшаву, объявила кн. Паскевичу, что она не уѣдетъ оттуда, не услыша и не увидя Глинки, который и былъ приглашенъ къ Императрицѣ. Она ласково привѣтствовала Глинку по русски: «здравствуй, Глинка! что ты тутъ дѣлаешь?» Глинка отвѣчалъ, что въ Варшавѣ заставляетъ его жить климатъ, менѣе суровый, чѣмъ въ Петербургѣ. Государыня сказала на это: «разница не большая, но я рада, очень рада тебя видѣть.»

Около этого времени Глинкѣ поручили написать хоръ для дѣвицъ Смольнаго монастыря и просили для оркестра употребить только фортепіано, арфу и нѣсколько духовыхъ инструментовъ. Хоръ не имѣлъ успѣха. Описывая причины этого, Глинка говоритъ: «впередъ буду умнѣе и рѣшительно отъ всевозможныхъ заказовъ отказываюсь... Страданія печени совершенно меня измѣнили: нигдѣ не бываю, никого не вижу, иногда только сосѣдки—гризетки заходятъ повеселить меня танцами и рѣзвостью.» Однажды въ іюнѣ 1851 г. пос-

лѣ обѣда въ присутствіи Педро и немногихъ постороннихъ онъ игралъ на фортепіано, какъ подаютъ разомъ два письма. Въ этомъ обстоятельствѣ онъ увидѣлъ что-то роковое. Дѣйствительно, одно изъ писемъ извѣщало о смерти его матери. На другой день послѣ обѣда въ пальцахъ руки, которыми онъ взялъ роковыя письма, въ то самое время, когда Педро принесъ ихъ наканунѣ, онъ почувствовалъ слабость и какъ бы ползанье мурашекъ, а черезъ нѣсколько минутъ правая рука ослабѣла до того, что онъ не могъ почти владѣть ею. Это было сильное раздраженіе нервъ, которое со временемъ прошло. Однако первое время Глинка съ величайшимъ затрудненіемъ могъ только подписывать свое имя. Въ началѣ осени онъ отправился въ Петербургъ, чтобы хлопотать о заграничномъ паспортѣ. Погода стала портиться, а съ ней и слабое здоровье композитора. Докторъ пользовалъ слабительнымъ, отъ котораго сильно разъигрались нервы. Онъ написалъ сестрѣ Людмилѣ Ивановнѣ, занявшейся по его довѣренности устройствомъ дѣлъ по его имѣнію, что очень боленъ и просилъ скорѣй пріѣхать къ нему. Сестра не замедлила пріѣздомъ; она явилась къ нему вечеромъ; въ этотъ моментъ, не смотря на присутствовавшихъ гостей, братъ кинулся передъ ней на колѣни и зарыдалъ, какъ ребенокъ. Потомъ онъ началъ упрашивать сестру остаться всю зиму въ Петербургѣ. Пробывъ десять дней, она окончательно убѣдилась, что остаться слѣдуетъ: Глинка переродился, раздражительность его исчезла, нервы успокоились, онъ началъ заниматься. Сестра сдѣлала сюрпризъ: тайкомъ отъ брата наняла квартиру побольше и въ день своего рожденія, когда онъ принесъ подарокъ, объявила, что на другой день они переѣзжаютъ на другую квартиру и что она остается въ Петербургѣ на всю зиму. Это крайне обрадовало Глинку: весь тотъ день онъ былъ веселъ, пѣлъ, игралъ, былъ милъ и любезенъ съ гостями. Зиму на 1852 г. Михаилъ Ивановичъ провелъ весело. Его окружало общество молодыхъ людей, поклонниковъ его

таланта, не пропускавшихъ ни одного случая доставить ему музыкальныя удовольствія. Онъ нерѣдко пѣлъ свои пьесы, импровизировалъ, разсказывалъ подробности своей жизни, между прочимъ и анекдоты про Ивана Екимовича Колмакова, о которомъ даже написалъ нѣсколько листковъ воспоминаній. Устраивались квартеты, сочиненія самаго Глинки перелагаемы были въ 8—12 рукъ, причемъ онъ управлялъ исполненіемъ. Въ апрѣлѣ были исполнены въ филармоническомъ концертѣ: «вторая испанская увертюра» и «Камаринская,» причемъ автору ихъ пришлось самому слышать въ первый разъ. Публика сдѣлала великому композитору блестящій пріемъ. Овація была вполнѣ торжественная. Многіе изъ стариковъ артистовъ послѣ репетиціи обнимали его. Онъ былъ глубоко тронутъ, совершенно поблѣднѣлъ и слезы дрожали у него на глазахъ. Послѣ Глинка говорилъ сестрѣ: «помни, что отзывы артистовъ о моей музыкѣ для меня дороже отзывовъ и овацій всего міра.»

Здоровье композитора шло все хуже и хуже. Онъ совершенно лишился аппетита и почти въ теченіе цѣлаго мѣсяца декабря ничего не ѣлъ. Разстройство желудка произошло отъ гомеопатіи. Ему вздумалось (какъ самъ говоритъ: «не знаю почему») пить воду, ѣсть холодныя кушанья и т. д. Болѣзнь завершилась рвотой и почти кровавымъ поносомъ. Докторъ въ недѣлю спасъ отъ опасности.

Въ маѣ Глинка опять уѣхалъ съ Педро за границу. Спутницей его до Варшавы была одна дама, «довольно красивая, говоритъ онъ въ запискахъ, и страшная болтунья, такъ что съ ней было не скучно.» Глинка сочинилъ ей маленькую мазурку, которая понравилась въ Варшавѣ и Парижѣ.—Путешествіе уже мало развлекало его. Изъ Берлина онъ пишетъ сестрѣ: «да, мой другъ, я теперь не то, что былъ прежде, Бывало мчишься, какъ птица, и душа радуется, а теперь костямъ трудно, и какъ-то скучно.» Большую часть третьяго своего пребыванія за границей онъ провелъ въ Парижѣ. Отъ

30 іюня онъ пишетъ: «славный городъ! превосходный городъ! хорошій городъ, мѣстечко Парижъ. Что за движеніе, а для барынь-то, барынь, Господи, чего тамъ нѣтъ, такое великолѣпіе, само въ окно летитъ!» Изъ Парижа онъ направился-было въ Испанію, но на пути возобновились мучительныя страданія, сопровождались они обмираньемъ, какъ въ Венеціи и Смоленскѣ. Глинка твердилъ постоянно, что ему скучно и впалъ въ такое отчаяніе, что изъ Тулузы вернулся съ Педро обратно въ Парижъ. Здѣсь онъ считалъ возможнымъ найти новыя неиспытанныя умственныя наслажденія. Въ парижскихъ письмахъ онъ часто жалуется на то, что устарѣлъ. «Я собственно не хвораю, пишетъ онъ, но сталъ лѣнивъ, постарѣлъ злодѣйски, а расплылся, сирѣчь, потолстѣлъ, до безобразія. Музыка дремлетъ, но не спитъ.» — «Жизнь моя, пишетъ онъ 2 октября 1852 г., скромна и тиха; я рѣшительно по прежнему домосѣдъ; облѣнился, ѣмъ и ѣмъ много, читаю... Расползся и посѣдѣлъ шибко. А поэтому и наскучила мнѣ скитальческая жизнь, хочу во свояси... Домишко съ садикомъ, тихая жизнь—вотъ мое единственное желаніе.» Въ 1853 году рѣчь о скукѣ, о тоскѣ слышится чаще. Выѣхать изъ Парижа—мѣшаетъ отсутствіе запасной суммы. Педро, видимо, не хотѣлъ разстаться съ Парижемъ. Но нашего композитора этотъ городъ поражаетъ только ложнымъ блескомъ; «поживя въ немъ, говоритъ онъ, какъ я пожилъ, года съ два, увидишь, что все суета, суета и суета.» Въ томъ же году онъ составилъ себѣ такой идеалъ жизни. Домикъ,—за нимъ садикъ, котораго не было бы видно съ улицы.—Онъ чувствуетъ себя нелюдимомъ. Присутствіе постороннихъ лицъ ему враждебно, отравило-бы все. Въ домѣ его спальня и кабинетъ; рядомъ комната для птицъ; птичья комната должна отдѣлять спальню отъ Педро. Испанецъ по утрамъ часто чиститъ, пилитъ, скоблитъ, а это оскорбляетъ слухъ. Кромѣ птицъ онъ желалъ имѣть вокругъ себя много зелени и цвѣтовъ.

Въ Парижѣ Глинка пробовалъ писать украинскую симфонію «Тарасъ Бульба» на оркестръ, заказалъ себѣ партитурной бумаги огромнаго размѣра; трудъ этотъ былъ скоро оставленъ. Кромѣ музыкальныхъ занятій Михаилъ Ивановичъ много читалъ, особенно древнихъ классиковъ—Иліаду и Одиссею Гомера, почти всего Овидія; его немало веселили парижскія гризетки, которыхъ веселость, дѣтская рѣзвость, простодушіе, доброта очень ему нравились. Нѣкоторыя изъ нихъ читали ему. Такъ онъ прослушалъ почти всего Поль-де-Кока, «Тысячу и одну ночь», «Декамеронъ» Боккачіо и др. Видался иногда съ артистами.

Когда была объявлена война Россіи съ Франціей, наши путешественники въ апрѣлѣ 1854 года покинули Парижъ. По пути Глинка остановился на нѣсколько дней въ Берлинѣ. Здѣсь съ полнымъ восторгомъ слушалъ «Армиду» Глюка, которую дали нарочно для него по приказанію прусскаго короля. «Подобной порціи удовольствія, писалъ онъ, я еще не получалъ». «Эффектъ «Армиды» на сценѣ превзошелъ мои ожиданія; сцена въ очарованномъ лѣсу очаровательна». Какъ исполнители, такъ и оркестръ вполнѣ удовлетворили его взыскательному музыкальному вкусу.

XIV.

Послѣдніе годы жизни. Кончина.

Въ маѣ 1854 г. Глинка прибылъ въ Петербургъ. Находясь въ послѣдній разъ въ Парижѣ, онъ писалъ: ...«Тараса Бульбы» теперь продолжать не могу; странное дѣло! весьма мало написано мною за границей. А теперь рѣшительно чувствую, что только въ отечествѣ я еще могу быть на что-либо годенъ. Здѣсь мнѣ какъ-то не ловко». Дѣйствительно, по пріѣздѣ въ Петербургъ, онъ началъ снова дѣятельную жизнь; часто пѣлъ въ кругу знакомыхъ лучшіе свои романсы; живя лѣтомъ въ Царскомъ селѣ, выполнилъ образцовую инструментовку одного сочиненія Вебера, переложилъ на оркестръ фортепіанный ноктюрнъ Гуммеля. Въ то-же время онъ писалъ свою автобіографію, по просьбѣ друзей. Его записки вышли очень интересными, полны неоцѣненныхъ качествъ, не смотря на то, что литературный трудъ не былъ ему привычнымъ. Въ Царскомъ селѣ онъ жилъ вмѣстѣ съ сестрой Людмилой Ивановной. Образъ жизни его въ это время былъ таковъ: вставалъ довольно рано и исписывалъ мелкимъ почеркомъ цѣлый листъ своихъ записокъ. Часовъ въ 10 былъ чай, во время котораго онъ читалъ сестрѣ написанное въ то утро. Потомъ уходили на балконъ, гдѣ Михаилъ Ивановичъ изрѣдка писалъ

что-нибудь, чаще читалъ, или сестра читала ему. У сестры была маленькая дочь, крестница Глинки, которую онъ очень любилъ. На балконъ приносили коверъ. Глинка на разостланномъ коврѣ занимался, или валялся съ крестницей и, когда имъ приносили еще котенка, бывалъ очень доволенъ. Въ 1-мъ часу завтракали, потомъ наѣзжали знакомые изъ Петербурга, В. П. Энгельгардтъ, Львовъ, Сѣровъ и др. Изъ этихъ посѣтителей академикъ Дубровскій иногда выводилъ Глинку изъ терпѣнія своей страстью спорить. Во время одного такого спора Глинка долго слушалъ оппонента, потомъ, ничего не отвѣчая ему, подошелъ къ портрету Государя Николая Павловича и упалъ на колѣни со словами: «Ваше Императорское Величество! уничтожили Вы виленскій университетъ, уничтожьте и московскій (Дубровскій воспитывался въ послѣднемъ), чтобы подобныхъ сему господину меньше было на свѣтѣ». Эта выходка всѣхъ разсмѣшила. Къ осени Петербургъ опять сдѣлался мѣстопребываніемъ Глинки. Опасно занемогла крестница его. Тогда онъ бросилъ всѣ свои занятія и съ необыкновенно горячимъ участіемъ помогалъ сестрѣ ухаживать за дѣвочкой; иногда приходилъ сидѣть съ сестрою по ночамъ, ходилъ чуть слышно и совершенно отказалъ себѣ во всякихъ удовольствіяхъ. Когда же больная поправилась, онъ написалъ ей на елку «дѣтскую польку». Глинка любилъ дѣтей, только не новорожденныхъ и очень маленькихъ, которыхъ онъ искренно не терпѣлъ (своихъ дѣтей у него никогда не было). Зима на 1855 г. прошла весело. Хотя Михаилъ Ивановичъ мало выѣзжалъ, за то у него собиралось много, часто пѣли, играли, игра доходила до 12 рукъ. Изъ посѣтителей у него часто бывалъ А. Даргомыжскій. Глинка любилъ давать совѣты писать другимъ, но не охотно принималъ подобные совѣты на свой счетъ. Разъ Даргомыжскій началъ говорить ему, что стыдно ему съ такимъ талантомъ ничего не сочинять; Глинка вмѣсто отвѣта запѣлъ романсъ: «Каюсь, дядя, чертъ попуталъ»—пискливымъ

дискантомъ; и романсъ, и манера пѣть были Даргомыжскаго. Послѣдній продолжалъ все-таки увѣщанія, а Глинка все сильнѣй и сильнѣй старался выпискивать «Дядю». Кончилось тѣмъ, что Даргомыжскій сказалъ: «какой ты, братъ, школьникъ!» и перевелъ разговоръ на другой предметъ.—Въ эту зиму Глинка слышалъ не мало музыки, у нѣкоторыхъ знакомыхъ присутствовалъ на квартетахъ; въ это время онъ глубже и глубже началъ понимать музыку самыхъ великихъ композиторовъ: Бетховена, Баха, Генделя, Глюка; его любимцами стали также старые итальянцы; партитуры глюковскихъ оперъ почти никогда не сходили съ его фортепіано; часто заставлялъ играть у себя своихъ знакомыхъ отрывки изъ оперъ Глюка съ маленькимъ хоромъ, или исполнять въ 4 руки, самъ иногда принимаясь за фортепіано и скрипку. Въ концѣ зимы онъ сочинилъ «Торжественный польскій» для коронаціи Государя Александра Николаевича. Этотъ «польскій» играли по приказанію самого Императора.

Въ ту-же зиму на 1855 г. Михаилъ Ивановичъ былъ на представленіи своей «старухи», (такъ онъ называлъ первую свою оперу). Лишь подняли занавѣсъ,—творецъ великой оперы былъ пораженъ небрежностью, съ какой она давалась, а онъ не видалъ своей «старухи» уже 19 лѣтъ. За эти 19 лѣтъ ничего не было подновлено. Тѣ-же самые костюмы, тѣ-же декораціи; польскій балъ освѣщался 4 свѣчами. Глинка замѣтилъ сестрѣ, которая и зазвала его на это представленіе, что скоро балъ польскій будутъ освѣщать двумя сальными огарками. Оркестръ бралъ темпы, приводившіе въ ужасъ. Творца оперы восхищалъ Петровъ, тутъ-же онъ замѣтилъ Леонову, которая скоро стала его ученицей. Въ одинъ изъ антрактовъ кн. Одоевскій вошелъ въ ложу и шепнулъ сестрѣ, но такъ, что слышалъ братъ, что Глинку хотятъ вызывать. Тогда онъ вышелъ изъ ложи и немедленно уѣхалъ изъ театра. Послѣ этого представленія онъ двѣ недѣли страдалъ разстройствомъ нервъ. Для Леоновой, которая

брала у Глинки уроки пѣнія, онъ хотѣлъ устроить концертъ, приготовилъ даже нѣсколько своихъ пьесъ—положилъ на оркестръ: «Ночной смотръ», «Не называй ее небесной», устроилъ для оркестра, соло и хора свою пѣсню: «Ходитъ вѣтеръ у воротъ» и цыганскій романсъ—«Коса». Концертъ не состоялся только по случаю кончины Императора Николая Павловича.—Занятія съ Леоновой навели Глинку на мысль написать третью оперу. Сюжетомъ онъ избралъ драму кн. Шаховскаго «Двумужница», или «Волжскіе разбойники». 7 апрѣля 1855 г. онъ писалъ: «сюжетъ уже въ ходу. Вотъ предполагаемыя дѣйствующія лица: Груня (двумужница), молодая вдова, Башлыкъ (разбойникъ), есаулъ Чумакъ, Боберъ (мужъ Груни). Въ трехъ актахъ въ русскомъ родѣ».—Все лѣто 1855 г. Глинка занятъ былъ этой оперой. О занятіяхъ своихъ онъ пишетъ сестрѣ въ деревню 22 мая—«нѣсколько дней тому назадъ, я аккомпанировалъ Петрову пѣсню: «Не знавалъ я», такими аккордами, что его за живое забрало»; 12 іюня: я игралъ (нѣкоторымъ знакомымъ) «Тараса Бульбу», котораго, кажется, пристрою къ «Двумужницѣ». Г. пожиралъ меня глазами, весь обратился въ слухъ и вниманіе»; 26 іюня: «я занялся разсмотрѣніемъ либретто... Въ четвергъ обѣдалъ у меня мой либреттистъ и по моей просьбѣ сдѣлалъ всѣ нужныя измѣненія... Жаръ и безсонница не позволяютъ мнѣ ретиво приняться за дѣло, но я не трачу времени и многое сообразилъ». 3 іюля: «я сдѣлалъ музыкальную программу всей оперы и, кажется, уже у меня кое-что шевелится въ воображеніи». Опера эта повидимому заключала бы въ себѣ много разнообразія; въ нее вошли-бы всѣ отрывки, назначавшіеся для «Тараса». Малороссійскій элементъ назначался для Чумака. На святкахъ Груню похищаютъ. Это дало-бы поводъ ввести различные русскіе и малороссійскіе танцы. Здѣсь фантазіи Глинки предстояло обширное раздолье. Среди танцевъ былъ уже приготовленъ «Казачекъ». Были окончены главные мотивы для того мо-

мента, когда появляются вдали разбойничьи лодки; окончена арія Груни у колыбели ея спящаго ребенка. Но вдругъ все зданіе, немного не оконченное, рушилось. Россія не увидѣла третьяго великаго творенія своего композитора. Недальше, какъ въ послѣднихъ числахъ іюля 1855 г. онъ пишетъ: «въ Питерѣ дѣлать мнѣ вовсе нечего; кромѣ скуки и страданія ожидать мнѣ нечего. Либреттистъ обѣщаетъ оперу къ осени; не думаю, чтобъ онъ сдержалъ свое слово. Во всякомъ случаѣ опера пойдетъ въ долгій ящикъ, а быть изъ-за нея плѣнникомъ въ этомъ гадкомъ городѣ я рѣшительно не намѣренъ». О прекращеніи оперы онъ писалъ 29 ноября 1855 г. «Двумужница» давно уже прекратилась». Далѣе онъ говоритъ, что либреттистъ его пропалъ. «А что опера прекратилась, я радъ: 1) потому, что почти невозможно писать въ русскомъ родѣ, не заимствовавъ хоть характера у моей старухи; 2) не надобно слѣпить глаза, ибо вижу плохо; 3) въ случаѣ успѣха мнѣ-бы пришлось оставаться долѣе необходимаго въ этомъ ненавистномъ Петербургѣ. Досады, огорченія и страданія меня убили, я рѣшительно упалъ духомъ».

Отказъ отъ оперы не означалъ еще однако, что Глинка вовсе бросилъ музыкальныя занятія. Онъ занялся изученіемъ церковныхъ тоновъ и подготавливалъ матеріалы для будущихъ работъ, выписывалъ изъ «Обихода» церковныя мелодіи, которыя онъ хотѣлъ положить на «настоящую церковную гармонію». Состоялись даже попытки въ этомъ направленіи; такъ онъ положилъ на три голоса: «эктенію» обѣдни и «да исправится», которыя были исполнены великимъ постомъ 1856 г. въ Сергіевской пустыни (близъ Петербурга). Зиму на 1856 г. Глинка провелъ, какъ и прежде, въ обычныхъ музыкальныхъ занятіяхъ въ кругу близкихъ знакомыхъ. Сестра сдѣлала елку своей дочери на святкахъ. Глинка началъ просить, чтобъ она и ему сдѣлала елку. Сестра думала, что онъ шутитъ, но братъ настаивалъ, говоря: «это будетъ моя елка и я приглашу на нее кого захочу». Пришлось устро-

ить другую елку. Приглашены были знакомые, между ними былъ Даргомыжскій. Елку зажгли. Глинкѣ пришла фантазія танцевать вокругъ дерева. Устроили танцы. Сначала все шло хорошо. Михаилъ Ивановичъ при своихъ лѣтахъ и тучности справлялся съ разными фигурами хорошо. Даргомыжскій вздумалъ подтрунить надъ нимъ, придумалъ такую фигуру, чтобъ кавалеръ становился на колѣни. Михаилъ Ивановичъ, сдѣлавъ эту фигуру, самъ не могъ подняться. Всѣ дамы бросились поднимать его; смѣхъ былъ общій. Глинка сказалъ Даргомыжскому: «вѣдь ты надо мной съехидничалъ». Вечеръ окончился музыкой.

Въ послѣдніе годы Глинка часто считалъ себя близкимъ къ смерти; отъ этого выходили иногда забавныя штуки. Такъ, въ первый день Пасхи 1855 г. онъ блѣдный входитъ въ комнату сестры и говоритъ: мнѣ худо.—«Что съ тобой?» спрашиваетъ сестра. Онъ показалъ на щекѣ кровь и говоритъ: «видишь, кровь уже выходитъ.» Сестра увѣрила, что это онъ самъ во время бритья сдѣлалъ себѣ царапину. Глинка успокоился и даже повеселѣлъ. Въ пищѣ не любилъ пряностей, даже лавровый листъ въ супѣ былъ ему непріятенъ. Разъ, вынимая такой листъ изъ супа, онъ сказалъ: «Не люблю я лавровъ ни на головѣ, ни въ супѣ».

27 апрѣля 1856 г. Глинка тронулся изъ Петербурга въ Берлинъ. Сестра и В. Стасовъ проводили его до заставы. Здѣсь Глинка вышелъ изъ кареты, простился съ провожавшими близкими людьми, потомъ плюнулъ и сказалъ: «Когда-бы мнѣ никогда болѣе этой гадкой страны не видать!» Желаніе его исполнилось. Онъ уже никогда не увидѣлъ болѣе «этой гадкой страны». Ровно почти черезъ годъ «гадкая страна» приняла на вѣки въ свое лоно одинъ бездыханный трупъ великаго композитора. Но что значитъ это оригинальное прощанье съ Петербургомъ? Это было уже далеко не то прощанье, когда пѣлась «Прощальная пѣснь». Это странное

восклицаніе было воплемъ изнывшей души великаго генія, у котораго убита была энергія писать въ Россіи и для Россіи,— убита повальнымъ равнодушіемъ его современниковъ къ его великимъ твореніямъ. Какъ-бы ярко и долго можетъ-быть блестѣлъ геній нашего композитора, если-бъ въ послѣдніе годы своей жизни онъ встрѣтилъ-бы тотъ энтузіазмъ отъ русскаго общества, которое потомъ уже оцѣнило творенія своего великаго человѣка.

Цѣлью послѣдняго предсмертнаго путешествія за границу былъ Берлинъ, гдѣ Глинка прожилъ 10 мѣсяцевъ въ сравнительномъ довольствѣ и спокойствіи. Въ Берлинѣ онъ хотѣлъ пройти съ Деномъ весь курсъ науки о церковныхъ тонахъ. 1 іюля 1856 г. онъ пишетъ сестрѣ: «мое намѣреніе остаться до будущаго мая въ Берлинѣ. Я привыкъ къ здѣшней тихой жизни и не желалъ бы оторваться отъ трудныхъ, но весьма занимательныхъ упражненій съ Деномъ. И какъ знать, можетъ быть они будутъ примѣнены съ пользою для отечественной церковной музыки». Спустя немного онъ пишетъ: «Спокойно мнѣ въ Берлинѣ, потому что изъ самцовъ я только знакомъ съ людьми спеціальными: Деномъ, Мейерберомъ и пр. Никто не навѣщаетъ меня съ каплею яда на концѣ языка». Въ дальнѣйшихъ письмахъ онъ высказываетъ желаніе «проложить хотя тропинку въ нашей церковной музыкѣ», сознается, что онъ никогда еще не изучалъ настоящей церковной музыки и не надѣется въ короткое время постигнуть того, что было сооружено цѣлыми вѣками. Въ октябрѣ того же года: «Занятія мои съ Деномъ подвигаются шибко, я впился въ работу съ злѣйшимъ ухищреніемъ злобы»... «Недавно я дѣлалъ двойную фугу на три голоса, которою Денъ остался зѣло доволенъ».—Въ музыкальныхъ продовольствіяхъ «просто раздолье: кромѣ «Фиделіо» и «Орфея», я слышалъ три Моцартовы: «Тита» «Фигаро» и «Волшебную Флейту». Оркестръ и хоры чудо». Занятія съ Деномъ, частыя посѣщенія театра не мѣшали ему еще давать уроки пѣнія и инструментовки.

Особенно много восторговъ доставлялъ ему театръ. Прослушавъ «Ифигенію въ Авлидѣ», онъ пишетъ: Боже мой! что это такое на сценѣ! Я просто рыдалъ отъ глубокаго восторга».

Въ Берлинѣ Глинка велъ жизнь чрезвычайно тихую и спокойную. Часы его были распредѣлены также, какъ и въ Петербургѣ. Болѣе всего занимала его работа съ Деномъ. На будущее лѣто онъ предполагалъ отправиться въ Италію, или южную Францію, но туда, гдѣ не было-бы моря. Онъ такъ до конца жизни былъ убѣжденъ, что море ему вредно.

21 января (9 янв. по ст. ст.) 1857 г. Михаилъ Ивановичъ приглашенъ былъ на парадный концертъ во дворцѣ прусскаго короля. Публики на этомъ концертѣ было до 700 особъ; все было залито золотомъ и сверкало бриллiантами. Исполняли между прочимъ тріо: «Ахъ, не мнѣ, бѣдному» изъ «Жизни за Царя». Партію Вани пѣла Вагнеръ, бывшая на этотъ разъ въ ударѣ. Номеръ этотъ произвелъ большой эффектъ на придворное блестящее собраніе. Управлявшій оркестромъ Мейерберъ написалъ Глинкѣ самое лестное письмо по случаю этого концерта и тріо, а на репетиціи передъ концертомъ приглашалъ его, чтобъ онъ самъ указалъ темпъ, выраженіе и пр. Несомнѣнно, что это весьма порадовало нашего композитора. Описывая концертъ въ послѣднемъ своемъ письмѣ въ Россію къ сестрѣ, онъ говоритъ не безъ справедливой гордости: «чтобы понять важность этого событія для меня, надобно знать, что это единственный концертъ въ году... Если не ошибаюсь, полагаю, что я первый изъ русскихъ, достигшій подобной чести». Въ комнатахъ королевскаго замка во время концерта Глинка сильно страдалъ отъ жары; при выходѣ изъ этихъ комнатъ онъ сильно простудился и на другой день жаловался на свое состояніе Дену. Теплая ванна вызвала обильный потъ и Глинка поправился настолько, что принялся за занятія съ Деномъ. Около этого времени онъ получилъ какія-то непріятныя извѣстія и сталъ крайне раздражителенъ; Денъ по 4 и по 5 разъ въ день приходилъ

развлекать его. Когда удавалось разогнать хандру, Михаилъ Ивановичъ приступалъ къ работѣ и научнымъ разговорамъ. Около половины января онъ сталъ жаловаться на жестокую боль около печени и на полную потерю аппетита. Раздражительность его доходила до того, что онъ, прося Дена напр. удалить лакея, впадалъ даже въ ярость. Когда лакей былъ удаленъ, Глинка сталъ кротокъ, любезенъ и сталъ дурачиться съ самымъ прекраснымъ расположеніемъ духа. До 1 февраля онъ продолжалъ страдать печенью, его рвало, тѣлесныя силы упадали, но духомъ онъ былъ бодръ и веселъ, «говорилъ со мной, пишетъ Денъ, о своихъ работахъ и опять дурачился». 1 февраля (ст. ст.) Денъ пробылъ у него до ночи. Глинка шутилъ и говорилъ о своихъ фугахъ. 2 февраля утромъ онъ былъ очень утомленъ и выказывалъ полнѣйшее равнодушіе. Тутъ только докторъ объявилъ, что болѣзнь приняла другое направленіе, что больной въ опасности, но скоро не умретъ. Передъ этимъ Глинка не бралъ въ ротъ ничего, кромѣ небольшаго количества шампанскаго съ водою, или безъ воды. Въ ночь на 3 февраля онъ умеръ внезапно, но спокойно. Его разговоръ былъ ясенъ до послѣдней минуты. За нѣсколько часовъ до смерти, около полуночи, онъ потребовалъ подаренный ему матерью образокъ, поцаловалъ его молча, горячо молился, былъ кротокъ и спокоенъ и остался такъ до той минуты, когда смерть внезапно поразила его.

Михаилъ Ивановичъ былъ искренно убѣжденный христіанинъ. Еще въ эпоху своей славы въ Петербургѣ онъ говорилъ одному живописцу: «Я не вѣрилъ-бы въ будущее блаженство, еслибъ не видѣлъ на землѣ трехъ высшихъ искусствъ: музыки, живописи и ваянія; они суть представители грядущаго счастія. Человѣкъ, приходя отъ нихъ въ восторгъ, позабываетъ о землѣ, душа его блаженствуетъ, и онъ считаетъ себя въ ту минуту совершенно счастливымъ, потому что состояніе его духа не требуетъ ничего высшаго, ничего сильнѣйшаго. И эта точка, на которой мы останавлива-

емся въ своихъ желаніяхъ и стремленіяхъ къ лучшему,— есть точка истиннаго счастья. Будущее блаженство, должно быть, такое же состояніе нашей души, только болѣе продолженное. Мы приходимъ здѣсь въ восторгъ на одно мгновеніе, —тамъ же оно будетъ безъ границъ и мѣры».

Послѣ смерти Глинку анатомировали. Нашли печень чрезмѣрно утолщенною, а желудокъ крошечный. Такъ какъ передъ смертью Глинка не могъ принимать пищи двѣ недѣли, то можно сказать, что онъ умеръ съ голоду.

6 февраля Глинка былъ похороненъ въ Берлинѣ, но потомъ весной того же 1857 г. тѣло его было перевезено въ Россію и погребено безъ особенной торжественности въ Александро-Невской Лаврѣ въ Петербургѣ.

КОНЕЦЪ.

MUSIC LIBRARY

ML 410 .G56 K8
Biografia M.I. Glinki. S. pril C.1
Stanford University Libraries
3 6105 042 501 986

ML410
G56 K8

Stanford University Libraries
Stanford, California

Return this book on or before date due.

OCT 1 1970